

Тэд Уильямс

Война Цветов

2003

Уильямс Т.

Война Цветов / Т. Уильямс — 2003

Война Цветов началась и ей, кровавой, жестокой, мало подходит столь нежное название! Ведь королевство фэйри давно уже изменилось – и из сказочного стало попросту страшным. В бой идут призраки, гоблины, тролли, упыри – порождения ночного кошмара, не знающие жалости, противостоящие же им Светлые Эльфы выглядят какими угодно, только не «светлыми». И в центре этого вселенского хаоса внезапно оказывается очень странный человек – рок-музыкант, заброшенный в магический мир по чистой случайности, и теперь вынужденный учиться в нем выживать...

© Уильямс Т., 2003

Содержание

ОТ АВТОРА	5
ПРОЛОГ	6
ЧАСТЬ ПЕРВАЯ	8
1	8
2	18
3	20
4	31
5	35
6	45
7	48
8	57
9	61
ЧАСТЬ ВТОРАЯ	69
10	69
11	78
12	84
13	96
Конец ознакомительного фрагмента.	100

ОТ АВТОРА

Читатель может обнаружить в этой книге нежелательную параллель с событиями 11 сентября 2001 года в Нью-Йорке и Вашингтоне. Однако все события, происходящие в романе, входят в первоначальный план, записанный автором еще в январе 2000 г.

Я слегка изменил упомянутый отрывок, чтобы сделать сходство с реальными событиями менее разительным, но это слишком важный момент сюжета, чтобы исключить его целиком. Надеюсь, что читатель простит меня за вызванный этим сходством дискомфорт и поймет, что я оставил в книге эти страницы не ради дешевого эффекта и желания сыграть на трагедии, затронувшей стольких людей.

ПРОЛОГ

Единственный цветок, чемерица, стоящий в вазе из вулканического стекла посреди огромного письменного стола, светился почти радиоактивной белизной в маленьком кружке искусственного света. В любом другом из великих домов это обманчиво хрупкое растение было бы вышито на знамени, драпирующем стену за троном, но здесь в этом не чувствовалось необходимости. Никто не мог бы проникнуть во внутренние покои чудовищного, похожего на кость здания, не зная, где он находится, и кто здесь правит.

В мире смертных чемерицу называют также рождественской розой: существует предание о маленькой девочке, которой нечего было подарить младенцу Христу. Она расплакалась у Вифлеемских ясель, и из ее слез, упавших в снег, вырос этот цветок. И цветок, и снег крайне маловероятны в Святой Земле тех времен, но на популярности легенды это не отразилось.

Есть еще древнегреческий миф о Мелампе Пилосском, излечившем при помощи чемерицы дочерей тиринфского царя, которых поразило дионисийское безумие, и они бегали по городу с воплями, хохотом и рыданиями.

Есть много преданий о чемерице, и почти во всех присутствуют слезы.

Устраниителю Неудобных Препятствий молчать было не в новинку – в молчании он чувствовал себя как рыба в воде.

Он смотрел на освещенный цветок, позволяя мыслям свободно блуждать по самым темным закоулкам своего напоминающего лабиринт разума, и с каменным терпением ждал, когда заговорит сидящий за столом. Пауза затягивалась.

Тот, кто сидел по ту сторону стола и, судя по всему, преследовал в уме собственную добычу, протянул руку и дотронулся до цветка. Шелест его костюма из паутинного шелка при этом движении могла расслышать разве что летучая мышь – или сидящий напротив. Лепесток затрепетал, от прикосновения длинного пальца, лишь ненамного уступающего белизной цветку.

В комнате, расположенной внутри здания, не было окон, но Устранитель знал, что на улице идет сильный дождь. Он лупит по мостовой, и брызги летят из-под шин экипажей – здесь же так тихо, будто они вдвоем сидят в бархатной коробочке для драгоценностей.

Рука в мерцающем темно-синем рукаве снова тронула цветок.

– Будет война, – низким музыкальным голосом промолвил, наконец, хозяин дома.

Смертные женщины, услышав этот голос ночью у себя в комнате и ощущив незримое тепло, влюблялись так, что отказывали всем своим поклонникам и отрекались от земного счастья в надежде, что ночной гость опять вернется к ним и позволит пережить заново тот единственный, горячечный полуночный час.

– Будет война, – согласился Устранитель.

– Ребенок, о котором мы говорили, не должен жить.

Последовал долгий вдох – или вздох?

– Он не будет жить.

– Вы получите гонорар в обычном размере.

Устранитель кивнул, думая о своем. Он не опасался, что кто-нибудь, даже столь важная персона, как его собеседник, вдруг решит не платить ему. Скоро война, и он непременно понадобится им снова. Он специалист из специалистов, не имеющий себе равных по скромности и эффективности, – и никто не захочет сделать его своим врагом.

– Прямо сейчас? – спросил он.

– Так скоро, как только возможно. Если будете медлить, кто-нибудь может заметить. Да и рисковать ни к чему. Эффект Клевера изучен не до конца, и второго шанса у вас может не быть.

Устранитель встал.

— До сих пор мне ничего такого не требовалось, — сказал он и вышел — быстро, как тень, мелькнувшая по темной стене. Глава дома Чемерицы видел многое, недоступное другим, но даже ему было трудно точно отследить момент ухода Устранителя.

С этим лучше не ссориться, подумал он. Такого следует либо всячески ублажать, либо отправить в Колодезь Забвения, превратив предварительно в пепел. В любом случае ни на один из других домов он работать больше не должен. Лорд Чемерица, размышая, снова погладил бледный цветок на столе.

Вот еще одно любопытное свойство чемерицы: ее можно заморозить в глубоком снегу, но когда начнется оттепель, цветок стряхнет с себя влагу и оживет, как ни в чем не бывало. Чемерица — сильное, выносливое растение.

Высокий, худощавый, одетый в паутинный шелк лорд нажал кнопку на боковой панели стола и произнес несколько слов в воздух. Ветра Эльфландии донесли их до всех, кому надлежало слышать, до всех в огромном городе и во всей неспокойной стране. Лорд Чемерица созывал своих сторонников на первый совет грядущей Войны Цветов.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

ДОБРОЙ НОЧИ, НИКТО

1 ТУЧИ

Тео, включив мобильник, ощущал легкий укор совести – особенно когда заметил, что телефон оставался выключенным больше двух часов, – и с облегчением увидел, что никаких сообщений за это время не поступило. Он собирался отключиться всего на несколько минут, чтобы не создавать помех во время репетиции – ребят, особенно Криса, гитариста, такие звонки страшно бесили, – но потом забыл, что связь у него не работает.

Джонни, переступив через гитарные футляры, валявшиеся на полу, как сброшенные коконы, вышел к нему во двор. Пока они репетировали, с холма спустился туман, и дворик-патио выглядел, как островок в холодном море.

«Господи Боже! Март в Сан-Франциско. Надо было куртку надеть, когда выходил».

– У тебя закурить есть? – спросил Тео.

Ударник, скорчив рожу, похлопал по карманам рубашки и брюк. Руки у него при маленьком росте были длинные и сильные. Со своим брюшком, лохмами вокруг лысины и волосами, лезущими из-под выреза майки, он всегда напоминал Тео симпатичного шимпанзе из книжки знаменитой англичанки.

Джонни, обнаружив, наконец, пачку, вытряс одну сигарету для Тео, другую для себя и закурил.

– Свои вообще-то надо иметь.

– Зачем? Я курю, только когда играю.

– Как это типично для тебя, Вильмос, – ты всегда выбираешь путь наименьшего сопротивления. Я вот не могу без курева, а ты куришь, только когда тебе охота – то есть, когда я рядом. Я же и рак получу в итоге.

– Возможно. – Тео подумал, не позвонить ли домой, но ведь через несколько минут он и так уйдет. Кэт, правда, сейчас работает по программе «я беременна-и-хочу-в-любой-мо-мент-знать-где-ты»... Тео снова ощущал укор совести и не мог ни на что решиться. Он смотрел на телефон, как на артефакт исчезнувшей цивилизации.

– Сообщение от старушки? – Джонни один из всей группы был ровесником Тео, а говорил и вовсе как человек другой эпохи, беззастенчиво используя слова вроде «чувиха» или «хиппово». Тео сам слышал, как он однажды выдал «мировецки». Хотя и клялся потом, что это была ирония. Джонни был также единственным, у кого в голове укладывалось устаревшее понятие вроде «позвонить домой». Крис, Дано и Морган в свои двадцать с небольшим просто скидывали своим подружкам СМС, когда выпадал свободный часок для секса.

– Нет, но мне все равно пора двигать.

Джонни послал сигарету через низкий забор на улицу, как маленькую падающую звезду.

– Послушай сначала, как записался «Праздник». Тебе ведь не надо, чтобы Крис говнился еще больше обычного, так ведь? – Джонни ухмыльнулся в бороду и стал отрывать пластырь, которым обклеивал костяшки, чтобы не обдирать их о края своих ударных. Тео предпочел бы шрамы этим розовым пролысинам на волосатых кистях Джонни, но Джонни, похоже, с девушками последнее время не встречался и потому плевать хотел на такие мелочи.

С Тео дело обстояло по-другому. Он всерьез задумался, успеет ли подстричь свои отросшие волосы. Мало того, что тебе тридцать, а ты как пел в гаражах, так и поешь – не хватало еще, чтобы тебя принимали за обкурка-переростка.

* * *

Следующие полчаса, никак не меньше, Тео прослушивал демо-запись «Праздника дураков», суперготской композиции Криса – гитарист носился с ней, как нервный шеф-повар с особо важным обедом. У автора имелось немало претензий к вокалу Тео – ему хотелось бы больше хрипотцы, больше угрозы, больше мелодрамы, всего того, что самому Тео, мягко говоря, не особенно нравилось.

При последнем прослушивании, пока Крис мотал коротко остриженной головой в такт своей музыке, со смешанным выражением удовольствия и боли на лице, Тео посетило озарение: «Он хочет сам вести вокальную партию – все к тому идет. И хотя я в сто раз лучше его, он, в конце концов, возомнит о себе и попробует спеть сам. А мне в этой группе нечего будет делать».

Тео сам не знал, что чувствует по этому поводу. С одной стороны, хотя он искренне восхищался игрой ребят и музыкальными идеями Криса Ролле, эта группа даже близко не совпадала с его идеалом. Его корежило от одного названия: «Майти Клаудс офф Ангст» – «Густые тучи страха». Это было коряво и, хуже того, содрано с названия знаменитой госпелгруппы «Густые тучи радости». Тео твердо верил в то, что шутейные названия могут позволить себе только шутейные группы, и «Битлз» тут не указ. И его это попросту раздражало. Крис, Дано и Морган по своему щенячьему возрасту никак не могли помнить «Густые тучи радости», так зачем же пародировать то, о чем понятия не имеешь? Тут попахивало белыми мальчиками из пригорода, которые прикальваются над серьезными, религиозными черными музыкантами, и Тео из-за этого чувствовал себя неловко. Но он знал, что высказать это вслух – значит нарваться на рыбий взгляд, который они себе выработали для защиты от безнадежно отсталых родителей и учителей – и ощутить себя еще более старым, чем он есть.

Когда же это он успел оказаться за чертой, за этой в частности?

Он надел свою древнюю кожаную куртку и стрельнул у Джонни еще сигарету на дорожку – вернее, для дома, поскольку в мотоциклетном шлеме курить затруднительно. И огляделся с чувством, как будто что-то забыл. Солисту техника ни к чему – микрофоны и прочая акустика принадлежат Моргану и Крису. Он мог бы уйти из «Туч» с той же легкостью, с которой выходит сейчас за дверь. Если у него что-то получается, так это уходить, когда все становится совсем уж стремным.

Интересно, а Джонни останется, если он и правда уйдет? Свои чувства по этому – поводу Тео тоже не до конца сознавал. Это была уже третья группа, где он работал вместе с Джонни Баттистини – третья после кошмара типа «мы себя еще покажем» и слабенького коллективчика для заполнения пауз, где они пережидали время, пока не повязались с Крисом и компанией. Тео был бы не прочь подождать и подыскать что-нибудь поприличнее – и, Бог свидетель, Кэт была бы счастлива хоть иногда видеть его дома по вечерам, в ее-то положении, но старина Джонни ни на что особенное в жизни не рассчитывал. Вне «Туч» и работы в музыкальном магазине Джонни относится к тем, кого рекламщики выслушивают, но за счет кого в основном и существуют – к добродушным придуркам, которые покупают готовые обеды, берут порнокассеты охапками и в одиночестве смотрят спортивные матчи.

– Уходишь? – спросил Крис, оторвавшись от очередной прокрутки «Праздника дураков», когда Тео дошел до двери. В голосе автора слышалось раздражение. Глаза у Криса серые, как небо перед грозой – девушки-тинэйджеры, наверное, видят в этих глазах вещи, которых там на самом-то деле нет.

«Ну что ты, – хотелось ответить Тео. – Я остаюсь. Буду всю ночь курить с вами травку и балдеть от собственного таланта. Мне ведь больше делать нечего, и никто мне плещь не проедает, если я поздно прихожу домой».

– Куда денешься, – сказал он вместо этого. – Моя девушка беременна, ты ж понимаешь. – В приступе добродетели он почти что забыл о выключенном на пару часов мобильнике.

Крис закатил глаза, не желая иметь ничего общего с таким занудством, и нажал длинным пальцем на клавишу перемотки, чтобы послушать свое соло с самого начала. Морган и Дано оба мотнули головой в сторону Тео, чтобы сберечь энергию и не махать ему на прощание, а Джонни улыбнулся в знак солидарности – хотя он-то, не в пример Тео, останется и будет зависать с этими ребятишками на десять лет моложе себя, и затягиваться с ними из кальяна, и рассуждать о гипотетическом первом альбоме до часу или двух ночи.

– Гуляй, Тео! – крикнул он вслед.

Старенькая «ямаха» завелась с первого раза, и Тео подумал, что это хороший знак.

Свет в спальне не горел, но за шторами мигал телевизор – значит, Кэтрин, наверное, еще не спит. Звонить она ему не звонила, но будет скорее всего не слишком довольна, что он явился после полуночи. Тео в нерешительности уселся на крыльце, чтобы выкурить добытую у Джонни сигарету. На тротуаре перед темными домами стояли лужицы света от фонарей. Это был спокойный квартал в рабочем районе Вестерн-Эддишен – люди здесь после первых слов ведущего «Лено» или «Леттермэн» выключают телевизоры, потому что завтра рано вставать. Ветер гонял по улице облетевшие листья.

«Не место мне тут, – подумал внезапно Тео. – Не жизнь».

Эта мысль удивила его. Если не здесь, то где? Где он может найти место лучше этого? Правда, пока только музыка позволяла ему чувствовать себя по-настоящему живым; его преследовало ощущение, что во всем остальном – на работе, в разговорах с людьми, даже во время близости с Кэт – он просто выполняет заученные действия, но детские мечты о том, чтобы стать рок-звездой, он давно преодолел, это точно. Играть каждые пару-тройку недель в клубах перед живыми людьми – уже счастье. Разве не этого он всегда хотел – свой дом, чтобы все, как у взрослых? Кэтрин Лиллард определенно в этом нуждалась, а он нуждался в ней. Они вместе уже два года – целая вечность, скажете нет? Практически семья, тем более после положительного теста на беременность.

Тео вернулся через крошечную лужайку на тротуар, бросил окурок в канаву и вошел в дом. Телевизор работал, но на диване, в привычном гнездышке Кэт, валялось только скомканное одеяло.

– Эй, детка! Кэт! – На кухне темно, но недавно она, похоже, что-то готовила: пахнет какой-то приправой, сладковатой и чуточку тошнотворной. Окна открыты в прохладную марсовскую ночь, но в доме чувствуется какая-то предгрозовая духота.

– Кэт, это я! – «Может, она уже легла, – пожал плечами Тео, – а телик оставила». Выйдя в коридор, он увидел свет в ванной, но не нашел в этом ничего странного: Кэт терпеть не могла пробираться в темноте ощупью, когда вставала ночью. На полу в ванной что-то лежало, но он и на это внимания не обратил – зато сразу заметил красные пятна, очень яркие на белой поверхности ванны.

Он распахнул дверь во всю ширь и только через две секунды, самые длинные в своей жизни, осознал, что он видит. Сдвиг реальности походил на галлюцинацию. На полу за дверью, под сильным флуоресцентным светом, тоже алела кровь, и махровый халат Кэт, лежащий кучей около унитаза, намок от крови.

– О Господи...

Халат зашевелился, изменил положение, и Тео увидел бледное лицо Кэт.

Оно было как белая бумажная маска с кровавыми отпечатками пальцев на обеих щеках – ее собственными, как он сообразил после, но сейчас ему сдавило грудь, и в голове визжало: убийство.

То первое ощущение не обмануло его, хотя выяснилось это позже, намного позже.

Кэт, пытаясь сфокусировать взгляд на его лице, прошелестела:

– Тео?

– Боже мой, что стряслось? Ты...

Видя, как судорожно сокращается ее горло, он подумал, что ее сейчас вырвет, и с ужасом представил себе кровь, фонтаном бьющую изо рта. Хрип, исторгнутый Кэт вместо этого, был до того ужасен, что он не сразу разобрал слова:

– Я потеряла его...

Он упал на колени в размазню на полу ванной, в липкую красную жижу – откуда ее столько взялось, откуда? – и стал поднимать Кэт под бубнящий в голове идиотский голос: «Не трогай ее, потерпевших нельзя трогать...» Он не понимал, что происходит, что могло случиться – кто-то проник в дом, что ли? – а потом вдруг понял.

– Я потеряла его! – выговорила Кэт чуть более внятно, явно уже из последних сил. – О Боже, я потеряла ребенка!

Уже на полпути к телефону он вспомнил о мобильнике у себя в кармане.

Набрав 911, он назвал адрес, одновременно обматывая полотенца поверх халата, точно Кэт была одной сплошной раной, которую следовало перевязать. Она плакала, но звука почти не было слышно.

Закончив, он прижал ее к себе и стал ждать, когда к дому подъедет «скорая».

– Где ты был? – вся дрожа, с закрытыми глазами спросила она. – Где ты был?

Больницы всегда вызывают ассоциации со стихами Т. С. Элиота: пустые, ярко освещенные коридоры и спокойные слова, бессильные затушевывать происходящие за дверьми ужасы. Даже вестибюль, куда Тео вышел немного размяться и разрядить ничему не помогающее напряжение, показался ему чем-то вроде мавзолея.

Кровопотеря Кэт не была смертельной, как со страху вообразил он. Часть месива в ванной составляли околоплодные воды и обыкновенная вода: Кэт, когда начались спазмы, решила принять горячую ванну. Врачи говорили о преждевременном разрыве мембран и возможном дефекте матки, но для претерпевшего мозговой шок Тео все это было китайской грамотой. Первые десять часов Кэт большей частью спала, бледная, как принцесса из детской книжки, с иглами от капельниц в обеих руках. Когда она наконец открыла глаза, то показалась ему чужой, незнакомой.

– Мне очень, очень жаль, солнышко, – сказал он. – Это не твоя вина. Такое случается.

Она, не потрудившись ответить на эти пустые слова, отвернулась и стала смотреть на темный телевизор, висящий под углом на стене.

Тео пролистал ее телефонную книжку. Мать Кэт приехала к завтраку, расстроенная тем, что он не позвонил сразу, следом за ней подтянулась подруга Лэнси. Обе в джинсах и рубашках – вот сейчас засучат рукава и примутся стряпать церковный обед либо амбар строить. Они вздигнули вокруг бледной, молчаливой девушки Тео незримый, но непреодолимый барьер. Помыкавшись еще около часа и доставив снизу кофе и журналы, он сказал Кэтрин, что сходит домой и поспит немного. Кэт ничего не ответила, но ее мать нашла, что это хорошая мысль.

Поспать ему удалось всего три часа, несмотря на усталость. Встав, он сообразил, что не позвонил никому из собственных друзей и родственников – да и кому, собственно? Джонни? Он хорошо представлял себе, что – и даже каким тоном – тот ответит. «Да иди ты, Тео. Обалдеть». Джонни часто не хватает слов в драматические моменты, и остается только сленг,

совершенно не соответствующий случаю. Джонни искренне огорчится – он по сути хороший парень, – но какая польза ему звонить? А рассказывать о случившемся другим ребятам из группы вообще нелепо. Стоит позвонить Джонни хотя бы для того, чтобы тот передал им, и Тео не пришлось бы смотреть, как они что-то изображают – если они, конечно, соизволят изобразить.

Кому еще? Разве можно потерять ребенка – это ведь и твой ребенок, все время напоминал он себе, наполовину твой, а не только ее – и никому не сказать об этом? Неужели за свои тридцать лет он не нажил никого, с кем необходимо или просто хочется поговорить в случае несчастья?

Куда они подевались, друзья? Раньше вокруг него постоянно кто-то толокся – девчонки бегали на его выступления, парни хотели быть его менеджерами, а теперь он никого из них даже не помнит. Друзья? Да нет, просто люди, а людям он теперь не очень-то интересен.

В конце концов он позвонил матери, с которой в последний раз общался в начале февраля. Ему казалось не совсем честным молчать около месяца, а потом обрушивать на нее этакую новость, но больше ничего он придумать не мог.

– Привет, мам.

– Здравствуй, Тео. (И все, никаких там «как ты долго» или «как у тебя дела».)

– Знаешь, я... У меня неважные новости, мам. Кэт потеряла ребенка.

Пауза затянулась даже по стандартам Анны Вильмос.

– Как это грустно, Тео. Мне очень жаль.

– У нее был выкидыш. Я пришел домой, а она на полу в ванной. Ужас что такое. Кровь везде. – Он осознал, что рассказывает об этом уже как бы со стороны, как бы не о том, что произошло с ним самим. – Все уже в порядке, но у нее, кажется, депрессия.

– Почему это случилось, Тео? Они должны знать.

«Они». Мать всегда говорит о людях, облеченных хоть какой-нибудь властью, как о некоем всеведущем, всемогущем сообществе.

– Да нет, они не знают. Случилось, и все... спонтанно. Они делают анализы, но пока еще не знают.

– Очень печально, очень. – На этом, похоже, разговор и закончился. Тео пытался вспомнить, чего он хотел, когда звонил, чего ждал – ведь не просто же ради исполнения сыновнего долга он набрал ее номер? Вот, мол, что произошло у меня за последний месяц, мама?

«Это мог быть настоящий ребенок, – подумал он вдруг. – Такой же реальный, как я. Как ты, мама. Это не просто „печально“». Но вслух он этого не сказал:

– Твой дядя Харольд приезжает в будущем месяце. (Младший брат отца, менеджер по продажам, живущий в Южной Калифорнии. После смерти отца Тео он взял на себя роль главы семейства – это значит, что он навещает мать в канун Рождества, а еще пару раз в год, когда прилетает в Сан-Франциско по делу, водит ее обедать к Сиззлеру.) Он хотел бы повидаться с тобой.

– Ладно. Я тебе перезвоню – может, придумаем что-нибудь. – Как быстро их разговор принял обычный характер – сухой и несвободный от чувства вины. Тео хотелось повернуть все по-другому, спросить, что чувствует мать на самом деле – вернее, что должен чувствовать он сам после случившегося несчастья, но это было бы бесполезно. Как будто их слова проходили через некий эфир, уступающий по густоте нормальному воздуху – только самые обычные, банальные вещи могли дойти до абонента, не растворившись в пустых пространствах.

Мать, не затягивая беседы, попрощалась, и Тео снова остался наедине с собой. Он позвонил в больницу – вдруг Кэт тоже одна, и с ней нужно побывать. Трубку взяла Лэнси и весьма прохладно сообщила ему, что Кэт сейчас спит и ему незачем беспокоиться.

– На завтра я тоже взяла отгул, – добавила она, – так что побуду при ней. – Это больше походило на угрозу для него, чем на услугу для Кэт.

– Как она там?

– А ты как думал?

– Слушай, Лэнси, ты говоришь так, точно я спихнул ее с лестницы или что-то вроде того. Это и мой ребенок был, между прочим.

– Знаю, что твой.

– Думаешь, не расстраиваюсь, что меня не было там, когда все случилось? Я бы все равно ничего не смог поделать. Так доктор сказал.

– Никто тебя и не винит, Тео.

Из тона, которым это было сказано, вытекало совсем другое.

Он постоял немного в гостиной, глядя на оставшийся с ночи кавардак – помпейские развалины нормальной жизни, внезапно оборванной катастрофическими событиями. Она сидела здесь и смотрела телевизор, а потом вдруг почувствовала спазмы. Вставая, она перевернула столик – стакан так и валялся на полу, пятно от диет-колы впиталось в мохнатый, видавший виды ковер. Может, кровотечение началось еще до ванной? Тео двинулся по следу Кэт и остановился. Очень уж жутко – все равно что осматривать место убийства.

Он спал всего три часа, но его распирала какая-то дурная энергия. Он включил телевизор и уставился на экран, ничего не понимая.

Что сделалось с его жизнью? Как мог какой-то крошечный зародыш – не ребенок еще, не человечек, что бы она там ни говорила, – настолько все изменить? Да и что за жизнь такая, когда ты живешь одной только музыкой, но до сих пор не нашел себе места и настоящих людей, чтобы этой музыкой заниматься?

«Слишком уж легко тебе все давалось, – заявила ему мать несколько лет назад. – В школе все учителя нахвались тобой не могли, вот честолюбие и не развилось».

Надо было срочно чем-то занять себя – все равно чем. Жалко, что Джонни нет рядом. Посидели бы, подымили, попили холодного пива, потрапались о том о сем. Но Тео не мог себя заставить звонить ему и говорить про всю эту муть. Не сейчас.

Какая она была бледная! Будто из нее сердце вынули, а не какой-то несчастный плод.

Тео перешел в спальню. Там штабелями стояли коробки в ожидании момента, когда он приберет гостевую комнату – репетиционную, как он иногда выражался, хотя мог бы сосчитать по пальцам одной руки, сколько раз сидел там с гитарой. Там предполагалось устроить детскую, и во всех этих коробках лежали детские вещи. Лучше Кэт не видеть их, когда она вернется – приданое для малыша, и книжки, и мягкие игрушки, купленные ею на распродаже.

«Это ничего, что ими уже кто-то пользовался, – сказала она ему – только наполовину шутливо. – Малютку это не слазит».

Выходит, слазило. Это – или еще что-то. Тео чувствовал себя так, будто сам слазил малыша, непонятно чем; чувство необъяснимой вины не давало ему покоя, словно загадочного происхождения пятно на одежде. Так или иначе, вот ему и занятие – все эти картонные коробки, которые могут довести Кэт до слез, когда она приедет домой. Надо отнести их хотя бы в гараж, чтобы не лезли ей на глаза первое время. Чтобы никакая плюшевая собачка не глядела на нее своими глазками-пуговками.

Оказалось, что в гараже не так-то просто найти свободное место. Там уже стояли другие коробки, со старой фантастикой Тео и прочим барахлом, а также неиспользуемые тренажеры и нераспакованные книжные полки – из-за этих шатких пирамид там даже машина с трудом помещалась, поэтому Кэт с приходом теплого сезона до поздней осени и не пыталась втиснуть ее туда. Осеню весь накопившийся за лето хлам хочешь не хочешь придется куда-то пристроить, чтобы машина снова влезла в гараж.

Когда Тео запихивал последнюю детскую коробку на перегруженную полку над верстаком, она взбунтовалась и съездила его по голове, оцарапав висок до крови, а книжки, лежавшие в ней, вывалились на ступеньки, ведущие в кухню. Висок саднило. Тео, как старик, уселся

под лестницей, чтобы не наклоняться за каждой книгой. Старые, потрепанные, чьи-то давние любимцы. Винни-Пух, Доктор Сьюс^{*1}, Морис Сендак^{*2}. Кэт, следуя своему принципу, покупала только подержанные, а единственную новую приобрел сам Тео – он просто не мог себе представить, как можно вырастить ребенка без этой книжки; в субботу он ни разу так и не поднялся достаточно рано, чтобы успеть на распродажу вместе с Кэт, однако свой вклад все-таки внес.

«Может, я и правда его слазил?» Павшего духом Тео не хватало даже на то, чтобы высмеять себя за эту мысль. Он раскрыл книжку. Примитивные рисунки, на первый взгляд почти детские, притянули его к себе, как всегда. Неужели мама и впрямь читала ему это? Сейчас ему трудно было поверить, что его мать когда-то держала его на коленях и читала ему «Доброй ночи, луна»^{*3}, но слова он помнил, как катехизис. Маленький кролик в своей большой зеленой детской желает доброй ночи всем знакомым вещам, игрушкам и картинкам, гребешку и щетке, а еще, самое странное – никому.

«Доброй ночи, Никто». Он никогда не понимал этого – это место было самым волшебно-тайным и в то же время самым страшным. Все остальное – маленький кролик в пижамке, огонь в очаге, мама-крольчиха, читающая ребенку на ночь – было понятно. И перечень предметов тоже, все эти стульчики и носочки, а потом вдруг пустая страница и «доброй ночи, Никто». Кто он, этот Никто? Дзен-загадка его детства. Иногда маленький Тео думал, что он и есть тот Никто из книжки, незримо присутствующий – как будто там, в книжке, знают, что он смотрит на крольчонка в его уютной комнатке, точно в окно заглядывает. Мать тоже этому способствовала – каждый раз, дойдя до пустой страницы, она произносила: «Доброй ночи, Никто. Скажи и ты „доброй ночи“». Может быть, она просто хотела, чтобы он попрощался на ночь с тем, кого звали «никто», но Тео всегда думал, что она называет так его самого, говорит, что теперь его очередь пожелать доброй ночи – вот он и желает.

Прошедшей зимой, после положительного теста, Тео иногда представлял себе маленькую девочку, сидящую у него на коленях – Кэт с самого начала была уверена, что будет девочка, хотя они еще не успели пройти УЗИ, – представлял, как она сидит, прислонившись головкой к его груди, и они вместе перелистывают эту книжку. В этих случайных мечтах он никогда не воображал ее себе детально – только головку в мягких кудряшках и тепло ее тельца. Никто. Она была похожа на Никто – такой в итоге и оказалась.

Он переворачивал страницы, разглядывая рисунки со странной, будто во сне, перспективой. Вот и конец этого ребячьего катехизиса – добрые пожелания звездам, воздуху и ночным звукам.

Следовало бы написать это на могильном камне – да только не будет никакого камня, и могилы тоже не будет. Кэт сделают «чистку», как деликатно выражаются доктора, удалят все, что само не вышло. Хоронить будет нечего.

Полли, Роз, все эти имена, которые они перебирали просто так, ведь у них было впереди еще много месяцев, – эти имена не пригодятся никому. Потому что никого зовут Никто.

Доброй ночи, Никто.

Тео, сидя с коробкой на коленях, заплакал.

Лицо Кэт, все еще бледное, обрамляли прямые, неухоженные темно-рыжие волосы. Она сказала, что операция была не слишком тяжелой, и настояла, чтобы Тео вернулся на свою основную работу в цветочный магазин – сидеть рядом и держать ее за руку совсем не обяза-

¹ Американский детский писатель и иллюстратор своих книг. – Здесь и далее примеч. пер.

² Американский писатель, лауреат премии А. Линдгрен.

³ Книга Маргарет Вайз Браун.

тельно, – но дело выглядело так, будто из нее вычистили не просто остатки бесполезных теперь клеток.

– Больно тебе?

Она пожала плечами. Кожа у нее стала сухой, как бумага, словно она утратила критическую долю жизненной энергии. Мать принесла ей пузырь со льдом.

Лэнси уже вышла на работу, но родители – и мать, и отец – находились при Кэт после операции. С отцом Тео уже переговорил в холле, пока медсестра делала Кэт процедуры. Мистер Лиллард в чрезвычайных обстоятельствах как мог старался затушевывать тот факт, что никогда не был в восторге от потенциального зятя. Тео поддерживал его в этом начинании, хотя папа Лиллард в яхтсменском свитере решающим препятствием никогда не являлся: жена и единственная дочка относились к нему, как к нелепым, но в общем привычным солнечным часам в центре возделываемой ими клумбы. Кэт когда хотела, чтобы отец хотя бы вид сделал, что Тео ему нравится, прибегала к помощи матери, поэтому с обедами и семейными выходами все обстояло как надо. Он был пешкой, пожилым исполнительным директором в кругу собственного семейства – из тех, которые только изредка приходят на собрания комитета и удивляются, сколько всего успели сделать без них.

– Можно мне на минутку остаться с Тео, мама?

Мать, взяв отца за руку, повела его к двери.

– Мы сойдем вниз, посмотрим журналы в киоске. Я принесу тебе «Пипл».

– Спасибо. – Кэт, когда они вышли, надолго закрыла глаза, лежа на подушке, как неживая.

– Я... не думал, что это так больно. – Тео захотелось вдруг показать ей, что он тоже горюет, хотя не был до конца уверен, что это правда – разве что вспомнить те слезы в гараже. – Когда ты вернешься домой, мы... они ведь сказали, что мы можем снова попробовать, да? – Хотя нет, это, пожалуй, бесчувственно с его стороны. Кэт еще подумает, что он это о сексе. – Я хочу сказать, когда ты будешь совсем готова. Моралью.

Глаза на белом сухом лице раскрылись медленно, как в фильме ужасов. Кэт втянула в себя воздух.

– Я не вернусь домой, Тео. Вернусь, но не так. Так... больше уже не будет.

Он смотрел на нее, не понимая, но уже чувствуя, как песок, казавшийся вполне надежным, уносит у него из-под ног.

– Не будет?

– Я несколько недель поживу у родителей. Мама хочет за мной поухаживать, подкормить меня.

– Ну, ясно... это хорошо...

– А когда я вернусь домой... – Она вздохнула, как человек перед поднятием тяжелой ноши. – Когда я вернусь, то хочу пожить одна.

Тео почувствовал себя как в тот раз, когда его согрели бильярдным кием по затылку, – невинной жертвой чужого спора, который, как выяснилось, кипел у него за спиной. Теперь, как и тогда, он мог только тупо смотреть на взорвавшийся внезапно мир.

– Ты хочешь, чтобы мы... пожили отдельно?

Губы Кэт сжались в плотную линию, но глаза стали влажными.

– Да. Нет. Не только. По-моему, нам пора пойти каждому своей дорогой.

– Какой еще дорогой? Что ты несешь?

Кэт моргнула, и на помочь ее печальной решимости пришел гнев.

– Это серьезно, Тео. Мы потеряли ребенка, и это открыло мне глаза. Я вижу теперь, что оставалась с тобой только из-за того, чтобы у малышки были двое родителей. Но наши отношения это все равно бы не наладило. Не понимаю, как я могла быть такой дурой. Околдовали меня, что ли? С чего я вдруг поверила, что мы сможем жить, как нормальная семья? Ты ведь остался бы таким, как ты есть – тебе лишь бы перебиться кое-как, с шуточками, с улыбочками,

прелесть что такое, но ничего реального. Со временем мы разошлись бы, и был бы ты воскресным папой, выполнял бы обязательный минимум, без плана, без организации, без всего, покупал бы дочурке мороженое, а потом приводил ее обратно ко мне.

Тео только головой мотал под напором ее ярости; он чувствовал себя виноватым оттого, что пренебрегает ребенком, которого и на свете-то не было.

– Не притворяйся только, что все было бы по-другому. – Гнев вернул краски ее бескровному лицу – красные пятна простили на щеках, как солнечные ожоги. – У тебя все, как всегда. Ты взрослый мужчина, Тео, а ведешь себя, как тинэйджер. «Ты куда?» – «Погулять». – «А вернешься когда?» – «Не знаю». И как меня только угораздило завести от тебя ребенка!

– Это все из-за того, что я пришел поздно той ночью?

– Нет, Тео. Не из-за этого. Из-за сотни и тысячи других вещей. Вся эта дурь, которую ты начинаешь и не доводишь до конца. Бесперспективная работа. Болтаешься допоздна со своими сопливыми дружками-музыкантами, а потом от тебя разит «Филлмор-Вестом»⁴. И подружки у тебя, наверное, есть, такие же сопливые. «Тео, ты правда типа помнишь, что было в восьмидесятых?»

– Вранье. – Он сжал кулаки. – Вранье.

– Может быть. Возможно, я веду себя не совсем честно, извини – я только что потеряла ребенка, помнишь? Но то, что моя дорога уперлась в тупик, это чистая правда.

– Слушай, я знаю, что материинство священно и все такое, но ребенка потеряла не ты одна. Я тоже, между прочим, собирался стать отцом.

Несколько мгновений она смотрела на него молча.

– Когда мы с тобой познакомились, мне казалось, что таких я еще не встречала. Красавец – на самом деле красавец, даже мои подруги это признали, – и голос, и обаяние, полный комплект. Прямо как в кино, где все на уровне: и свет, и хореография, и сценарий. Ты задурил мне голову, это правда, но теперь все прошло. То ли чары поблекли, то ли я попросту очнулась.

От злости Тео казалось, что у него раздуваются мускулы и кожа туга натягивается, как у зеленого гиганта из комиксов.

Но нельзя забывать, что лежащая здесь женщина только что перенесла выкидыши. Он разжал кулаки и заставил себя глубоко подышать.

– Ты не только рвешь со мной, но заодно и сообщаешь, что я полное дермо, так? Подарочек на прощание? Утешительный приз для проигравшего? Считаешь своим долгом сказать, что я никуда не гожусь и ничего не стою?

– Нет, Тео. Я говорю только, что ты изменился по сравнению с прежним, а того, что в тебе осталось, недостаточно – для меня, во всяком случае. Я не хочу всю жизнь надеяться, что все еще изменится к лучшему. Что ты из симпатичного бездельника с большим потенциалом превратишься в настоящего мужика. На первом свидании ты спел мне «Ты потрясающе выглядишь», и я в тебя втрескалась, но на целую жизнь этого не хватит. Не знаю, как я могла не видеть этого раньше, до выкидыша, но теперь-то я вижу. Лучше уж я останусь одна и ребенка рожу одна, если сумею забеременеть снова. Поэтому советую тебе, пока я буду у родителей, собрать вещички и подыскать другое жилье.

– Гонишь меня из собственного дома? Я оплачу арендную наполовину!

– Насилу-то. Раньше это был мой дом, не забыл? Я пустила тебя только потому, что Лэнси переехала к Брайану, и это было проще, чем давать объявление.

Он встал, полный разреженной ярости, и в середине у него образовалась дыра, грозившая никогда не зарасти.

– Вот, значит, в чем причина? Проще, чем объявление?

Ее лицо хотя и не сразу, но все-таки смягчилось.

⁴ Концертный зал в Сан-Франциско.

– Нет. Не только поэтому. Конечно, нет. Я любила тебя, Тео.

– Любила. – Он зажмурился. Все превратилось в жидкость и утекало прочь. Вся его жизнь, журча, убегала в сточную трубу.

– Может быть, и теперь люблю, если хочешь знать. Но жить с тобой не могу больше. Тяжелая это работа, заставлять себя верить, что у нас получится. Я уже выросла из волшебных сказок.

В коридоре он прошел мимо ее родителей и по их смущенным лицам понял, что они в курсе. Они знали, что их дочь только что сказала ему, и ему захотелось в отместку тоже сказать им что-нибудь, умное и едкое, но для этого он был слишком зол, слишком пуст и слишком расстроен. Единственное, что он мог придумать, было «так нечестно», а это не те слова, которые ожидают услышать от тридцатилетнего мужчины.

2

ТИХАЯ ДЕВА-ПРИМУЛА

В половине суток езды от большого города, как раз на таком расстоянии, чтобы не слишком тревожить совесть родственников и друзей – совесть, и так не слишком развитую у благородных семейств в силу наследственности и обычая – расположено некое поместье. Раньше оно принадлежало одному нуворишу из дома Цинний, но этот род разорился столь же быстро, как и разбогател; название и герб над дверью сохранились в прежнем виде, но прежний хозяин давно уже продал усадьбу и переехал в более скромное городское жилище, в собственный доходный дом у гавани, где может наблюдать за доставкой своих грузов, вспоминать старые добрые времена – и надеяться, что они еще вернутся.

Поместье же по-прежнему стоит среди лесистых холмов Ардена. Окружающие его земли возделываются уже не так тщательно, как в былые дни, но тем не менее остаются зелеными, обильными и, что еще важнее, достаточно обширными, чтобы обеспечить месту должное уединение.

Обитателей в усадьбе теперь в три или четыре раза больше, чем при прежних владельцах. Заведующий, мастер Медуница, маленький и щегольски одетый (егоrudиментарные крылья, вопреки всем пластическим операциям, постоянно отрастают, и он вынужден скрывать их под костюмом с подбитыми плечами), утверждает, что он руководит скорее поселком, чем обычным домом. Кроме постоянных жильцов, здесь имеется несколько десятков персонала, в который входят повара, горничные, уборщицы и садовники, не говоря уже о медсестрах и санитарах. Из врачей на дежурстве постоянно находятся два алиениста и квалифицированный хирург, прочих же специалистов можно вызвать немедленно в случае необходимости, часто возникающей во время полнолуния.

В таком большом лечебном учреждении с впечатляющим списком беспокойных, а иногда и опасных пациентов (проблемы с тенью, спонтанное чародейство, инфекционные галлюцинации и случаи неконтролируемых превращений) наиболее примечательная больная кажется до странности тихой и безобидной. У нее собственные апартаменты в южном крыле благодаря попечению знатного и могущественного семейства (которое, если не считать редких посещений ее брата, не желает иметь с ней больше ничего общего), но с тем же успехом она могла бы прозябать в придорожной канаве, поскольку окружающей ее роскоши совершенно не замечает. Солнце каждое утро заглядывает в ее комнаты, но она не смотрит на окна. Каждое утро ее поднимают с постели, куда уложили накануне вечером, умывают и одевают, словно мертвое тело, которое готовят к погребению. День за днем, если погода позволяет, ее усаживают в кресло – задача нелегкая даже для самых сильных санитаров, ибо больная, несмотря на хрупкость, отличается высоким ростом, длинными конечностями и беспомощна, как тряпичная кукла, – и вывозят в сад.

Она сидит там, глядя прямо перед собой, с аккуратно уложенными на коленях руками, с лицом красивым, но бессмысленным, как колокол без языка, пока кто-нибудь снова не придет за ней.

Однажды во время одного из отключений энергии, частота которых в городе и его окрестностях с недавних пор вызывает тревогу, о ней забыли. Ночная сиделка, увидев пустую кровать, пошла искать пациентку и нашла ее все на том же кресле в саду, с устремленным в никуда взором, в промокшем от росы платье и с муравьями на молочно-белой коже.

Мастер Медуница очень расстроился тогда, не столько из-за жалости – личности с натурой администратора затруднительно испытывать жалость к той, в ком жизни не больше, чем в восковой фигуре, – сколько из страха, что семья пациентки узнает об этом упущении и заберет ее из «Цинний», лишив лечебницу значительной доли доходов. Двух сестер уволили, ночь

ному санитару вынесли строгий выговор, однако на больной проведенная в саду ночь сколько-нибудь заметным образом не отразилась.

Ее имя, согласно записи в истории болезни, было Эрефина, но Медуница не допускал никакой фамильярности в отношениях между персоналом и пациентами, или «гостями», как он выражался, особенно когда дело касалось «гостей» из знатных домов – какими бы интимными эти отношения ни являлись и каким бы малоприятным ни был сам пациент. В лицо, в это пустое лицо, которому оживление придало бы редкую красоту, больную именовали исключительно «леди Примула» или «миледи». Уважительные слова и прикосновения заботливых рук, судя по всему, значили для нее не больше, чем ночная роса. Если бы и она, и ее служители были смертными, они могли бы между собой потихоньку называть ее бездушной, но эльфы не претендуют на обладание душой – если у них и есть нечто такое, то они об этом не знают.

Сестры и сиделки «Циннии», многие из которых беззастенчиво носили крылья и с полной несознательностью верили в старые сказки, были уверены, что у их недвижимой, безмолвной подопечной, такой красивой и лишенной какой бы то ни было жизни, есть своя история, темная, романтическая, с трагическим оттенком – но если администратор или кто-нибудь еще эту историю знал, для других она оставалась тайной. За мятным чаем, между сплетнями о наплечниках мастера Медуницы и гадких наклонностях близнецов Пиретрум, они называли ее «Тихой Девой-Примулой» и пытались разгадать, что же довело ее до столь ужасного состояния, но и самые смелые догадки даже отдаленно не приближались к истине.

Нетрудно было представить себе, что когда-то многие охотно пожертвовали бы жизнью и репутацией ради ее очей, теперь безнадежно пустых – но никому из «Циннии» даже в голову не приходило, что скоро весь мир может укрыться тенью из-за тех же, давно угасших, очей.

3 ПОД УКЛОН

День выдался хороший, один из немногих за два месяца, прошедших после выкидыша Кэт, с той ночи, когда закончилась его прежняя жизнь – так думал иногда Тео, не подозревая, как искушает этим судьбу. В кой-то веки он выспался как следует, без кошмаров, и это придало его сердцу и походке давно позабытую легкость. (С некоторых пор ему стал сниться один и тот же странный клаустрофический сон: он находился в комнате, полной дыма или тумана, и смотрел сквозь толстое стекло на недосягаемый мир.) Но сегодня все дурные сны, казалось, испарились под солнцем. Идя через вестибюль с букетом, явно подобранным по телефону, но поставленным во исполнение вины в дорогую вазу, он даже поймал себя на том, что напевает старую песню Смоки Робинсона. Хорошенькая секретарша была слишком молоденькой, чтобы заинтересовать его всерьез – тем приятнее, по-своему, ему сделалось, когда она сказала, что у него красивый голос.

– Спасибо, – ответил он. – Я вообще-то певец – по совместительству.

Больше она ни о чем его не спросила, но это не важно – главное, когда тебе напоминают, что в твоей жизни есть нечто большее, чем работа рассыльного. Их группа не репетировала уже три недели, что вопреки обыкновению было связано не с ним, а с контрами между Крисом и Морганом, но он из-за этого не перестал быть певцом. Достаточно взять гитару, встать где-нибудь на углу, и он соберет почти столько же, сколько зарабатывает, таская цветы в горшках секретаршам и уходящим на пенсию клеркам, – иными словами, очень мало, практически ничего, поэтому он от своей доставки даже и не подумает отказаться.

«Раздели со мной это чувство», пропетое фальцетом, и улыбка секретарши напомнили ему, что он не просто стареющий подросток с длинноватыми волосами и пришитым на рубашке ярлыком «Цветы Хасигяна». Проблема, однако, в том, действительно ли его прежняя жизнь закончилась тогда ночью и началась новая? Одно дело, когда твоя девушка тебя выставила – в конце концов, даже такая насильтственная перемена может содержать в себе элемент свободы, – но когда тебе после этого приходится переезжать к матери...

Это, конечно, временно, пока он не подкопит на приличное жилье. Он мог бы поселиться у Джонни, который его приглашал, но хотя он любит Джонни, как брата, снова жить с ним в одной квартире – это несколько чересчур. Самого Тео тоже не назовешь аккуратным, как часто указывала Кэтрин, но даже очень среднего аккуратиста могут напрягать остатки готовых обедов, каменеющие у тебя под кроватью. Он уже жил как-то вместе с Джонни, задолго до встречи с Кэт, и до сих пор не забыл, каково это – наступить впопыхах на таракана.

Притом мать не лезет к нему с разговорами и не стремится общаться больше необходимого. Ключ у него свой. Если он приходит домой к обеду, что бывает редко, она разогревает ему то, что готовила для себя, или ставит что-нибудь замороженное в микроволновку. Когда она сидит у телевизора, а ему хочется посмотреть другую программу, она без возражений протягивает ему пульт, берет книгу и отправляется спать. Она не создает беспорядка, не включает громко музыку, не распространяется долго на нудные темы – в качестве соседа по квартире она была бы близка к идеалу, но для матери, пожалуй, все-таки малость нелюдима.

Стараясь на первых порах объяснить Кэт, что за человек его мать, он выразил это так: «Не сказать, чтобы огонь жизни в ней горел очень ярко». Но каким бы слабым ни был этот огонь, раньше он все-таки горел ярче, чем теперь. Тео удивился, обнаружив, как мало ей дела до всего окружающего. Может, это какая-то замедленная реакция на смерть отца, случившуюся почти шесть лет назад? Или это сам Тео изменился, привыкнув после жизни с Кэт к нормальному человеческому поведению? Кто его знает. Анну Вильмос разгадать не так-то легко.

В свое время она ходила на все его школьные представления (в мюзиклах он, как правило, играл главные роли) – выходит, это для нее что-то значило. Но много слов по этому поводу она никогда не тратила. «Очень хорошо, Тео, ты молодец. Мне понравилось». Вот почти и все, точно о говядине, удачно купленной у мясника. А отец, всегда усталый после работы, и вовсе ограничивался репликами вроде «ничего, нормально» – ясно было, что больше всего ему хочется добраться до дома и лечь спать, ведь утром ему подниматься ни свет ни заря. «Видишь, Кэт? Как можно стать взрослым в семье, где ролевыми моделями тебе служат вежливые посторонние люди?»

Но сегодня, пока Тео сидел за рулем своего фургончика, даже вынужденное возвращение в материнский дом не заслоняло ощущения близкой перемены. Как будто заканчивалась долгая спячка. Он сам удивлялся тому, как тяжело далась ему двойная потеря – Кэтрин и ребенка. Дело было не только в фантастических снах: несколько недель он заливался слезами, просто услышав в фургоне по радио какую-нибудь старую песню, которая не особенно-то ему и нравилась. Реквиемы по ушедшей любви, по жертвам дорожных происшествий, по утраченным возлюбленным и детям (раньше его от этих соплей на сиропе с души воротило) и даже то, что как будто не имело отношения к его полетевшей вверх тормашками жизни, пронзalo его сердце острой иглой. Одна допотопная история про утонувшую собаку (он так понял, поскольку в лирические тексты никогда не вслушивался) заставила его остановить машину – из-за слез он ничего не видел перед собой. Сегодня все было по-другому. Настоящая весна уже месяц как наступила, но он впервые откликнулся на ее приход, как будто и в нем бродили нагретые солнцем соки, обещая скорый расцвет.

«Насчет расцвета не знаю, – подумал он, поставив фургон за магазином, – но можно будет пойти куда-нибудь с Джонни, попить пива и послушать музыку». В одном клубе на Мишин должны играть ирландцы. Может, и мать пригласить? Она как-никак тоже ирландка и питает странную слабость к Джонни Б. – ну, на свой лад, конечно. И Джонни с ней вроде бы как флиртует. «Твоя, – говорит, – мама в молодости, наверное, была потрясной девчонкой». Чудила он, конечно, но мысль вывести мать в свет почему-то казалась Тео заманчивой. Ей это пойдет на пользу, а он не будет чувствовать себя таким виноватым за то, что живет у нее в доме, как какой-то квартирант.

– Да ты поёшь, – заметил Хасигян, когда Тео повесил ключи на доску. – Хорошая вещь?
– Это решать тем, кто слушает.

Хасигян прищурился, грызя карандаш. Голова у него лысая и блестящая, как у старой черепахи, но в остальном он на удивление хорошо сохранился для своих шестидесяти с хвостиком. Он бегает по утрам, заявляется на работу в шортах, когда жарко, и не сердится, когда персонал пошутивает на предмет его тощих коричневых ног.

– Бывает и хуже. Поёшь ты классно, но меня настораживает, когда мои подчиненные радуются – это чересчур расслабляет.

– В вас говорят управленческие понятия прошлого века. – Тео снял с вешалки верную кожаную куртку. – Недаром вы год за годом получаете премию Эбенезера Скруджа⁵. Скоро придется отдать вам этот приз в вечное пользование.

– Ладно, певун, иди домой. Действуй на нервы кому-нибудь другому.

Хасигян порой бывал настоящим ублюдком и отнюдь не осыпал подчиненных материальными благами, но в общем вел себя довольно прилично и успешно изображал ворчливого, но симпатичного босса, когда хотел. Слишком даже успешно – поэтому все сразу и понимали, что это только игра.

Обратно в Сансет Тео ехал с открытым шлемом. Дул ветер, теплый и влажный, и запах чего-то цветущего забивал выхлопные газы.

⁵ Прижимистый делец из рассказа Ч. Диккенса.

Миссис Крейли, соседка, поливала свой садик и не помахала Тео в ответ, хотя шланг держала только одной рукой. Миссис Крейли придавала проживанию в доме матери особенно теплый, располагающий оттенок.

Мать не откликнулась, когда он вошел. Тео после той жуткой ночи, когда нашел Кэт в ванной, испытывал рефлекторную потребность знать, где кто находится. Он обнаружил мать в спальне. Она спала одетая, лежа на трех подушках, и грудь у нее поднималась и опадала, как полагается. Ему показалось странным, что она спит днем, но ведь он редко приходил сразу после работы – может, у нее привычка такая.

Он вернулся на кухню, достал из холодильника бутылку пива и перешел в опрятную пустоту гостиной. Если уж жить в родительском доме, то лучше бы это был дом в Сан-Матео, где он вырос. Там обитали воспоминания, там ему было бы на что реагировать, будь то даже насыщенная депрессией ностальгия. Этот дом родители купили меньше десяти лет назад, когда Тео окончательно отделился, а отец вышел на пенсию. Недолго же Питер Вильмос наслаждался отдыхом – обширный инсульт очень уж скоро прикончил его. Его фотография стояла на каминной полке, слишком пустой, чтобы сойти за подобие алтаря. Бывали моменты, когда Тео находил у себя отцовские черты – челюсть и скулы он точно от него унаследовал, – но чаще этот человек казался генетически столь же далеким от него, каким был в качестве родителя. Обычное дело – мужик вкалывал почем зря, и на роль папаши сил уже не оставалось.

Больше его фотографий в пределах видимости не наблюдалось – не потому, что он в чем-то провинился при жизни, просто мать так распорядилась. Фотография Тео во втором или третьем классе, тоже единственная, стояла у нее на комоде все в той же картонной рамочке. Два снимка на весь дом, и картин тоже очень мало. Большая гравюра с видом моста через реку Лиффи в Дублине была исключением – и то потому, как полагал Тео, что без нее стена выглядела бы слишком уж голой. Сентиментальностью Анна Дауд Вильмос не страдала.

Сегодня с нехарактерной для себя небрежностью она бросила пальто на стул, а сумочку – на стол в столовой, и из нее высыпалась всякая всячина. «Чем мать, собственно, занимается целый день?» – подумал вдруг Тео. В библиотеку она ходит помогать только раз в неделю. Раньше ее работа состояла в том, чтобы стряпать, убирать, обслуживать сына и довольно старомодного в этом отношении мужа. Чем она заполняет время теперь? Тео почувствовал укол вины из-за того, что подумал об этом только теперь, когда его собственная жизнь дала сбой. Отец уж сколько лет как умер, а Тео, единственному ребенку, нет бы прийти и спросить: не надо ли тебе помочь, мама? Нет бы выкроить для нее немного времени, сводить ее куда-нибудь, постараться лучше ее узнать. Она, конечно, не самый отзывчивый человек на свете, но и он не сильно старался преодолеть эту ее замкнутость, так ведь?

Он включил телевизор, убрав звук. В ранних вечерних новостях мелькали сцены автотранспортных происшествий, демонстрация работников школьного округа. Пальто матери он повесил в шкаф. Может, обед ей приготовить? Она проснеться, а стол уже накрыт – приятно ведь, правда? Повар из него неважный, но не совсем безнадежный, а горячие сандвичи с сыром и томатный суп из банки все равно лучше, чем сразу после сна тащиться на кухню. Или просто свести ее куда-нибудь пообедать. Джону можно позвонить из ресторана, и они все втроем пойдут на этих ирландцев.

Он уже почти закончил укладывать в сумочку выпавшие предметы, когда увидел, что держит в руке пузырек с таблетками – он смотрел на него уже пару секунд, сам не понимая, почему остановился.

«Цитрат фентанила» – значилось на оранжевой предупреждающей этикетке.

Перечитав несколько раз примечание, Тео понял, что речь идет о производном морфина – очень серьезном обезболивающем. Внутри у него похолодело, точно он сам наглотался этих таблеток. Он посмотрел на пузырек еще немного, а потом, не до конца понимая, зачем это

делает, вытряхнул все содержимое сумки на стол. Тюбик с помадой скатился на пол, но он не стал его поднимать. Глянцевый буклет, столько раз читанный, что побелел на сгибах, был, как оповещала обложка, издан Калифорнийским медицинским центром. Буквы, имеющие стро-гий, почти уважительный вид, сложились в заглавие: «Рак поджелудочной железы: вопросы и ответы».

– Почему ты мне не сказала?

Она сидела, надувшись почти по-детски – ни дать ни взять Крис Ролле.

– Я сама точно не знала. Они не могут быть на сто процентов уверены, пока не сделают биопсию, но эндоскоп показал, что опухоль большая. Ужасная гадость этот их эндоскоп. Я не хотела идти – думала, обойдется.

– Вот и плохо, что не хотела. Мы должны заняться этим серьезно.

На мгновение она как будто просветлела, но за ее кривой улыбкой открылась бездна.

– Да, Тео. Я знаю.

– О Господи. Прости меня. – Он прерывисто втянул в себя воздух. – Что они говорят?

Ничего утешительного они, как выяснилось, не говорили. Если биопсия подтвердит, что опухоль злокачественная, а это весьма вероятно, то это будет означать третью или четвертую стадию болезни. На следующий день Тео, пользуясь библиотечным компьютером, выяснил, что стадии обычно обозначаются римскими цифрами, как будто это делает их менее страшными, чем-то вроде исторической сноски. Доктор сказал матери, что болезнь скорее всего сильно запущена. С раком поджелудочной железы часто так бывает: он не дает о себе знать, пока опухоль не начинает давить на другие органы. Очень возможно, что лимфатическая система тоже затронута и что коварные клетки сеют семена хаоса по всему организму.

– Полгода, – сказала мать. – Или год, если облучение и химиотерапия помогут.

– О Господи. – Он стоял, дивясь ее жуткому спокойствию. – Ты хочешь сказать, что это неизлечимо?

Она пожала плечами:

– Бывают временные ремиссии, как это у них называется. Иногда после химии и всего этого люди и дольше живут. Но не часто.

Он не понимал, как она может сидеть и говорить о смерти, собственной смерти, как о гарантийном сроке какого-нибудь электроприбора.

– Но шанс ведь все-таки есть, правда?

– Шанс всегда есть, Тео. – Она не доказала того, что предполагала ее интонация: «только не у меня, наверное».

– Он... о Боже. Это сильно тебя мучает, мама?

Она подумала, прежде чем ответить. Она не спешила. Он ощущил вдруг, как должен чувствовать себя человек, которому больше нет смысла спешить с чем бы то ни было.

– Одно время мучило. Поначалу все было не так плохо. Я думала, это просто поясница болит. Со мной это бывает, когда поднимаю что-нибудь или мебель двигаю, чтобы пропылесосить.

Еще один приступ вины – нет, уже не вины, а настоящего горя – при мысли о том, как мать двигает диваны, убирая дом, где нет никого, кроме них двоих. Но что толку теперь? Все представлялось настолько ужасным, что впору засмеяться для разрядки – но даже при странной отрешенности матери это, пожалуй, было бы не совсем правильно. Ей бы, наверное, больше понравилось, если бы он заплакал. Он смотрел на чистые ковры, непрятязательную мебель, на маленькую темноволосую женщину, сидящую перед ним, и не мог придумать, что бы такое сказать.

– И есть мне почти не хотелось, – снова заговорила она, – но я ведь никогда и не отличалась особым аппетитом. Не то что твой отец. Он всегда ставил рядом орешки или что-то вроде... – Она умолкла так же внезапно, как и начала.

– Хочешь... пойдем куда-нибудь вечером? В клубе «Кеннел» выступает ирландская группа. Говорят, хорошая – настоящая ирландская музыка, естественная акустика.

Она улыбнулась по-настоящему, и именно эта ее улыбка показала ему, как она измучилась и устала.

– Хорошо бы, Тео. Давай правда сходим.

После этого все быстро пошло под уклон. То, что случилось с Кэт, было так внезапно, что больше напоминало хулиганское нападение – ты идешь по улице, размышляя, что будешь есть на обед, а в следующий момент оказываешься в канаве и думаешь, как бы доползти туда, где тебя смогут найти. С матерью дело обстояло совсем по-другому: здесь все походило на замедленную съемку чего-то страшного, где кадры повторяются снова и снова, без конца – но ты знаешь, что конец непременно будет.

Тео открыл, что в краю смерти говорят на другом языке. Выкидыши Кэт тоже были окружены загадочными терминами, но Тео даже не предполагал, сколько здесь неизведенных возможностей. Во-первых, они имели дело не с раком и не с опухолью, а с аденокарциномой. Мать не просто обследовали, ей делали лапароскопию или ретроградную эндоскопическую холангиопанкреатографию – это последнее словечко даже на доске для скрэббла не уместишь. Что касается лечебных процедур, то этим таинствам – гемцитабину, флюороурасилу, паллиативному шунту и химической спланхникэктомии – позавидовали бы даже друиды. Порой дымовая завеса рассеивалась: человек в белом халате, склонясь, выдыхал «перкутанный радиологический сброс желчи» и пропадал снова. В жизни Тео, в их общей с матерью жизни – но мать все больше отдалась от него за пеленой обезболивающих средств – словно вырыли большой котлован, в который беспрестанно сбрасывали кузова греко-латинских терминов, грохочущие лавиной непонятных и все же внушающих ужас звуков.

«Неоперабельно» – одно из самых страшных сочетаний, «метастазы» – страшнее всего.

С работы, конечно, пришлось уйти, хотя у Хасигяна хватило доброты сказать, что он сможет вернуться, когда захочет. Мать, бережливая по натуре, скопила кое-что из мужниной пенсии и социального страхования – этого хватало на ипотечные выплаты и на питание, тем более сама она теперь почти ничего не ела, как Тео ее ни упрашивал. Его это так беспокоило, что он даже попросил Джонни принести немного высококачественной травы, и мать после долгих уговоров, согласилась покурить.

– Хотите сделать из меня наркоманку вроде вас самих, – устало шутила она, держась за волосатую руку Джонни. Это и правда могло быть смешно – они с Джонни еще долго бы вспоминали, «как мать накурилась», – если бы не желтая кожа Анны, не синяки под глазами, не шарф, которым она всегда теперь повязывалась, потому что волосы после химиотерапии лезли клочьями. Она только что прервала курс гемцитабина, заявив в приливе упрямой решимости: «Это все равно не поможет, а лысой я умирать не хочу».

Марихуана не оказала эффекта, на который Тео надеялся. Первый опыт матери прошел гораздо хуже, чем Тео приходилось наблюдать даже у самых мнительных новичков. Она плакала, стонала и говорила что-то про ночь, «когда малыша забрали». Тео не мог понять, о чем это она – может, о выкидыше Кэт? А может быть, ей вспомнилось что-то из собственной жизни, думал он, обнимая ее, неловко гладя по спине и стараясь не думать о том, как она исхудала. Просто поразительно, как мало он знал о жизни матери до того, как сам появился на свет.

Когда худшее миновало, она почувствовала себя совсем разбитой и есть, конечно, не захотела. Тео в конце концов уложил ее в постель. Джонни, уходя домой, сокрушался и обещал

подобрать «что-нибудь помягче», чтобы попробовать еще раз. Но Тео, глядя, как всхлипывает мать в беспокойном сне, знал, что проб больше не будет. Трудно сказать, чем была отрешенность ее последних недель – отказом от борьбы или мужеством, но он не хотел лишать ее этого еще раз.

– Я хочу, чтобы ты продал дом, – сказала она как-то утром, когда они, как обычно, ехали в клинику: несколько часов процедур для нее, потрепанные журналы и кофе в комнате ожидания для него.

– То есть как это «продал»? Ты что, хочешь лечь на полный стационар?

У нее достало сил на раздраженный взгляд – одно из немногих удовольствий, которые ей остались.

– Не сейчас. Когда я умру.

– Мама, не надо...

– Если теперь не сказать, то когда же? – Она поправила шарф, сползший ей на уши. – Послушай меня. Это не твой дом, и ты не захочешь в нем жить без меня. Ты даже в чистоте его содержать не сможешь.

– Я не хочу думать об этом сейчас.

– Ты никогда не хочешь думать о таких вещах. Потому и ведешь такой образ жизни. Потому и поселился у меня.

– Я уже переехал бы... если б ты не заболела.

– Возможно, – недовольно поморщилась она, – но ты все равно послушай. Продашь его, купишь себе хорошую квартиру, и у тебя еще останется. Сможешь пойти в колледж, получить степень. Ты мог бы очень хорошо учиться, если бы постарался – учителя всегда говорили, что ты способный, но у тебя только твой рок-н-ролл был на уме. Ипотека почти выплачена – остался только кредит за перепланировку кухни, но на колледж тебе хватит.

Мысли об этом угнетали, но некая искорка – возможно, перспектива грядущей свободы – все-таки зажглась в нем.

– Мы еще поговорим об этом, мам. Не надо пока. Ты поправишься.

– Не умеешь ты врать, Тео. – Она помолчала. – Хорошо еще, что у тебя способности к музыке.

Он взглянул на нее. Точно: она улыбалась. Это не укладывалось у него в голове. Неужели матери нужно было заболеть раком, чтобы обрести чувство юмора? Ни фига себе обмен!

Но честных обменов не бывает. Вселенная работает не по принципу честности. Некуда пожаловаться, некуда подать апелляцию.

Сплошное кидалово.

Спуск под уклон продолжался всю весну и начало лета – свободное падение, мучительно быстрое и в то же время изматывающее медленное, как в кошмаре. Джонни Баттистини не приходил больше – не мог смотреть на пугало, в которое превратилась Анна Вильмос, но временами звонил, спрашивал о ней и уговаривал Тео пойти куда-нибудь вечером.

– Пошли, – в который раз предложил он. – Тебе надо проветриться. Всего на пару часов.

– Ага, сейчас. А если она упадет в ванной, пока меня не будет? – Тео отмечал истерические ноты в собственном голосе, как будто подслушивал чей-то чужой разговор. – Что ты мне предлагаешь: пить пиво, глазеть на телок и надеяться, что этого не случится? Будь это твоя мать, ты бы...

– Слушай... – Джонни умолк. Они приблизились к черте, которую никогда еще не переходили.

– Не могу я, понятно? Извини, но не могу. И не приставай ко мне больше.

– А с группой как, Тео? Ребята спрашивают, когда ты вернешься.

– Как умрет она, так и вернусь. – Даже в приливе бешенства он сознавал, что говорит слишком громко – он мог только предполагать, что Анна все еще спит в другой комнате. – Как только это маленькое неудобство останется позади, я вернусь, веселый и жизнерадостный, и буду играть тяжелый рок с двадцатилетними сопляками. С колоколами и всем, чем положено. Не стоит беспокоиться.

– Тео...

– Да наплевать мне. Скажи им, что я ухожу. Все, отвали.

Он положил трубку так, словно дверь захлопнул. Ему хотелось плакать, но он себе не позволил. Дурак, дурак, дурак.

Звонок Кэтрин на следующий день принес ему переживания иного рода. Кто-то сказал ей, что у них происходит, – Тео сам раз десять перебарывал желание позвонить ей, как пьяница перебарывает стремление зайти в ночной магазин, и вот услышал ее голос. Но теперь в нем появилось нечто новое, некая дистанция, словно Кэт подготовилась заранее, как это делают врачи в клинике, надела хирургические перчатки и маску.

– Я очень, очень огорчилась, услышав про твою маму, Тео.

– Да, это тяжело. Для нее, я хочу сказать.

Она спросила, как он справляется, выслушала его краткий отчет о леденящем ужасе их будней, сообщила кое-что о себе – о повышении на работе, о фильме, который ей понравился, – но весь этот разговор имел весьма прозрачный подтекст: «Я звоню исключительно из чувства человеколюбия. Не вздумай ничего себе вообразить».

Он и не воображал. Воображение у него больше не работало.

Закончив свое па-де-де с Кэтрин, он почувствовал себя совершенно пустым, будто что-то выело его изнутри, оставив от прежнего Тео одну только кожу. Мать сидела, запрокинув голову на спинку дивана, но глаза у нее оставались открытыми. Телевизор не работал. Последнее время путешествие по карте своей болезни так поглощало ее, что она не трудилась больше его включать.

– Пора мне ехать в больницу, – сказала она, услышав, как он вошел.

– Мы там уже были утром, забыла?

Она чуть-чуть качнула головой, словно боясь, что та отвалится от более резкого движения. Тео видел, что сегодня она чувствует себя особенно скверно.

– Я хочу сказать, что мне пора лечь туда насовсем.

Что-то холодное сжало ему внутренности.

– В этом нет необходимости, мама. Нам и дома хорошо, разве нет?

Она закрыла глаза.

– Ты все делаешь, как надо, Тео. Ты хороший сын. Но доктор тоже так думает. Не могу я больше.

– Что не можешь?

– Соблюдать свою часть договора. Я устала. Мне плохо. Хочу отдохнуть.

– Ты и здесь могла бы...

– Не хочу, чтобы ты таскал меня на руках, как уже несколько раз делал. Не хочу, чтобы родной сын горшки за мной выносил. Не допущу я этого.

– Но...

– Все. Время вышло.

Так началась последняя, заключительная стадия пути под уклон, по-своему не менее страшная, чем картины, которые представлял себе Данте. Только вот благостного видения в конце не будет, с мрачной уверенностью думал Тео. Не будет сияющего града – ничего, кроме белого больничного коридора.

Он чувствовал, что мать уходит от него, улетает, как луна, которая сорвалась с орбиты и скоро исчезнет в темных пространствах космоса. Он сидел рядом с ней каждый день, пытаясь сосредоточиться на книгах, которые уже месяцы, а то и годы собирались прочесть. Находиться при ней все время не имело смысла, но чем он еще мог заняться? Он боялся выйти на работу, чтобы не искушать судьбу. Боялся, что роковой телефонный звонок настигнет его там вернее, чем дома. Ребята из группы поймали его на сказанном в приступе горя слове и приняли его уход как официальное заявление – Джон оставил ему сбивчивое, извиняющееся сообщение, не сказав этого прямо, и Тео не стал ему перезванивать. Общая с Кэт приятельница позвонила, чтобы выразить ему свое сочувствие, и снабдила его непрошеною информацией о том, что Кэт снова с кем-то встречается. Повесив трубку, он поставил старую запись «Смитс» и стал бродить из комнаты в комнату, стараясь вспомнить, что полагается чувствовать человеку при таком известии.

Иногда ему казалось, что и он уходит, обрывая все связи, следует за матерью на ее пути в пустоту. Только сознание, что больше у нее никого нет, еще привязывало его к Земле. Дядя Харолд навестил ее один раз на первых порах, но занимать больных разговорами он умел еще меньше, чем Джонни, и Тео знал, что больше они его не увидят.

Бывали, впрочем, и хорошие дни, когда боль отступала и сознание матери не было так затуманено наркотиками. Тео хотелось рассказать ей что-нибудь новое о себе, чтобы как-то ее развлечь, но за душой у него не было ничего. Это, собственно, было не столь уж и важно: мать, будучи в достаточно ясном уме, говорила сама. Как будто рак в своей разрушительной работе сломал заодно и некую стену внутри нее, перегородку, мешавшую нормальным разговорам и воспоминаниям – как будто только болезнь позволила ей осознать, какой незнакомкой она была для своего сына. Сначала она говорила о самом Тео, о его детстве, его школьных годах, его необычайной любви к Хэллоуину, о маскарадных костюмах, которые он изобретал. Потом она постепенно перешла к собственному детству в Чикаго. Раньше он никогда не слышал от нее историй о большой ирландской семье, где она была самой младшей, обо всех этих тетушках, дядюшках, кузенах, братьях и сестрах – ее общение с ними прервалось после непростительного по католическим меркам поступка ее матери. Та развелась с отцом, который пил и дурно с ней обращался. Тео имел об этом самое смутное представление, но теперь ему стало ясно, почему он не встречался почти ни с кем из родственников матери и почему бабушка Дауд, имевшая в Иллинойсе семерых детей, жила у младшей дочери в Калифорнии.

Слушая мать, он снова почувствовал, что скучает по бабушке. Она проявляла к нему гораздо больше любви, чем ее дочь, – Тео казалось даже, что между ними, им и бабушкой, существует какой-то тайный уговор. Большинство нежных воспоминаний о детстве было связано с ней – походы в аптеку, никогда не обходившиеся без прилавка со сладостями, денежные подарки потихоньку от родителей и, конечно, чудесные сказки ее старой родины, сказки про эльфов и великанов, от которых мать закатывала глаза, а отец-авиатехник приходил в раздражение, полагая, что теща пичкает его сына «выдумками для недоразвитых».

Бабушка умерла, когда Тео было двенадцать. В ту пору это показалось ему не столь уж тяжелой потерей, и он даже удивлялся собственному хладнокровию. Теперь-то он понимал, что тогда еще просто не дорос и не знал, что теряет.

Иногда ему представлялось, что он сидит у бабушкиной постели, как будто она каким-то образом ожила в своей умирающей дочери. Как будто он восполнял упущенное в тот раз, когда она слегла с пневмонией, и родители сочли, что общение с ней плохо отразится на его психике.

«Вот и вся моя семья, – думал он, глядя на изможденное лицо спящей матери. – Моя семья умирает. Я последний, кто остается».

* * *

– Хочу рассказать тебе что-то, – сказала мать.

Тео, задремавший на стуле, вздрогнул. Ему снова приснился один из тех привязчивых, тревожаще ярких снов, где он смотрел сквозь запотевшее стекло, как заключенный или животное, запертое в террариуме. На этот раз он определенно почувствовал себя кем-то другим – не Тео, а кем-то старым, холодным и ироничным. Это так его ужаснуло, что учащенное сердцебиение не унялось до сих пор.

Спросонья он подумал, что сказанные шепотом слова ему тоже приснились, но тут увидел, что мать лежит с открытыми глазами. Она теперь очень много спала – иногда на протяжении всех его утренних и дневных посещений. Она начинала представляться ему чем-то неодушевленным, подобием его матери, но порой она стонала от боли, даже после уколов, и он отчаянно желал возвращения прежнего пугающего покоя.

И моменты просветления тоже случались, вот как теперь.

– Что, мам? Может, еще укол сделать?

– Нет, – едва шевельнув губами, выговорила она. Глубокое дыхание причиняло ей боль, сокращало пространство, где, как завоеватель, распоряжался рак. – Я хочу сказать тебе кое-что.

Он подвинул стул еще ближе, взял ее холодную сухую руку в свою.

– Я тебя слушаю.

– Ты... прости меня.

– За что?

– Я... любила тебя не так, как должна была, Тео. – Ее взгляд пытался сфокусироваться на нем, точно сквозь пелену. – Это не твоя вина.

– О чём ты, мам? – Он приподнялся еще на дюйм, чтобы лучше слышать. – Все было...

– Нет. Не было. Из-за одного случая... ты тогда совсем крошечный был, месяца три, не больше. Я думаю, у меня была эта самая... как ее... – Она тяжело, всколыхнув животом, перевела дыхание. – Послеродовая депрессия, что ли? Мы ничего не понимали в таких вещах. Просто один раз я подошла к твоей колыбельке – ты все плакал и плакал, никак уняться не мог. Газы, наверное. – На ее губах появился призрак улыбки. – Подошла – и вдруг чувствую, что меня это не волнует, как будто ты вовсе и не мой ребенок. – Она нахмурилась и закрыла глаза, подбирая нужные слова. – Нет, не то. Я вообще не видела там больше ребенка – только маленько орущее существо, и все. Не часть меня самой. – Она зажмурилась от накатившей на нее боли.

– Ты не должна мучить себя из-за этого, мама.

– Мне надо было обратиться за помощью. Я пыталась сказать твоему отцу, а он не понял – отдохай, говорит, побольше, и все тут. Но я не любила тебя так, как должна была, никогда не любила. Прости меня, Тео.

У него защипало глаза.

– Все в порядке, мама. Ты делала что могла.

– Ужасно, правда? – Она опять широко раскрыла глаза, и ему впервые за много дней подумалось, что она видит его по-настоящему, во всей полноте, с жестокой ясностью, которая сделала бы нормальную повседневную жизнь кошмаром. Он изо всех сил старался выдержать этот страшный взгляд.

– Что ужасно, мама?

– То, что ты умираешь, а о тебе только и можно сказать: она, мол, делала что могла. – Новый прерывистый вдох, за которым так не скоро последовал другой, что у Тео опять заколотилось сердце. И шепот, дрожащий, как у испуганного ребенка: – Ты не споешь для меня, Тео?

– Спеть? Хочешь, чтобы я спел?

– Я так давно не слыхала... как ты поешь. У тебя всегда был чудесный голос.

– Что ты хочешь послушать, мама?

Но она уже снова закрыла глаза и слабо шевельнула рукой.

Он вспомнил, как в тот вечер, когда он узнал про ее болезнь, они ходили слушать ирландцев. Там была одна старая песня, которая ей понравилась.

Вернуться бы мне в Каррикфергюс,

– тихо начал он.

Валлигранд бы увидеть вновь.

Я океан переплыл бы,

Чтоб свою отыскать любовь.

Мать чуть заметно улыбнулась, и он стал петь дальше. Медсестра, привлеченная непривычными звуками, просунула голову в дверь, но тут же скрылась и стала слушать из-за порога. Тео, не обращая на нее внимания, старался вспомнить слова, полную сожалений повесть безымянного поэта.

Где же найти мне крылья,
Что удержат над бездной вод?
Где добрый тот перевозчик,
Что меня в свою лодку возьмет?

О, где же вы, юные годы?
К закату мой клонится век.
Близкие и дорогие
Все ушли, словно давний снег.

Слова сами всплывали в памяти, и это радовало Тео, не желавшего нарушать чары: то, что он делал, напоминало скорее ритуал, чем обыкновенное пение. Он пел по возможности просто, избегая рефлекторных поповых манеризмов. Только закончив последний куплет и перейдя к припеву, он сообразил, что эта песня не что иное, как жалоба перед лицом близкой смерти. На миг он запнулся – но мать уже спала, и улыбка осталась на ее губах, слабая, как звездный свет на тихом озере.

Я трезвым редко бываю.
Я бродяга, и горек мой путь.
Дни мои сочтены, ребята, —
Приходите меня помянуть.

Он оставил ее спящей. Сестра, молодая, азиатского типа, заулыбалась и начала говорить ему что-то, но увидела его лицо и решила, что лучше не надо.

Анна Вильмос в конечном счете и полгода не протянула. Она умерла восьмого августа, ночью. Учитывая обстоятельства, это была, вероятно, хорошая смерть. Медсестра, увидев, что она как будто не дышит, проверила пульс и тут же приступила к необходимым процедурам,

чтобы освободить койку для другого пациента. Кто-то позвонил Тео домой и, сообщив ему новость, сказал, что до утра приходить не стоит, – но Тео все-таки вышел и сел в старую машину матери, чувствуя, что в его сомнамбулическом состоянии это будет безопаснее мотоцикла. Вокруг кровати задернули занавески, лицо матери покрыли простыней. Тео откинул покров. Мысли кружились хлопьями, точно он был стеклянным шаром со снегом внутри, который долго трясли и наконец поставили на место.

Вид у нее был не особенно мирный – она вообще ни на что не была похожа.

Она выглядит, как кто-то, кто был раньше, а теперь перестал быть.

Он поцеловал ее холодную щеку и пошел искать ночного администратора, чтобы договориться о дальнейшем.

4 ГОЛОДНЫЙ

Порт плавился от зноя, необычного даже для этого времени года. Бригада никсов, отдыхавшая в тени высокого старого пакгауза, не спешила уступать дорогу черному лимузину, пока кто-то из них не разглядел изображение цветка на номерной доске. Между рабочими прошел шепот, похожий на ропот моря – заказанного им, пока не истечет срок их призыва, – и они прижались к стене, пропустив экипаж.

Никсы обсудили этот случай вечером в таверне «Черта прилива», но говорили они недолго и опять-таки шепотом.

Экипаж тихо остановился перед последним в ряду строением. Пакгауз, большой, ветхий, без окон, дремал у причала, как прикорнувший на солнце зверь. Воздух колебался от жары, и первые две фигуры, вышедшие из лимузина, из-за этого выглядели еще чудовищнее, чем были на самом деле. Длинные черные пальто не скрывали их огромности. Они долго стояли неподвижно, обшаривая окружающее пространство глазами из-под широкополых шляп. Затем один из них, словно по сигналу, нагнулся и открыл дверцу экипажа.

Наружу вышли еще трое в элегантных костюмах из тончайшего темного материала. Самый высокий из них оглядел опустевший пирс – никсы закончили перерыв раньше времени и поспешно ретировались – и первым пошел к зданию, жестом послав вперед одного из гигантских охранников.

Интерьер здания не имел ничего общего с облупленным, в потеках ржавчины фасадом. Пятеро прибывших шли по длинному коридору, пересекая островки света. Свет проникал через то, что на первый взгляд представлялось рваными дырами в потолке, но при внимательном рассмотрении оказывалось потолочными окнами странной формы. Сам коридор не имел никаких отличительных черт: стены окрашены в черное, пол покрыт мягким темным материалом; это предполагало, что хозяину дома нет нужды прислушиваться к чьим-то шагам, и он не боится, что кто-то ворвется к нему без его ведома, – что о любом визите он бывает осведомлен задолго до того, как посетители приближаются к внутренней двери.

На этой двери висела медная табличка – пустая, без надписи. Телохранитель потянулся к ручке, но высокий остановил его, открыл дверь сам и прошел внутрь вместе с двумя своими спутниками. Охранники остались топтаться в коридоре, где искры потрескивали в мягком покрытии у них под ногами.

Громадную комнату за дверью тоже освещали потолочные окна, из-за чего она казалась подпертой косыми солнечными столбами. В спретом воздухе перемешались запахи, которые смертному показались бы неприятными и даже ужасающими. Вошедших, несмотря на высокоразвитые органы чувств, здешние ароматы не пугали, но когда их кошачьи глаза привыкли к чередованию полос света и тени, двое шедших позади замедлили шаг, а потом и вовсе остановились, явно пораженные тем, что окружало их.

Это действительно был своего рода пакгауз, но даже в этом городе, самом древнем и таинственном из всех городов, вряд ли нашелся бы второй такой склад. Лучи с потолка выхвачивали из мрака многое, но мало что освещали – и то немногое, что было на виду, выглядело очень странно. Человекоподобные фигуры, возможно, статуи, застывшие в тысяче разных поз, заполняли помещение, как безмолвные зрители. Некоторые из них лежали на боку, и руки их, ранее простертые к небесам, теперь словно хватали за ноги стоящие изваяния. Фигуры эти составляли лишь часть экспозиции, и многие другие предметы поддавались узнаванию не столь просто: чучела, шкуры и кости фантастических зверей; открытые ящики, набитые ржавеющим оружием и меняющими цвета тканями; урны, гробы и перевернутые сундуки с украшениями всякого рода, от золотых и серебряных до черных, как уголь. На полу валялись

небрежно раскиданные драгоценные камни. На стенных полках теснились сосуды с вещами, которые не хотелось рассматривать вблизи: там виднелись глаза и лица, ничем, впрочем, не напоминающие человеческие. Из других склянок, матовых, одни были тщательно запечатаны, другие едва притворены – к ним либо часто наведывались, либо их содержимое вырвалось на волю само по себе. Ярлыков на сосудах не было, и даже знаки, оставленные на полках блестящим порошком с явно определенным смыслом, не позволяли разгадать, что в них находится.

С потолка на проволоке свисали не менее загадочные объекты – воздушные змеи из кожи, лампы, будто бы горящие, но не дающие света; под самым потолком вращалось, словно подхваченное вихрем, целое облако из перьев – белые пушинки трепетали в одном из световых столбов, но не разлетались, несмотря на силу крутящей их воздушной струи.

Самый высокий из трех посетителей дошел до дальнего угла, куда не достигал свет. Двое других, удовлетворив первое любопытство – а возможно, испытывая совсем другие эмоции, – устремились за ним с быстротой, которая у менее грациозных созданий сошла бы за спешку, и остановились за спиной у своего предводителя.

Фигура, сидящая в темном углу, шевельнулась.

– Добро пожаловать, лорд Чемерица.

– Я получил ваше послание, – кивнул высокий.

Сидящий опять пошевелился, но не встал и, к невысказанному, но явному облегчению спутников Чемерицы, не вышел из мрака. На Устранителя Неудобных Препятствий смотреть всегда не слишком приятно, особенно у него дома.

– И решили посетить меня лично. Очень любезно с вашей стороны, очень обязательно. Не думаю, чтобы ваши спутники бывали здесь прежде.

Чемерица, снова кивнув, представил их: светловолосого и другого, сурового, с волосами еще темнее, чем у него самого, – из-за своей полнейшей черноты они казались ненастоящими.

– Лорд Наперстянка и лорд Дурман.

– Да, я знаю. – Из темноты донеслось нечто вроде одышливого «кхе-кхе».. – Извините, господа, что не подаю вам руки.

– Ничего, не беспокойтесь, – с чуть излишней поспешностью ответил лорд Наперстянка.

– Итак, время пришло? – произнес Дурман, первый советник парламента и вторая по значению персона в Эльфландии после Чемерицы. Его холодные глаза не уступали чернотой волосам, но косматые брови были совершенно белые, как будто только они и состарились за все его бессчетные средние годы.

– Думаю, да, – сказал Устранитель. – Согласно вашему поручению, лорд Чемерица, и полученной от вас плате, я пристально слежу за ситуацией. Если промедлить еще немного, можно упустить момент.

– А вы уверены, что мы его уже не упустили? – Бледное лицо и ровный голос Чемерицы не выдавали никаких чувств, но было бы безумием полагать, что внутренне он не испытывает нетерпения, причем самого жадного.

– Я ни в чем не уверен, но считаю это крайне маловероятным.

Чемерица отмел уточнение взмахом руки.

– В таком случае начнем. Скажите, как до него добраться.

– Это не так просто. Я нашел его для вас, и во всем остальном вам без меня тоже не обойтись.

– Кого же послать за ним? – нахмурился Дурман. – Одного из нас? Или вас самого?

– «Кого» не совсем то слово. – Устранитель снова издал свой шелестящий смешок. – Вы все уже использовали свой лимит по эффекту Клевера, и я тоже не могу больше совершить путешествие в тот мир, поверьте мне на слово. К тому же я очень сомневаюсь, что на нашей стороне найдется охотник, достаточно сильный и надежный, чтобы совершить переход и найти

добычу; грубая сила без интеллекта и интеллект без силы равным образом потерпят крах, а второго шанса, учитывая быстроту происходящих перемен, может и не представиться.

– Стало быть, послать некого? – с видимым облегчением спросил Наперстянка.

– Я не говорил этого – я сказал только, что «кого» – неверное слово. – Устранитель со странным чмокающим звуком отодвинулся чуть дальше в темноту. – Принесите мне, пожалуйста, то, что требуется. Я опишу вам эти предметы.

Пока Наперстянка с Дурманом разыскивали зеркала, Чемерица стоял, небрежно заложив руки в карманы брюк. В угол, где сидел Устранитель, он не смотрел – возможно, из учтивости, хотя таковой и не славился. Он еще не видел Устранителя в этом самом откровенном из его обличий, но повидал много такого, что его почтенные сподвижники и вообразить себе не могли – и даже не поморщился при этом.

– Вы должны понимать, что мы переступаем черту, – сказал он, глядя, как Дурман перебирает стопку картин в рамках. – Это не то, что было в деле с нерожденным младенцем. В случае неудачи нас всех может поглотить Забвение, включая и вас.

– Для меня это не столь уж страшно, милорд.

Чемерица обеспокоился было, но тут же отвлекся: фигура во мраке колыхнулась и даже как будто собралась выйти на свет.

– Не трогайте это! – крикнул Устранитель надтреснутым, но поразительно громким голосом. – Поставьте на место!

Лорд Наперстянка наискосок от них вздрогнул и торопливо поставил на пол резной ларец, который взял было в руки.

– Зеркала там нет, – уже спокойнее сказал Устранитель. – Посмотрите в соседней куче, а ларца больше не касайтесь.

Чемерица, уловив в его тоне страдальческие ноты, поднял тонкую бровь, однако промолчал.

Оба знатных лорда, использованные в качестве грузчиков, наконец вернулись к ним, таща два больших зеркала в некрасивых рамках черного дерева. Следуя указаниям Устранителя, они разместили их на полу одно напротив другого, на расстояний вытянутой руки.

– Возьмите. – Рука Устранителя с черной свечой на мгновение высунулась из мрака. Наперстянка и Дурман отвернулись, но Чемерица шагнул вперед и взял свечу. – Поставьте ее между зеркалами, зажгите и тут же уйдите.

Чемерица, чиркнув указательным пальцем о большой, высек огонь. Потолочные отверстия в тот же миг сузились или что-то их заслонило. Склад на какое-то время погрузился во тьму, не считая огонька свечи.

– Тишина теперь, – сказал Устранитель. – И хотя говорить об этом нет нужды, я все равно скажу: не становитесь между зеркалами и никоим образом не мешайте свету свободно проходить в обе стороны, пока я не закончу.

Он тихо запел – звук был едва различим за его хриплым дыханием. Это продолжалось довольно долго. Огонек свечи съежился и стал не ярче пламени светлячка – крохотная точка, служившая, однако, фокусом всей окружающей ее тьмы.

В пространстве между зеркалами начало стущаться что-то вроде слабо светящегося облака, словно огонь свечи каким-то образом рассеивался. Оно становилось все четче, не становясь при этом плотнее, перетекая от одного зеркала к другому. Казалось, что оно вот-вот примет какую-то форму, но этого не происходило: в нем возникали очертания лица, темной дыры рта, пустых глазниц. Даже трем лордам Эльфландии трудно было смотреть на это дальше нескольких мгновений. По мере того как нестройное пение Устранителя становилось громче, облако двигалось все резче, дергаясь и рывками сдвигаясь от зеркала к зеркалу, точно живое

существо, ищущее выхода из клетки. Комнату наполнил пронизывающий холод. Бесплотное нечто разинуло рот – шире, еще шире, словно могло поглотить самого себя, если бы захотело.

– Что это? – произнес Чемерица с точно выверенной модуляцией, без излишней, выдающей страх громкости и ненужного трепета.

Не сразу ответивший, усталый голос Устранителя шел, казалось, откуда-то издалека.

– Ирхха. Древний ужас, дух, приносящий чуму, забытый в мире смертных со времен разрушения Вавилона.

– И что же... он способен совершить требуемое? Вы говорили, что сила без разума в данном случае бесполезна. Уж не хотите ли вы сказать, что вот это... обладает разумом? – Чемерица, как бы ища поддержки, взглянул на своих спутников, но те с болезненной завороженностью смотрели только на фигуру между зеркалами.

– Оно не нуждается в разуме. То, что один из вас совершил бы сознательно, оно совершил инстинктивно, за неимением лучшего слова. Оно ужасно в своей неотвратимости. Оно последует за своей жертвой, куда бы тот ни отправился, в любом из миров, без отдыха, без малейшего намека на сомнение или колебание. Ирхха не мыслит так, как вы или я, но ему это и не нужно. Во время погони он в случае надобности присваивает себе новые тела, поэтому усталость ему неведома. В конце концов – неизбежно – он настигнет свою жертву, схватит ее и доставит сюда. Тот, кто вам нужен, в тисках ирххи расскажет все, что вы захотите, сделает что угодно, лишь бы освободиться из плена этого воплощенного голода.

– Понимаю, – сказал Чемерица. – Что ж, превосходно.

– Ужасно, – сказал лорд Наперстянка.

– И ужасно, и превосходно в то же время, – подытожил Устранитель. – В любой сфере существует лишь немного совершенных вещей, и это одна из них.

Когда трое лордов снова вышли в коридор, два телохранителя-огра стояли, бессмысленно глядя в потолок и свесив руки. Ноги плохо повиновались им – они только и могли, что плестьись следом за хозяевами. Лишь когда дверцы лимузина захлопнулись и шофер с лошадиным лицом развернулся к выезду из порта, охранники начали моргать и что-то мялить. По мере удаления от прибрежного района они снова обрели дар речи, но так и не сумели вспомнить, что случилось с ними во время ожидания в коридоре.

5 КНИГА

– Но ведь ты же выручишь какие-то деньги за дом? И сможешь купить себе собственную акустику.

– Не знаю. Вряд ли – пока, во всяком случае.

– Слушай, я серьезно. Они поступили по-сволочному. Я завтра же уйду от них, только скажи. Найдем других, не проблема. Гитаристов везде пруд пруди. Мир полон тощих парней, которые все старшие классы средней школы просиживают у себя в комнате и копируют соло Van Halena.

Тео не удержался от улыбки. Хотя Джонни его и не видел.

– Только этого мне и не хватало – связаться с очередным любителем продолжительных гитарных соло.

– Как скажешь. Можем клавишника взять вместо гитариста. И будем играть что хотим. Ты раньше писал классную музыку, Тео. И тексты тоже – помнишь, про отца своего, что он был грозой или молнией? Вот и пиши снова. В «Клаудс» ты только зря пропадал. Вернись к истокам, чувак. Когда мы только познакомились, я, бывало, думал: этот парень точно далеко пойдет. И не хотел от тебя отставать. Теперь ты можешь снова стать этим парнем.

– У нас что – Национальный месячник Тео? – Кэт тоже говорила что-то в этом роде. «Потенциал». Хорошее слово, когда тебе двадцать, и не очень-то уместное, когда перевалило за тридцать.

– Чего ты гонишь? Я просто говорю, что у тебя таланта на пару тонн – вот и пусти их в дело.

Говорить было трудно. Приятно снова услышать Джонни, и хорошо, что они, преодолев его сбивчивые извинения, вступили в область, где им обоим удобно (например, то, какой Крис Ролле засранец), но теперь Тео устал. Ему мало приходилось говорить последнее время, и он отвык.

– Не знаю я, Джон-О. Все может быть. Может. Попозже. Сейчас мне пока неохота музенировать. Оставайся пока в «Клаудс». Крис правда талантливый, хотя я этого поганца на дух не выношу. Может, вы в самом деле диск запишете. Не надо из-за меня уходить.

– Ты мне друг или как?

Это застало Тео врасплох. И ему понадобилось какое-то время, чтобы продолжать в том же духе – потихоньку обрывать то, что их связывало.

– Спасибо. Нет, правда. Конечно, друг, даже и не сомневайся. Просто друг из меня пока хреновый. Я... ну, не знаю, вырубился на время. Батарейки сели.

– И что ты теперь собираешься делать? Вернешься к Хасигяну, я хочу сказать?

– Нет пока. Продам дом, а там видно будет. Знаешь старую хохму – «смерть – это когда жизнь тебя притормаживает»? Лучше всего срабатывает, когда умираешь ты сам, но и по-другому тоже работает, как оказалось. – Тео помолчал, не желая слишком углубляться в свои раздумья последнего времени. Джонни незачем все это выслушивать, да и не поймет он ничего. – Я просто не готов пока выйти в свет, Джонни. Дай мне время, и я вернусь.

– Да уж сделай милость, не то я приду и дам тебе пинка.

Отойдя от телефона, Тео с тяжким вздохом взглянул на кипу риелторских бланков на обеденном столе и решил, что приспело время выпить еще пивка. Эту пустоту можно заливать весь день, и она все равно не наполнится.

«Я занимаюсь бумагами, продаю собственность, правильно? Значит, я работаю. Просто мне повезло с боссом – он разрешает мне выпить среди рабочего дня».

За несколько глотков он опорожнил бутылку наполовину и приложил ее, холодную, ко лбу. Хоть бы все поскорее наладилось, упростилось. Он, конечно, пьет больше, чем следует, но дайте же парню опомниться. Он потерял девушку, ребенка, которого они ждали, и мать – всего за несколько месяцев. Ни один психотерапевт не стал бы его винить. А если бы попался такой, который стал бы, он, Тео, заехал бы ему в зубы.

Черт. Он тупо смотрел на бланки и на коробки с аккуратно сложенными бумагами матери. Дом давил на него: все каждый день оставалось на тех же местах, поскольку здесь жил теперь он один. Все эти чистые заброшенные поверхности, пустые комнаты, материнские вещи, упакованные и вынесенные в гараж, потому что от их вида ему делалось совсем уж паршиво. Но вчера дама из конторы недвижимости пару раз приходила с клиентами и весело, черт бы ее драл, намекала, что у нее уже наклонулись серьезные покупатели.

Слава Богу, хоть рынок недвижимости процветает. Чем быстрее дом будет продан, тем меньше ему придется здесь жить.

Тео допил пиво, подумал, не достать ли из холодильника еще пару бутылок и не посмотреть ли какое-нибудь дурацкое кино по телевизору – приличного все равно ничего не сыщешь, ведь кабельное мать так и не подключила, но какая разница, верно? Главное, скоротать как-то долгие часы до вечера, а потом у него будет предлог сходить куда-нибудь пообедать. Потом он вернется назад, с полной ответственностью дернет еще пивка, как всякий солидный домовладелец, заснет под поздние новости, и ему не придется думать аж до утра, пока солнце опять не заглянет в окно.

В горле что-то заклокотало, и он не сразу понял, что это закупоренный внутри, рвущийся наружу горестный вопль. Горячую кожу подернуло холодом, словно у него начинался грипп.

«Что я делаю здесь? Это место мне не принадлежит».

Он заставил себя встать и, слегка пошатываясь, подошел к столу – сколько он уже высыпал, четыре или только три? Сев, он разложил перед собой голубые риелторские конверты, записную книжку и картотеку матери – на этом его деятельность закончилась. Свет резал глаза, несмотря на задернутые шторы, как будто дом из умеренно жаркого климата Северной Калифорнии перенесли на кипящую поверхность планеты Меркурий. Хуже того, Тео чувствовал, что его глазами на мир смотрит кто-то другой, точно нарушилось телевизионное изображение и Тео вдруг стало больше одного. Это ощущение он уже много раз испытывал во сне, в страшном сне, но ведь сейчас он не спал. Тот, чужой, не делился с ним своими мыслями, но смутное, навязчивое чувство говорило Тео, что они оба как-то связаны.

Кем бы он ни был, тот другой, Тео он очень не нравился. Это призрачное «Я» оставалось жутко холодным даже в лихорадочно пылающем мозгу. Холодным, как льдинка в хвосте кометы.

Может, у него удар или что-то вроде? «О Господи, только не это...»

Вспугнутые мысли еще какое-то время взрывались и шипели, как фейерверк, а затем ощущение чужого присутствия понемногу ослабло – зашторенную комнату снова наполнял нормальный приглушенный свет, и в мозгу звучала эхом одинокая мысль:

«Умерли. Все умерли».

Тео положил голову на стол и подождал, пока снова не стал собой – в единственном числе. Это просто мимолетное наваждение, подкрепленное депрессией. Умерли не все. Кэтрин, к примеру, живехонька и встречается с кем-то другим. А Джонни – Джонни бессмертен, так его и растак.

«Не смей так думать. Ты слазишь его, как слазил ребенок».

Тео отодвинул от себя пиво вместе с этой ужасной мыслью. Но попытка снова сосредоточиться на бумагах оказалась безнадежной – все равно что разбираться в кольцах на срезе дерева. Всякие ипотечные тонкости, пожарное страхование, страхование имущества, страхование права собственности. Работенка на несколько часов – нечего и стараться, когда голова в

таком состоянии. Тео увидел в материнской коробке с документами краешек конверта с голубыми и желтыми цветами и вытащил его.

Это оказалась открытка, махровый кич: котенок играет с клубком, а мама-кошка ласково на него смотрит. Внутри напечатаны стишки:

Кто смотрит за мной,
Защищает меня,
Любит и пестует день ото дня?
Это любимая мама моя.

Внизу коряво, точно признание убийцы, приписано:

С днем рождения любящий тебя Тео.

И проклятые слезы снова тут как тут.

Он не помнил даже, когда подарил ей эту открытку. Судя по почерку, лет в шесть или семь. Удивительно то, что мать ее сохранила – это она-то, королева не признающего сантиментов pragmatизма. Интересно, что еще там лежит?

Тео вывернул коробку на диван. Содержимое составляли в основном вполне ожидаемые вещи: страховые полисы, банковские книжки со сберегательными счетами, давно закрытыми – за каким чертом в таком случае их беречь? – но среди них попадались и странные, вроде инструкции по обследованию грудных желез, хранимой в отдельном конвертике, словно порнография. Было несколько отцовских писем – одно, похоже, времен пятидесятых, еще до женитьбы, когда Питер Вильмос служил на Филиппинах, а мать жила в Чикаго. Надежда обнаружить более молодое, пылкое и романтическое отцовское «я» – сломавшееся от столкновения с реальной жизнью, как хотел, но так и не мог до конца поверить в собственной юности Тео, – угасла по прочтении письма.

Дорогая Анна!

Прошло уже несколько недель, вот я и решил написать, потому что ты сказала, что ждешь моих писем. Жизнь у нас, в общем, без изменений. Дженнетт, парень на соседней койке, продолжает храпеть как нанятый. Кормежка неважная, Хорошо еще, что дают не сильно много (шутка). Надеюсь, что у тебя и твоих родителей все хорошо и что твой папа уже поправился и вышел на работу. На днях мы строили склад, и я был главный – это труднее, чем может показаться, потому что здесь всегда ветер, «штурмит» каждый день, и листы железа разлетаются, а они здорово тяжелые! Но склад мы построили...

За этим следовала еще одна страница, столь же малосодержательная, и подпись – безо всяких «целую тебя» или «люблю», просто «искренне твой».

Интересно, они тогда уже переспали? Краденая ночка в мотеле или в комнате школьного друга, перед отплытием? Это было пугающе близко к тому, что думал об отце Тео в самые худшие моменты – что он способен послать письмо с подписью «искренне твой капрал Питер Вильмос» девушке, которую видел без всего.

Мать сохранила более поздние его письма, а также поздравительные открытки – с днями рождения и годовщинами свадьбы. Старик с годами не стал Казановой, но хотя бы подписывался теперь не «искренне твой», а «целую, Пит».

Маловато, прямо скажем, для целой-то жизни. Другие открытки от Тео (после двенадцати лет практически ни одной), письма от родственников – и, что удивительно, довольно много вырезок из местных газет относительно его ранних успехов. Одна – из «Пенинсула

таймс-трибюн» о школьной постановке «Парней и девчонок», с отмеченным фломастером параграфом:

Если другие ведущие партии несколько слабоваты как с вокальной, так и с рунионовской^{*6} точки зрения, мы не можем сказать того же о Теодоре Вильмосе, чей жар, энергия и удивительно сильный голос вдохнули жизнь в роль Скай Мастерсона, игрока с золотым сердцем. Молодой Вильмос занял главенствующее место на сцене, и автор этих строк будет не слишком удивлен, услышав через несколько лет, что он исполняет ту же роль на Бродвее...

Тео перебирал другие вырезки, о других постановках и выступлениях хора, где он солировал; здесь имелся даже очерк о первой его группе, из полупанковского журнальчика восьмидесятых «Шреддер». Тео пару раз вспоминал об этой статейке и думал, куда она подевалась – и вот она нашлась.

Солист у них прямо охренеть, ребята, а я такими словами не бросаюсь. Я с самого появления Бено и «Ю-Ту» не слышал ничего такого сердито-красивого и красиво-сердитого. Хочу сказать, что «Итен янг», если удержат у себя этого солиста, приобретут серьезные коммерческие шансы. Не знаю, хорошо это или плохо, но что правда, то правда...

То, что мать, вымарав нехорошее слово черным фломастером, все-таки держала журнальчик под названием «Шреддер» у себя в ящике только потому, что там говорилось о ее сыне, снова вызвало у Тео слезы. Кто бы знал!

«Но картина ясна, не так ли? Джонни, Кэт, эти вырезки... я так и не достиг намеченных высот. Когда же это я отклонился в сторону?»

Вопреки ожиданиям, он впал в депрессию – не только из-за жизни матери, прошедшей так незаметно, но и из-за собственной жизни. Отложив газетные вырезки, он бегло просмотрел остальные бумаги. Какие-то рецепты, пара записок от бабушки Дауд – писем не было, но ведь бабушка свои последние пятнадцать лет прожила у дочери с зятем, с чего бы она стала писать им письма. Записки самые обыкновенные: в одной просьба к Анне зайти за лекарством, в другой, на листке из рекламного блокнота страховой компании, сказано: «Извини, я забыла. Напомни мне завтра поискать, пожалуйста. Мама». Может, на самом деле речь идет о чем-то важном, подумал Тео, о чем-то, имеющем отношение к истории их семьи? Только потом, проглядывая какие-то оплаченные счета, он сообразил: Анна Дауд Вильмос хранила эти каркаульки как единственную память о своей матери.

Доброй ночи, Никто.

На миг его снова прохватило холодом, но это был всего лишь холод отчаяния при мысли о двух умерших людях – о трех, считая отца с его извещениями о строительстве сборных складов, – от которых осталось так мало; они ушли в небытие, как брошенные в реку камни, и круги от них держались на воде совсем недолго. Каждый обещает стать кем-то, а потом это куда-то девается.

Тео срочно захотелось выпить еще пива.

Когда он укладывал бумаги обратно в коробку, из коричневого конверта с праздничными рецептами выпал другой, завалившийся туда конверт – вроде как с открыткой, но необычайно тяжелый. Адрес и фамилия матери надписаны старомодным, не слишком разборчивым почерком.

⁶ Рунион, Альфред Деймон (1884—1946) – американский писатель и журналист. Упомянутый мюзикл (1950) поставлен по мотивам его рассказов.

Изнутри, в свою очередь, выпала не открытка, а сложенное письмо. Вес пакету придавали банковская книжка и маленький ключик, приклеенный к последней странице письма пожелавшей целлофановой лентой. Тео бросил взгляд на затейливую подпись, которую разгадал не сразу:

«Преданный тебе Эйемон Дауд».

Он был почти уверен, что этот Эйемон – один из братьев бабушки Дауд, но не мог припомнить, что она про них рассказывала; бабушка, переехав в Калифорнию, со своей родней больше никаких дел не имела.

Письмо по сравнению с другими эпистолярными памятками матери было довольно длинным. Конверт датировался январем 1971-го, пару лет спустя после рождения Тео. Отказавшись от очередного пива в пользу растворимого кофе, Тео принял разбирать почерк.

Дорогая племянница!

Тебе, думаю, будет трудно вспомнить меня, ведь мы не виделись с тех пор, как ты была совсем еще маленькой, но только тебя с твоей мамой я и могу назвать родными людьми остальные не в счет. Твоя мать, а моя сестра Маргарет была единственной близкой мне душой из всей нашей сварливой, ни на что не годной семейки. Я виделся с ней редко, а с тобой еще реже, но причина этому мои путешествия, а не отсутствие теплых чувств.

Зная обо мне так мало, ты будешь удивлена, прочитав, что я очень виноват перед тобой и твоей семьей и что вину мою нельзя ни убавить, ни искупить. Объяснить я ничего не могу – по крайней мере в письме. Скажу лишь, что теперь, перед путешествием, откуда возврата не будет, эта вина гнетет меня тяжким бременем. В качестве скромного жеста доброй боли и сожалений о том, что я был таким негодным дядей, я хочу подарить тебе, твоему мужу и маленькому сыну то немногое, что осталось у меня от земных благ.

Это, увы, не фамильное поместье и не сундук с драгоценностями – всего лишь небольшой банковский счет да кое-какие личные бумаги. Деньги твои – их, повторяю, немного, но когда-нибудь они, возможно, помогут тебе оплатить учебу сына или пережить тяжелые времена, которые случаются в нашей жизни.

Я еще раз прошу у тебя прощения, хотя это ни о чем тебе не говорит и, возможно, никогда не скажет. Среди моих скучных пожитков ты найдешь книгу. Если ты как-нибудь на досуге захочешь прочесть ее, не принимай, пожалуйста, содержание за бред сумасшедшего. Это попытка художественной прозы, хотя, боюсь, и не очень успешная – нечто вроде сказки, которая, надеюсь, все-таки найдет своего читателя. Только вот конец я так и не сочинил. Все концы для меня сейчас сводятся к одному.

Желаю тебе и твоей молодой семье, здоровья и счастья.

Тео зажмурился, потряс головой и перечитал письмо сизнова. С прочими материнскими памятками оно совмещалось не лучше, чем в первый раз. Среди удручающей нормальности оно занимало особое место – прямо-таки маленький рассказ О'Генри.

Ключик должен быть от банковского сейфа, это ясно. Книжка с разлинованными страницами, полными рукописных пометок, выдана неким «Тревелер-банком», адрес – Дуэндстрит, здесь, в Сан-Франциско. Тео никогда не слышал о такой улице, но стертая, сделанная под копирку схема показывала, что она находится где-то в районе Русского холма. Сумма счета приближалась к пяти тысячам – неплохие деньги тридцать лет назад, но не то наследство от богатого дядюшки, о котором люди мечтают. Их все сняли где-то через неделю после проставленной на письме даты, и к счету, видимо, больше не обращались. Забавно, что мать никогда не упоминала о них, но это, в общем, в ее характере.

Тео вспомнил теперь, что бабушка пару раз точно говорила о своем брате Эйемоне. Говорила, что он самый красивый у них в семье, вот только корней, добавляла, так и не пустил. Она,

кажется, в самом деле любила его, как говорилось в письме. Тео припомнил и другие ее слова – если бы его ум, мол, да приложить к делу (вроде бы тоже о нем, об Эйемоне), он миллионером бы стал. Только от одних книжек, мол, проку не жди – локтями тоже работать надо.

Что же стало с этим человеком? Был ли он болен, когда писал это письмо? Это его «путешествие, откуда возврата не будет» звучало не слишком хорошо. И что он такого сделал, если вздумал извиняться перед матерью Тео, которую, судя по всему, едва знал?

Счет давно очищен, но где же бумаги, о которых упоминается в письме? Тео знал, что у него есть более неотложные дела, но письмо от двоюродного деда было единственным в архиве матери, что не вызывало депрессии. После той странности, что произошла с ним недавно, Тео вдруг очень захотелось делать хоть что-то, и прежде всего – выйти на свежий воздух.

И почему этот ключ все еще здесь? Он явно от сейфа, но даже если сейф вместе с «Тревелер-банком» до сих пор на месте, надо знать его номер. Это, наверное, можно сделать вполне легально – сказать, что содержимое входит в имущество матери, и попросить назвать номер, но тогда, видимо, придется ждать официального утверждения или еще какой-то фигни.

Чувствуя утомление от одной этой мысли, Тео подцепил ногтем ленту, приклеивающую ключ к письму. Древний целлофан отошел, ключ повис, и под ним открылись чернильные циферки, которые он раньше скрывал: «612».

* * *

Искомый дом он обнаружил на поперечной уличке, на середине склона крутого холма – один из образчиков сан-францисского викторианского стиля, до того узкий, что легко было пройти мимо, не заметив вывеску «Тревелер-банк». С первого взгляда Тео подумал, что для банка это странное место, потом предположил, что кто-то сохранил название, но изменил характер заведения – что теперь здесь ресторанчик из тех, в которые ходят только по наводке друзей, или студия графики. Для современного банка помещение слишком мало, и улицу никак не назовешь оживленной, где клиент может зайти в твою дверь случайно.

Входная дверь была стеклянная, но свет внутри, видимо, не горел, и Тео ничего не мог разглядеть там. Под вывеской имелась решетка переговорного устройства, и он нажал на кнопку рядом с ней.

– Краук муркагль морнт? – ответил ему нервный голосок – возможно, и человеческий.

– Добрый день. У меня здесь депозитарный сейф.

Через пару секунд дверь зажужжала. Тео открыл ее, оказался в темном вестибюле с лестницей и поднялся наверх. На первой площадке его ожидала полная девушка с прямыми светлыми волосами.

– Вы сказали, у вас здесь сейф? – Говорила она с акцентом – кажется, восточноевропейским.

– Да. Я его унаследовал от матери, а ей сейф передал ее дядя. – Тео вручил девушке письмо и книжку. – Вот, посмотрите сами. У него и счет здесь имелся. – Тео предъявил ключ. – Сейф номер 612.

– О-о, – сказала она так, будто он уведомил ее о скором начале ядерной войны. – О, нет.

– Простите?

– Я говорю, мистера Корни нет на месте. – Тем не менее она позволила Тео пройти.

Он еще не видывал такого маленького операционного зала, если это помещение действительно было таковым. Величиной с викторианскую парадную гостиную и обставлено примерно так же. На стенах в запыленных вычурных рамках висели портреты суровых мужчин в старомодных черных костюмах – посетителю из-за тесноты казалось, что они сидят у него на голове. Четверо настенных часов показывали разное время, но вместо Лондона, Токио и прочих финансовых центров на табличках под ними значилось Гластонбери, Каркасон, Алексан-

дрия и Персеполис. Какая-нибудь шутка с большой бородой, что ли? Тео слышал эти названия, но зачем кому-то понадобилось знать, какое там время? Все прочее офисное оборудование, похоже, поставили еще в эпоху пара, кроме одной здоровенной машины вроде телетайпа – эта неплохо бы смотрелась в фильме о Второй мировой войне.

– Но сейфы-то у вас сохранились?

– Да-да. В задней комнате, – торопливо кивнула она и указала на дверь, обрамленную портретами двух грозных патриархов.

– И когда же ваш мистер Кори вернется?

– Не Кори – Корни. Как у дерева. Я не знаю. – Готовность, с которой она подтвердила существование сейфов, исчезла бесследно, снова сменившись беспокойством, – Он редко бывает. Может быть, пятница. Или понедельник.

Тео, оглядев помещение снова, увидел в стеклянной витрине чучело вороны.

– А остальное время вы здесь одна?

Ее черты, несколько коровьи, выражали еще более сильную тревогу.

– Не одна. Есть другие. Рядом с нами «Пан-Пасифик новелтиз».

– Ничего плохого я не имел в виду – просто хотел сказать, что это странно. Это ведь банк, я не ошибся? Ни разу еще не видел такого банка.

– Многие наши клиенты очень старые, наверное, – пожала плечами она. – Они сюда не приходят. Раньше было много посетителей, но давно. Теперь почти все операции делаются по телефону, по факсу. – Девушка показала на телефон с наборным диском и загадочную машину. – Я только на вопросы отвечаю, почти всегда.

– На какие же это вопросы?

Она вспыхнула, отчего сразу похорошела.

– Ну, включен факс или нет.

Ему стало неловко за то, что он учинил ей допрос. Она ведь не виновата, что работает в шарашке, которая скорее всего занимается отмыванием денег.

– Извините. Вы только проводите меня к сейфу, а потом можете вернуться к своей работе.

– К сейфу?

– Ну да. Вы ведь сказали, что они в задней комнате?

– Но мистера Корни нет.

– Я ведь не ссуду прошу. Тот сейф принадлежал моему родственнику, а теперь он мой. У меня есть письмо, в котором мой двоюродный дед передает сейф моей матери, есть фотокопия ее письма, где она назначает меня распорядителем своего имущества, и есть ключ. Все вполне законно. Вон в ту дверь, да?

Девушка, стиснув руки, смотрела на старинный телефонный аппарат, думая, не позвонить ли ей своему отсутствующему боссу, чтобы тот приехал и спас ее от ненормального, который вздумал использовать «Тревелер-банк» в качестве банка.

А может, она собирается огреть Тео десятифунтовой бакелитовой трубкой, если он будет продолжать в том же духе.

Задняя комната по сравнению с полумраком и солидностью передней выглядела как поп-артовская картина. Голая лампочка в гнезде проводов, прикрытых некогда абажуром, напоминала солнце в центре средневекового планетария. На полках стояли длинные узкие ящики, но большинство из них, похоже, содержало банковский архив в виде заполненных от руки карточек.

– Мистер Корни хочет, чтобы кто-нибудь ввел это в компьютер, – извиняющимся тоном сказала девушка.

Тео с трудом удержался от смеха при мысли, как какой-нибудь бедолага будет маяться с этим наследием девятнадцатого века. Если это не задняя комната конторы Скруджа и Марли, то чертовски хорошая ее имитация.

– Вы только покажите мне сейфы, пожалуйста.

Металлические сейфы занимали на полках собственный участок с ветхой ковровой дорожкой на полу и древним крутящимся стулом, поставленным не иначе как для Боба Кратчета⁷. Тео нашел № 612, сел, поставил ящик себе на колени и стал поворачивать ключ в замке. Ключ был правильный, просто замок давно не открывался, но после нескольких попыток он заскрежетал и уступил. Тео не удивился бы, если бы из сейфа ударило облако пыли – ему казалось, что он вскрывает гробницу Тутанхамона.

Вместо золота и драгоценностей, на что он, впрочем, и не рассчитывал, внутри обнаружилась тетрадь в кожаном переплете.

Тео простился с переполошенной служащей банка и сошел с лестницы. Как заядлый читатель сказок, он наполовину ожидал, что десять минут, проведенные им в «Трэвелере», на деле обернутся десятыми часами, ожидал увидеть луну на небе и пустую по ночному времени улицу, однако снаружи по-прежнему стоял прозаический день. По коротенькой Дуэнде-стрит Тео вернулся к своему мотоциклу. Солнце светило. Ветер, несущий запахи залива по крутой дороге, трепал волосы и одежду.

Тео зашел пообедать в «Денни». Дожидаясь сандвича с индейкой, он положил сахар в кофе и открыл тетрадь.

Убористый почерк Эйемона Дауда разбирать теперь было проще – то ли потому, что Тео к нему уже привык, то ли потому, что свою «попытку художественной прозы» Эйемон писал не в такой спешке, как письмо племяннице. В начале рукопись напоминала скорее автобиографию, чем роман, но этот традиционный прием восемнадцатого-девятнадцатого веков Дауду был, видимо, ближе образцов более современного стиля. Когда он, интересно, родился? Тео попытался вычислить это, исходя из смерти бабушки Дауд в начале восьмидесятых. Если Эйемон был ее старшим братом и разница между ними составляла лет пятнадцать, что в больших семьях совсем не редкость, он мог родиться где-то в конце 1890-х, что вполне объясняло его литературные предпочтения.

1890-е... Впервые прочитать Хемингуэя Эйемон мог разве что в возрасте Тео.

Из этого также следовало, что «путешествие, из которого возврата не будет» могло в 1971-м означать его естественную смерть.

Сандвич в гнездышке из жареной картошки словно с неба к Тео спорхнул – официантка спешила к другому столику.

Для еды Тео пользовался одной рукой – другой он перелистывал страницы.

«Я всегда был непоседой», – так начинался рассказ.

В более ранние времена, в стране моих предков, я, возможно, принадлежал бы к числу рыбаков, заплывавших в далекие, неведомые земли – Уэльс и Корнуолл, или же – будь у меня несколько иной склад ума – стал бы священником, несущим Слово Божие на маленькие островки Ирландского моря. Но мне выпало родиться в мире, где даже до самых дальних районов Азии добраться было легче, чем моим пращурам до графства Корк. Я по достоинству ценил преимущества этого куда более тесного мира, но даже ребенком не любил того, что рост знаний и сокращение расстояний сделали с Тайной.

Книги были парусными судами моего детства. С выметенных ветром улиц Чикаго они уносили меня в Багдад, Броселианд⁸, Спарту и Шервудский лес. Временами (детство у меня было не особенно счастливое, и не только из-за бедности) все эти места казались мне гораздо реальнее унылого мира бульдожника и цемента, в котором я жил.

⁷ Клерк в конторе Скруджа.

⁸ Таинственный лес в Бретани, фигурирующий в легендах о короле Артуре.

Я решил, что должны быть миры лучше этого, и тем, сам того не ведая, определил курс своей жизни. Должно быть что-то лучшее, чем наш вечно холодный и темный дом на Калюмет-авеню, где дважды в час грохочут над головой поезда.

Эйемон Дауд, или, вернее, герой его повести, впервые убежал из дома в двенадцать лет. Маршрутом бродяг-хобо он добрался до самого Денвера, где его схватила дорожная полиция и отправила обратно в Чикаго. Отец всыпал ему по первое число, но больше на трехмесячное отсутствие старшего сына, похоже, никак не отреагировал.

В пятнадцать Эйемон сбежал снова. На этот раз он попал в Сан-Франциско и, добавив себе лет, нанялся на шедшее в Китай судно. Было это еще до начала Первой мировой, и юный Эйемон после знакомства с опасными экзотическими тихоокеанскими портами заключил, что Тайна, к счастью, еще жива. Он видел, как японского матроса, сбившего с ног старушку, забили до смерти на улице в Ханчжоу, и получил свой первый сексуальный опыт в Лункоу с проституткой, немногим постарше его самого (звали ее Первый Дождь, и она сбежала из родной деревни в Шаньси). Дауд – или лирический герой, носящий его имя – прожил с ней несколько месяцев, но жажда странствий снова овладела им, и он подался обратно в Штаты на корабле, заходившем по пути на Гавайи.

К тому времени как Дауд впервые увидел танец хула – для молодого человека в начале столетия куда более волнующее и сексуальное зрелище, чем в его конце, – Тео доел свой сандвич и попросил еще кофе. Долгие летние сумерки уже опустились на город, машины за окнами ресторана зажигали фары.

Тео пролистал несколько страниц, исписанных мелким почерком, вплоть до 1916 года. После вступления Соединенных Штатов в войну Дауд записался на флот. Год спустя он плавал в качестве кока на корабле «Орегон», но поскольку корабль был учебный, в бою так и не побывал – и не особенно сожалел об этом. Потом он пытался устроиться в Сан-Франциско, порту приписки «Орегона», и даже сделал предложение дочке портового докера Лиззи О'Шонесси, но тяга к путешествиям по-прежнему не давала ему покоя. Демобилизовавшись в середине двадцатых, он уехал из города. Братья Лиззи грозились убить его в случае возвращения, но, видимо, только за обман: если бы Дауд сделал девушке из ирландской семьи ребенка и отказался жениться, он вряд ли ушел бы от них живым. Дауд, теперь уже на торговых судах, ходил в Европу, в Африку и на Ближний Восток, всегда готовый к приключениям, еще в детстве растревожившим в нем романтическую жилку. И приключения случались с ним, чему Тео невольно завидовал, хотя и не был уверен, что они происходили в действительности.

Тео съел кокосовый пирог и выкладывал на столик деньги, собираясь домой, но тут ему в глаза бросилась фраза в конце одной из ненумерованных глав.

Я сошел на берег в Индии с карманами чуть полнее обыкновенного, и там мне в руки попала книга, изменившая всю мою жизнь.

Тео захотелось немедленно прочитать, что там дальше, но ему не давало покоя чувство, что он оставил дом незапертym. Он не думал, что задержится так надолго, и свет, конечно, не зажег. Дом стоит открытый и темный – заходи, кто хочет. Неохотно закрыв тетрадь, Тео вышел на стоянку к своему мотоциклу.

Три-четыре пива на ночь, чтобы крепче спать, уже не казались ему такими заманчивыми: повесть Эйемона захватила его целиком. Тео устроился на диване с настольной лампой, выключив весь прочий свет, и впервые оценил тишину маленького дома.

Повествование – до сих пор настолько реалистичное при всей своей живописности, что Тео начинал рассматривать его как подлинную автобиографию, несмотря на предупреждение

автора, – теперь приняло по-настоящему странный оборот. Эйемон писал, как обнаружил на базаре в Хараппе некую книгу, очень известную, хотя и редкую, но названия ее не упоминал. «Мне так посчастливилось, – рассказывал он, – что я поневоле задумался, в одной ли удаче тут дело». Как бы ни называлась книга, она пробудила в рассказчике интерес к некоторым загадочным местам, о которых он, как и о книге, знал понаслышке, но не думал, что туда и вправду можно попасть. «Волшебные края, – так говорил он о них, – куда ведут пути, совсем почти стершиеся из памяти человечества».

По мере увеличения странности повествования речи рассказчика делались все более смутными, с многочисленными ссылками на какие-то «опыты» и «занятия», а также на растущий интерес к «Внешним Землям» или «Нездешним Полям» – так что интерес самого Тео к расшифровке дедовой рукописи несколько остыл.

Зевнув, он отвлекся от описания «врат, ведущих в прихожую Города и его полей» и поразился, увидев, что время перевалило за полночь. Он, несмотря на намеренную туманность повествования, пролежал с книгой на диване больше трех часов – неудивительно, что он так устал.

Вернувшись к месту, на котором остановился, он еще раз прочел про «город за пределами всех наших знаний, более живой и более внушающий страх, чем любая метрополия Запада и Востока».

И вот наконец я нашел путь к нему – или думал, что нашел. В следующую безлунную ночь мне предстояло выяснить, напрасны были годы моих трудов или нет.

Предстояло исполнить свое заветное желание или же увидеть крах всех моих надежд.

За стенами дома раздался стон, и Тео, вздрогнув, выронил тетрадь. На миг ему показалось, что это плачет ребенок, но он тут же успокоился. Какой-нибудь соседский котяра сидит на заборе, заявляя о своих территориальных претензиях или о пылкой любви.

Какие звуки они иногда издают, ублюдки!

Но не успел Тео обрести покой и заложить тетрадку счетом за коммунальные услуги, звук повторился, на этот раз сделавшись еще громче. Тео покрылся мурашками, волосы на затылке стали дыбом. Ничего подобного он в жизни еще не слыхивал: точно кто-то стонет от нестерпимой боли, но при этом как-то отрешенно, с подыванием – безнадежно заблудшая душа, да и только. Выяснив, что лампочка в патио перегорела, Тео отыскал на кухне фонарик и вышел в заднюю дверь. Чуть ли не впервые он пожалел, что у него нет оружия.

Когда он вышел, звук прекратился. Тео постоял, сдерживая дыхание и спрашивая себя, почему от воплей похотливого кота сердце у него тарахтит, как ударные в рэйве. На дворе теперь стояла полная тишина, даже сверчки угомонились, но он не мог избавиться от иррационального чувства, будто что-то явилось за ним – что-то еще более чужое, чем то холодное присутствие, которое он испытал днем.

Он повел лучом фонарика вдоль задней изгороди, через засыхающую клумбу, которую снова забыл полить, в густую поросль под вязом в углу двора. Никаких кошачьих глаз, сверкающих в темноте. Вообще ничего. Он, наверное, просто перенервничал. Логично как будто, но Тео почему-то не мог в это до конца поверить. Скорее уж то, что произвело этот шум, услышало, как он выходит, и убежало.

Память о голодном, скорбном звуке не прошла даже полчаса спустя. Тео, хотя и устал, никак не мог уснуть, пока не встал и не зажег лампочку в ванной, чтобы свет падал в дверь его спальни, напоминая ворота в загадочную страну мечты.

6

ЗЛАЯ ЛУНА

– Никакой я вам не Культияпка, – сказал человек, хотя никто его и не слышал.

Он забился еще глубже в угол, подальше от ветра, который рыскал у входа в переулок, как собака, норовящая подкопаться под забор.

– Меня не Культияпкой звать. – Он похлопал себя по карману – может, ему только помешалось, что он допил бутылку? Нет, не помешалось. – Черт.

Неправильно это, отбирать у человека имя. Точно мало того, что его заслали в чертов Вьетнам, где он оставил обе ноги и кусок руки – но там-то его хотя бы называли настоящим именем, даже звание впереди ставили, чтобы крепче, значит, держалось. Рядовой морской пехоты первого класса Джеймс Макомбер Эгглс, вот как. До тех самых пор, пока его не доставили по воздуху из Анхоя обратно в Штаты. А когда он в первый раз выехал на улицу на своей коляске, парни около судейской лужайки стали звать его Культияпка Джим – обидно, конечно, но все-таки как будто бы и по имени. Теперь его зовут просто Культияпка, и это его злит, по-настоящему злит. У человека можно отнять ноги и кусок руки, но имя отнимать нельзя. Это неправильно.

– Где этот котяра? – Он вроде как подружился с этим тощим зверюгой – кот жрет остатки еды и греет его, но уже два дня, как того не видать. – Удрал, скотина. – Какая– никакая, а все компания. Хоть бы вернулся, что ли.

Не так уж много ему и надо. Чтобы кот нашелся. Второй носок, чтобы надевать на кулью руки – зимой, когда задувает с озера, ее так ломит, что мочи нет. Чтобы кто-нибудь приделал колесики от скейтборда к его тележке – тогда он опять ездил бы по тротуару, как положено, а не таскался на старой картонке. Это унизительно. Он ветеран, блин, морской пехотинец. Уж колеса-то ему причитаются. Он ведь не так много просит. И бутылочку бренди. Не какого-нибудь дешевого, обыкновенного бренди, от которого глотке приятно и все прочее тоже перестает болеть. Он не пил бренди с тех пор, как тот мужик в хорошем пальто дал ему полбутылки в позапрошлую Рождество, но все время о нем вспоминает. Это вам не тот дерзковый сироп от кашля, который почему-то вином называется.

Он порылся в своих вещах, откапывая пластиковый пакет, который нашел недавно – хороший, плотный, из магазина одежды, не продуктовая рвань, та мигом по швам расползается. Надо проделать в этом новом мешке дырку и надеть на шею, тогда по ночам не так холодно будет. Прямо как воротник от скафандра, к которому астронавты шлемы привинчивают – клево, наверное, спать зимой в скафандре. Окошко, куда выглядывают, можно закрыть, и будет совсем тепло, пока утреннее солнышко не пригреет.

Кот, носок, колесики, бутылка бренди и хрюнов скафандр.

Из кучи хлама в конце переулка донесся стон, и человек, когда-то звавшийся рядовым первого класса Джеймсом М. Эгглсом, вздрогнул.

– Ты, что ли, котяра? – Да нет, на кота не похоже. Больно уж низко.

Убили кого-то и бросили, а он, бедняга, живой еще, была его следующая мысль. Куча мусора заколебалась и опять успокоилась. Стон прозвучал снова, громче.

«Ни хрена. Обдолбаный какой-то завалился дрыхнуть в моем переулке. Никакого тебе уважения».

Он сел, помогая себе здоровой рукой, и наставил обрубок на шевелящуюся груду картонных коробок и рваного пластика.

– А ну вали отсюда! Тут приличные люди спят. – Голос дрожал больше, чем ему было желательно. – Это мое место. – А если наркоша, который там залег, не какой-нибудь маленький и костлявый? Если это молодой парень? Нанюхался ангельского порошка, руки и морда

в кровь исцарапаны, мускулы узлами, что твои змеи? А может, там вообще не человек? Здоровая собака вроде питбуля. Крыса его укусила, он и взбесился. Как выскочит сейчас, пасть в пене, глаза красные...

– У меня нож есть, – соврал он и мысленно добавил нож в список желаемого, за астронавтским скафандром. – Порежу в натуре, понял? Мне проблем не надо, а ты запросто можешь нарваться.

И тогда из кучи мусора медленно поднялась обтрепанная тень, порождение злой луны. Человек сначала подумал, что слишком глубоко закопался в свою нору и не чувствует, как сильно задуло с озера. Что ветер облепил того другого обрывками пластика и бумаги и мешает его разглядеть.

Фигура качнулась и сделала неверный шаг к человеку.

– Сказано тебе, у меня нож! – заверещал бездомный. – Не подходи!

Но когда тот повернулся к нему – медленно, точно ни слова не слышал из сказанного и только теперь как-то почувствовал его, человек внезапно понял, почему у неизвестного такой странный вид. Потому, что под клочьями и обрывками нет никакого тела и под скомканной газетой не прячется растерянное лицо наркомана. Эта засаленная маска и есть его лицо, последнее, которое человеку суждено увидеть.

Сердце поднялось к горлу, как лифт, загородив доступ воздуху. Человек, отталкиваясь руками, потащился к выходу из переулка, к людям – мало ли кто стоит на углах в теплую летнюю ночь, в какой-нибудь дюжине ярдов отсюда. Даже его мучители должны помочь ему против этого ужаса! Он пытался крикнуть, но словно несколько кубов кладбищенской земли рухнуло на него, придавило к земле, а что-то, пахнущее тухлым жиром и старыми костями, зажало нос и рот. Оно давило, давило, пока Джеймс Макомбер Эгглс не уступил врагу свое старое искалеченное тело и не улетел с беззвучным криком в пустоту.

Долго, очень долго не испытывал он этого странного, но приятного ощущения. Долгие века в темном холодном месте, где не было никого, кроме таких, как он сам, и где он подкреплялся мерцающим теплом своих несчастливых соседей (избегая тех, чья несытость была еще глубже и сильнее, чем у него), почти целиком отняли у него те зачатки сознания, которыми он когда-либо обладал.

Свобода его, однако, была неполной. Принуждение пронизывало ее насквозь, как красный рубец. Весь его голод, вся ненависть к живому и ничем не стесненному сосредоточились вокруг пятнышка жизни под названием «теовильмос» – его добычи. Когда он перемещался в эту плоскость, добыча была близко, совсем близко, но бесплотный охотник не был готов ее взять. Однако голод, жгучий голод почти что свел их, преодолев неподдающееся измерению расстояние. Только миг – потом иррхе пришлось уйти, переместиться в другую точку, где плоскости соприкасались плотнее и ему легче было совершить переход в ту физическую реальность, где двигалась его добыча.

Чумной дух размял свои новые члены, испробовал новые органы чувств. Теплая жизнь окружала его – теплая жизнь и холодная геометрия камня. Давно, очень давно не бывал он в этой материальной плоскости, не ощущал этих восхитительных болей. Он пытался смотреть глазами своего краденого тела, но испытывал трудности с их фокусировкой. Собственные его чувства оставались при этом острыми. Он чуял близость других живых существ вроде того, чье тело он занял: они двигались и производили звуки сразу за выходом из замкнутого пространства – беспечные, словно птицы, порхающие около ветки, где притворяется спящим леопард.

Пора было начинать охоту, но иррхе еще медлил. Занятая им оболочка казалась ему не совсем правильной, некомплектной. Укороченные конечности не держали равновесия. Иррхе захватил это тело потому, что оно оказалось поблизости от места его перехода, и потому, что хозяин тела, как он чувствовал, не должен был оказаться ему особого сопротивления – путеше-

ствие утомило ирруху, и он знал, что силы надо беречь, но экономия, как видно, не пошла ему впрок.

Ирруха задержался, чтобы как-то поправить дело. Теперь, когда он стал частью этой плоскости существования, ему предстояло трудное физическое передвижение, и тело должно было выдержать долгое путешествие. Оно должно быть также достаточно крепким, чтобы схватить теовильмоса и доставить его в темное место, как было приказано.

Возможно, думал ирруха на свой бессловесный лад – возможно, что вызвавшие его из небытия, покончив с теовильмосом, отдадут духу его добычу. И он, ирруха, утолит наконец свой голод.

7 ЛЕС

После стольких изнурительныхисканий (и стольких безуспешных попыток) увидеть наконец перед собой этот сказочный город с его сверкающими башнями и заполненными народом улицами, где побывало так немного людей, а вернулось назад и того меньше, – значило понять раз и навсегда, что наука просто обман, а так называемые «человеческие знания» – набор отговорок и полуправд. Глядя на это захватывающее дух зрелище и не зная, что со мной будет дальше – возможно, это незнание было благословлением Судьбы, – я понимал, что жизнь моя переменилась бесповоротно и что все мои поиски в неизведанных краях моего мира, среди самых странных людей и ситуаций, были лишь краткой и путаной прелюдией к этому моменту...

Как раз подходящее место, чтобы прерваться. Тео завернул тетрадь в полотенце и положил в рюкзак, решив взять ее с собой в машину, а не совать в коробку вместе с прочим багажом. Из того небольшого количества вещей, которые он перевозил в хижину, только она была незаменимой.

Уважение Тео к сочинителю возрастало по мере увеличения невероятности сочинения. Великой или даже просто хорошей прозой произведение Эйемона считаться никак не могло – во-первых, слишком уж оно грешило риторикой и сказывалось влияние бульварщины, которой Эйемон зачитывался в юности; во-вторых, оно больше смахивало на лекцию с показом слайдов, чем на роман, и малозначительным событиям часто уделялось не меньше внимания, чем куда более важным. При всем при том Тео не мог не признать, что в своем роде это очень интересная книга. Несмотря на намеренные умолчания (всякой фигни типа «но об этом говорить больше не стану») и явные заимствования у Лавкрафта, неустанные старания героя в поисках таинственного волшебного города захватывали по-настоящему. Интересно, сумеет ли автор, когда его персонаж нашел наконец свой город, довести замысел до кульминации – иными словами, кем окажется на поверхку дядюшка Эйемон: настоящим писателем или просто любителем, надергавшим приправу для своих реальных жизненных приключений из лавкрафтовских «Фантастических историй».

Теперь, поместив вырученные от продажи дома двести тысяч в банк – обнадеживающе обыкновенный банк на главной улице, с множеством кассиров и автоматических наружных камер, Эйемон такой нипочем бы не выбрал, – Тео мог не только спокойно дочитывать книгу, но и подумывать о ее публикации. Двухсот тысяч, даже если жить в дорогом районе Бэй-Эриа, ему хватит на несколько лет. Эти деньги, возможно, следовало бы вложить в первоначальный взнос на собственный дом, но тогда ему понадобится другой источник дохода, чтобы получить ссуду, а чистой суммы после выплаты материнской ипотеки и прочих долгов хватит разве что на бойскаутскую палатку в дальних окрестностях города. Нет, лучше уж снять жилье и подождать немного, пока он не придумает, как поставить свою сыгравшую под откос жизнь обратно на рельсы.

И почему бы, раз уж у него завелись деньги, не издать дядину книгу? Солидный издатель вряд ли за это возьмется, но примерно за тысячу долларов ее уж точно можно будет напечатать. Можно посвятить книгу матери и отправить несколько экземпляров в местные библиотеки. От забвения Анну Вильмос это не спасет, но все-таки...

Тео в последний раз оглядел ее чистую, безликую гостиную – подлинное ее наследство, переходящее теперь к незнакомой ей молодой паре. Он в долгу перед матерью, так или нет?

Она сказала, что никогда не любила его так, как следовало. Что он должен испытывать после этих слов – чувство горечи или, наоборот, гордость за нее, ставившейся изо всех сил, да

и за себя, поскольку он вырос приличным в общем-то человеком? Пускай не таким уж успешным, но не преступником все-таки, не домашним тираном. Мама сделала что могла. Может быть, некоторым людям просто не надо становиться родителями.

Это направило его мысли в нежелательную сторону. Он взял рюкзак и вышел к машине. Мотоцикл помещался во взятом напрокат трейлере.

«Ну, прощай, дом. Вряд ли я буду сильно скучать по тебе». Теперь здесь будут жить другие люди – Маршаллы, кажется, их фамилия. Он, Тео, больше никакого отношения к нему не имеет. При расставании, наверное, полагалось бы чувствовать себя по-другому? Он и чувствовал бы, будь с этим местом связаны какие-то хорошие воспоминания. Памяти о последних неделях матери ему на всю жизнь хватит. Вот еще одна причина расстаться с домом, более даже веская, чем деньги.

Тео и в старом их жилище никогда не чувствовал себя по-настоящему дома. Как и там, где они жили с Кэт. Что же с ним не так? Он сел за руль и стал выводить трейлер с подъездной дорожки на улицу, стараясь не задеть пикап, который какой-то идиот припарковал в добрых полутора ярдах от тротуара. Миссис Крейли подошла к забору посмотреть, как он уезжает. От садового шланга в воздухе рядом с ее бесстрастным лицом стояла радуга. Тео весело помахал ей в память о былом. Она не стала его разочаровывать и не помахала в ответ.

* * *

По шоссе № 280 Тео ехал медленно – и не только из-за трейлера, прицепленного к маленькой, маломощной материнской машине. День в конце лета и тысячелетия был хорош, а собственное нытье ему уже надоело. Не лучше ли немного насладиться моментом, для разнообразия? Веселого, конечно, мало, но если взглянуть с правильной стороны, то он, возможно, уже достиг трудно определимого дна и начинает понемногу всплывать. Он чувствовал бы себя более уверенным на этот счет с красивой и умной женщиной на пассажирском сиденье, готовой разделить с ним начало новой жизни, – но, как верно заметили Мик и Кейт⁹, ты не всегда получаешь то, что хочешь.

В пятнадцати милях южнее Сан-Франциско он увидел первый знак «осторожно, олени»: черный силуэт, застывший в прыжке на желтом ромбе, напоминал средневековый герб. У Тео потеплело на душе, хотя он слышал, что жители гор Санта-Крус относятся к оленям, как к большим крысам, которые губят сады и топчут свежеполитые лужайки.

Пусть их. В нем самом мысль о жизни среди диких оленей вызывала приятное волнение, а засевать газон он не собирался. Он стал крутить радиоприемник, пока не поймал громкий и бодрый мотивчик, что-то дурашливо-веселое от «Айси-Диси». Справа от него, наверху, курчавились завитки тумана – это сгущался на гребне горы влажный морской воздух, – но небо над шоссе было безоблачным, и солнце освещало ему дорогу.

Забавно наблюдать, как рано угасает день в горах – точно время здесь измеряется как-то по-другому. Часы на приборной доске «тойоты» показывали всего 3.30, и небо над дорогой голубело по-прежнему, но под деревьями уже залегли глубокие тени.

До этого Тео бывал в хижине всего один раз, а проселки по обе стороны от хребта Скайлайн зачастую обозначаются плохо. Сейчас он ошибся точно так же, как и в тот первый раз, и принял одну извилистую дорогу за другую, но спохватился намного быстрее и волновался по этому поводу намного меньше; тогда ему пришло звонить женщине-агенту по сотовому и спрашивать дорогу у нее – процесс не менее сложный, чем дистанционная операция на головном мозге.

⁹ Звезды рока Мик Джаггер и Кейт Ричардс. Имеется в виду книга Криса Салевича «Параллели Мика и Кейта».

До четырех он уже перевалил на прибрежную сторону гор, хотя вид на океан перед ним еще не открылся. Дорога под названием Марипоза вывела его на необозначенную асфальтовую полоску, которая и служила подъездной аллеей к его хижине и двум-трем другим домикам, рассыпанным среди мамонтовых деревьев, елей и краснокорой мансаниты. Солнце все еще стояло над деревьями, но растущие за хижиной вечнозеленые великаны уже погрузили в сумрак дом и бугристый, в густом бурьяне двор – Тео даже пожалел на миг о своем решении. Он вылез из машины и постоял, вслушиваясь в тишину, быстро поглотившую краткое эхо от захлопнутой дверцы.

«Ты ведь этого и хотел, разве нет? Чтобы ничего не отвлекало. Место, где можно подумать, сложить все заново».

Ключ, как и обещала риелторша, висел на гвозде, который неприметно для посторонних торчал в заборе, неизвестно зачем отделяющем заросший передний двор от не менее заросшего заднего. Бурьян, простираясь во все стороны, плавно перетекал в лес, переваливал через холм, а там уже скорее всего спускался к океану. Странно было, покинув совсем недавно аккуратно вылизанный квартал, где жила мать, очутиться здесь, где соседей не видно и не слышно – разве что им вздумается палить из автомата у себя на дворе.

Тео слышал, что в горах и такие люди встречаются – оставалось надеяться, что это скорее исключение, а не правило. Он от Скайлайна, от главной дороги, добирался сюда полчаса. Сколько времени понадобится полиции или «скорой»?

«Ты сам так захотел, парень, – сказал в ушах голос Джонни. – Кончай бухтеть».

Войдя в дом, он немного воспрял духом. Всего одна комната, ванная и чуланчик, но устроено все очень славно, как ему и запомнилось: участок для кухни, каменный очаг, полы везде деревянные, лакированные, кроме углубленной, покрытой ковром зоны в центре. Телевизора нет, и вряд ли тот, что он привез от матери, будет много ловить со своей антенной – но если приспичит, всегда можно тарелку поставить. Домик он снял на год – будет время разобраться, что ему надо, а чего не надо. Во всех смыслах.

Кровать помещалась в углу, чуть выше его головы – настоящие полати, с лесенкой. Внизу книжный шкаф и удобное на вид кресло – и то, и другое оставлено прежним владельцем, на что Тео охотно дал согласие. Одно из больших окон выходило в гущу деревьев, но обещало хорошее освещение днем. Тео представил, как будет сидеть здесь и читать «Моби Дика» или еще что-нибудь, что давно уже собирался, – как называется эта книга Пинчона, с которой Кэт к нему приставала? «Выкрикивается лот № 49»? Ну, а что? Он и ее бы прочел. Будет ездить пару раз в неделю за продуктами и заходить в книжный. Чтение, игра на гитаре – может, он снова начнет песни писать, как предлагал ему Джонни. И прогулки по горам на мотоцикле, иногда до самого моря, а потом по берегу до Сан-Франциско, чтобы культурой подзарядиться. Все это с чувством, не спеша. С думами о том, что потеряно за последние годы, и о том, где найти это вновь.

Почувствовав себя лучше, Тео начал таскать из машины коробки.

У этого города много имен – Авалон¹⁰, Сибола¹¹, Тир Нан Ог¹² и, без сомнения, еще дюжины, которых я никогда не слышал: я ведь говорю только на общеупотребительном языке этого места, о чем расскажу позже, между тем здесь существует много других наречий. Сам я дал городу имя Новый Эревон, по знаменитому произведению Сэмюэля Батлера¹³, но в этом мной руководило человеческое тщеславие (мне думается, с другими названиями дело обстояло

¹⁰ Остров блаженства, куда отправились после смерти король Артур и его рыцари.

¹¹ Сказочная страна, которую искали в Мексике испанские конкистадоры.

¹² В кельтской мифологии – загробное царство, земля вечной молодости.

¹³ «Эревон» (1872) – роман английского сатирика С. Батлера. Название утопического города представляет собой анаграмму слова «nowhere» – нигде.

точно так же). Жители мегаполиса и обширной сельской местности за его пределами называют его просто «Город», поскольку он здесь единственный и доминирует над всем прочим так, как ни одному земному городу еще не удавалось...

Тео был заинтригован. В первый раз Эйемон Дауд признался, что мифическая страна, которую он до сих пор описывал в восторженных, но весьма сдержанных выражениях, находится не в отдаленных, но все же реальных местах планеты, как Шангри-Ла или Эльдорадо, а где-то... за пределами реальности.

Авалон. Это как-то связано с королем Артуром, верно? Но Артур вроде бы отправился туда только после смерти. Может, эта Дорога, о которой говорит дядюшка Эйемон, просто метафора? Как и Последние Врата? Что-то наподобие двери в волшебную страну? Можно было догадаться, раз автор пишет эти слова с большой буквы.

Прежде чем переходить к рассказу о жителях, я хотел бы сказать еще кое-что о Новом Эревоне, хотя никакие слова – мои, во всяком случае – не могут передать его странность и красоту. Он стоит в кольце поросших густым лесом холмов, и лес окружает город подобно рву. Этот великий лес, который, несмотря на его обширность, обойти кругом гораздо легче, чем пересечь, до того обманчивы здешние расстояния, называют то Арденом, то Черным лесом.

Я не знал тогда, откуда берется это многообразие имен – от разнообразия видов волшебного народа, населяющих Город и его окрестности, или же от земных мечтателей, каким-то образом влияющих на здешнюю жизнь. Механизм, позволяющий мне говорить на их общем языке, сам по себе тоже загадка. Прожив в этом мире долгое время и узнав больше, чем многие подозревают, я стал думать, что разгадал ее, однако не стану излагать здесь свои довольно путаные и сложные рассуждения.

Город представляет собой спираль наподобие гигантской раковины наутилуса, но сказать так – значит упростить истинное положение вещей. Спираль пересекается тысячами уочек и переулков, а строительство не подчиняется никакому плану. Так, во внешних витках, особенно в районах Восход и Утро, гоблины лепят свои жилища, на манер термитных гнезд, прямо к стенам красивых старых зданий, создавая непроходимый лабиринт. Поэтому добраться беспрепятственно от краев спирали к ее центру давно уже невозможно – впрочем, для таких, как я, доступ туда все равно закрыт. Однако планировка тем не менее оказывает свое влияние: наиболее бедные районы (или те, которые моему смертному глазу представляются наиболее знакомыми) располагаются на окраинах. По мере продвижения к центру ощущается не только сгущение атмосферы богатства и власти, но и нечто не столь явное – как будто ты с каждым шагом вступаешь во что-то трудноопределимое. Нарастает давление магии, за неимением лучшего слова. Во внутренних районах живут богатые и совершенно безумные семьи, но даже это не объясняет изменчивости твоих впечатлений. В таинственном сердце Города (участок сохранившегося там леса именуют Рощей, а иногда Собором), где почти никто не бывает, а чужаки вроде, меня и подавно не приветствуются – в сердце Города, по слухам, искажение земного времени, которое начинается сразу после прохода в Последние Врата, наиболее сильно; время там не просто отличается от земного, но преобразуется в совершенно иную среду...

Тео захлопнул тетрадь. Он, словно под влиянием Эйемоновой идеи об искажении времени, читал все медленнее по мере нарастания фантастичности. За неделю, проведенную в хижине, он так и не притронулся к другим книгам, с головой погрузившись в загадки и хитроумные построения Эйемона Дауда. Он и гитаре уделял не слишком много времени, вопреки данному себе обещанию. Как ни странно, он все время был чем-то занят: несмотря на заверения агента по недвижимости, что все будет готово к его приезду, ему понадобились три дня и несколько звонков в обслуживающую компанию, чтобы электричество и водопровод в хижине

заработали как полагается – так что досуг, заполняемый исключительно чтением и раздумьями, оставался пока понятием чисто теоретическим.

Спал он тоже не слишком хорошо. Страшные сны, особенно тот, где он чувствовал себя не собой, а кем-то другим – или скорее делил себя с кем-то помимо воли, – продолжали преследовать его, как дурной запах. Это случалось не каждую ночь, слава Богу, но достаточно часто, чтобы он начал подумывать о каком-нибудь транквилизаторе.

Книга Эйемона в такой ситуации была как раз кстати, поскольку помогала занять чем-то мысли.

Автор определенно намекал, что его герой отправился не просто в некий дальний уголок реального мира, но преодолел своего рода магический барьер – процесс, описанный подробно, хотя и туманно, порой с упоминанием непонятных Тео терминов и с множеством ссылок на труды других писателей, очень возможно, что и вымышленных. Мир, созданный самим Даудом, в некоторых отношениях напоминал стандартную Страну Эльфов, но не походил ни на цветочно-мотыльковый луг детских сказок, ни на чарующий и опасный край кельтской и скандинавской мифологии. Скорее уж, насколько мог судить Тео, дочитав до этого места, это было искривленное зеркальное отражение реального мира в несколько старомодном его варианте. В тексте упоминались конторские здания и железнодорожные пути. Что же это за волшебная страна с железными дорогами, скажите на милость?

Зато по крайней мере оригинально – надо отдать справедливость дядюшке Эйемону. Может, даже издателя удастся найти.

Устройство Города, в общем и целом, удивления не внушает. Знатные семьи предпочитают, чтобы их сторонники жили по соседству, поэтому отдельные кварталы могут быть целиком заселены кланами Астры или Ноготков (упоминаю лишь пару не столь уж могущественных цветочных домов). Эти кварталы фактически являются небольшими самодостаточными городками внутри большого Города и группируются вокруг башен ведущих домов. Предполагаю, что это несколько напоминает Флоренцию четырнадцатого века, где почти каждый житель был вассалом одной из родовитых семей – Пацци, Альбиони или Медичи.

Новый Эревон по самой своей природе опасен для смертного, но мне, как ни странно, удалось найти в нем свою нишу. Горожане удивительно терпимы – возможно, вследствие собственного разнообразия форм и размеров. (Хотя правящие семьи почти целиком отдают предпочтение человеческой внешности – если допустить, что я верно определяю направление этого процесса.) Смертные бывали здесь постоянно – как сами по себе, так и в качестве домашних любимцев, но в последние годы путешествия между нашей и их стороной почти совсем прекратились, поэтому на меня смотрели, как на диковинку, и даже в знатные дома приглашали.

В промежутках между гощениями в цветочных домах я изыскал для себя другой, весьма необычный, способ существования. Из-за сокращения числа смертных путешественников и эльфов, бывающих на той стороне, многие вещи, когда-то обыкновенные, сделались в Городе дефицитом – например, слезы (эльфы тоже иногда плачут, но человеческие слезы применяются у них для определенных процедур – у нас их сочли бы волшебством, здесь же они волшебны лишь постольку, поскольку производятся в волшебном месте). Узнав об этом промысле, я впервые за всю свою взрослую жизнь пожалел, что я не женщина и в частности не девственница – слезы и прочая секреция, а также волосы, ногти и кусочки кожи смертных девственниц здесь ценятся очень высоко, как по бартеру, так и в эльфийском золоте. Но я и без того устроился неплохо: выстригая волоски из бороды и выжимая из глаз слезы с помощью лука, который покупал на еженедельном рынке в Папоротниках, я обеспечивал себе скромную, но приятную жизнь на тщательно выбранной нейтральной территории близ Новокурганного дома. Это резиденция эльфийского парламента и освященное веками место, на которое даже самые

мятежные семьи не посягают. Позже я нашел себе более просторное жилье в Дневном районе, но часто скучал по суете городского центра.

Я упоминал уже, что знатные эльфы очень похожи на людей (хотя надо быть слепым и глухим, чтобы спутать их с настоящими людьми). Из-за этого у читателя может создаться впечатление, что прогулка по извилистым улицам Нового Эревона мало чем отличается от экскурсии по одному из больших городов нашего мира. Спешу уверить вас, что это не так.

Прежде всего, цветочные семьи со своей гуманоидной внешностью составляют лишь малую часть населения. Правда, их слуги, за исключением самых богатых и эксцентричных домов, тоже во многом на них похожи. Однако крылья, которые у знати полностью атрофированы или уж очень хорошо спрятаны, частенько встречаются у домашней прислуги – прозрачные, как у стрекоз, и окрашенные в легкие тона. (Это действующие отростки, хотя крупные эльфы летают редко.) Так вот, эти слуги походят на людей больше представителей всех прочих эльфийских классов – по этой причине их и допускают на службу. Население Города отличается поразительным многообразием, и человек, гуляя по Папоротникам в сумерки, чувствует себя так, будто попал в картину Иеронима Босха: повсюду летунцы, бoggарты, пэки, изящные туманницы; темпераментные гоблины кричат, толкаются, расхваливают свои товары, завязывают романы – и это лишь немногие из сотен и тысяч типов. Каждый раз, думая, что ничего более причудливого уже не увижу, я убеждался в своей ошибке.

Небольшой анекдот проиллюстрирует это как нельзя лучше.

Я возвращался с пирушки в доме Левкоя, угостившись лунником, – меня пригласила туда одна из молодых представительниц семейства, которую подбили на это ее друзья. Лунник представляет собой дистиллят росы, собранной в определенную фазу луны, – это очень крепкий напиток, делающий веселым и страстным даже самое степенное существо. Здесь следует заметить, что солнце и луна этого мира, насколько я могу быть уверен, – те же самые светила, что озаряют наш смертный мир, хотя за Последними Вратами они, как и все остальное, намного сильнее, подлиннее и волшебнее, особенно луна. Не могу, однако, утверждать определенно, что это те же небесные тела, из которых одно сведено у нас к гигантской газовой печи, а другое к холодному круглому шару, где люди в водолазных костюмах машут клюшками для гольфа и втыкают американские флаги. Я этого не знаю, да и знать не хочу. В городе, названном мною Новым Эревоном, и во всей Эльфландии, солнце и луна остаются тем же, чем так долго считали их люди: небесными братом и сестрой, следящими за нами сверху.

Так или иначе, я шел из дома Левкоя по Ткацкому ряду – это место всегда кажется ненастным, возможно, из-за высоких зданий, затеняющих его. (Сумрак, во всяком случае, благоприятен для пауков, которые неустанно ткут в своих искусственных рощах, обеспечивая шелками городскую знать.) Засмотревшись на освещенную витрину какой-то лавки, я вдруг услышал позади крик, обернулся и увидел, что ко мне бредет молодой Караденус Примула. Вообще-то он серьезный юноша, как и приличествует его дому, одному из Семерых, но в этот момент было ясно, что он сильно перебрал лунника. Двое кобольдов с глазами, как блюдца, поддерживали его с боков. Они, наверное, тоже недурно накушались, но, как видно, могли вместить больше, чем наследник дома Примулы: ему стоило большого труда объяснить мне, куда он идет и почему так хочет, чтобы я его сопровождал, – его речь то и дело прерывалась пением...

За окном мелькнуло что-то. Тео, вздрогнув, обернулся посмотреть. Что-то темное поворачивало за угол дома – он был почти уверен, что это олений зад. Тео вернулся к чтению, но сосредоточиться больше не мог. Он перелистнул пару страниц. Дядя Эйемон в своем пространном, изобилующем намеками стиле приближался, похоже, к борделю. Это могло быть интересно, но Тео читал уже около часа, и ему захотелось сменить обстановку. Он отложил тетрадь – не только потому, что старомодная дядина фразеология начала его утомлять, но и

потому, что сама повесть при всей своей фантастической фабуле вдруг показалась ему вопиюще не соответствующей его теперешней ситуации.

В Эльфландию он, Тео, точно не попадет – но подумать только, в скольких реальных странах побывал Эйемон. И в Китае, и в Африке. Деньги есть – он тоже мог бы куда-то поехать, а не сидеть один в этой хижине, в двадцати милях от места своего рождения.

Тео взял со стула у двери мотоциклетный шлем и вышел, чтобы проехаться.

Исхлестанный ветром и немного взвинченный двумя порциями пива, выпитыми в придорожной таверне у подножия холмов, а также беседой с барменом (речь шла о моторке последнего и связанных с ней проблемах – не особенно интересно, но хотя бы с живым человеком поговорил, что за последние дни выпадало ему нечасто), Тео медленно въехал по крутому подъему и обнаружил у своей хижины незнакомую машину. Сначала он подумал, что это Джонни приехал его навестить на взятой напрокат тачке, но темноволосый водитель в голубой рубашке с короткими рукавами и при галстуке тоже оказался незнакомцем. На вид ему было за сорок, и он, должно быть, много времени проводил в спортзале.

– Это вы Тео Вильмос?

Тео кивнул.

– Могу вам чем-то помочь?

– Возможно. Во всяком случае, хотел бы задать вам несколько вопросов. – Мужчина достал бумажник и предъявил жетон движением до того знакомым по кино и телевизору, что Тео не сразу включился., – Детектив Коулер, департамент полиции Сан-Франциско. Найдется у вас минутка?

– Конечно. – Два пива внезапно преобразились в нечто более серьезное. Тео надеялся, что крепко держится на ногах. – Пойдемте в дом. Пришлось проехаться, да?

– Ничего. У меня в машине много кассет, целые книги. – Полицейский говорил легко, но внимательно наблюдал за Тео, пока тот снимал шлем. Тео пережил короткий приступ паранойи – а вдруг та трава, восьмушка унции, которую Джонни дал ему напоследок, валяется где-нибудь на виду? Тео наткнулся на нее, когда распаковывал вещи.

«Да брось, не будь дураком, – сказал он себе. – Ты теперь уважаемый гражданин, у тебя в банке две тысячи долларов. Никто не станет посыпать детектива в такую даль, чтобы изъять у тебя щепотку травки».

Какого же черта им тогда от него надо?

– Что вам предложить? Хорошо бы пива, но вы ведь на службе не пьете? По телику так всегда говорят. Может, врут, а? – Тео слегка покраснел, чувствуя, что мелет полную чушь. – Или кока-колу – у меня, кажется, есть. – Он убрал со стула гитару «Гибсон» и спрятал ее в футляр. – Присаживайтесь.

Детектив покачал головой, улыбаясь не совсем искренне.

– Спасибо, не надо. Я ненадолго. А вы, я смотрю, неплохо устроились. Давно вы здесь?

Паранойя вернулась. Откуда этот тип что-то про него знает?

– Недели три. Вы правда ничего не хотите?

– Немножко внимания, мистер Вильмос, и мы очень быстро закончим. Так, любопытства ради – где вы были позапрошлой ночью?

Тео ощущал легкую панику – в самом деле, где же он был? – но тут же вспомнил.

– Вечером ездил на берег. Погулял по Пасифик-авеню в Санта-Крус. Поужинал. Хотел в кино пойти, но устал и раздумал. – Осененный внезапной мыслью, Тео вытащил бумажник. – У меня, кажется, квитанция сохранилась. – Он показал Коулеру желтый корешок счета за дорогой ужин в ресторане «Джимми Бразилия», который тот бегло просмотрел. – А что, собственно, случилось?

– А домой когда приехали?

— Где-то между одиннадцатью и двенадцатью, — пожал плечами Тео. — Меня в тот момент никто не видел, если вы об этом. — Он выдавил из себя смешок. Почему, интересно, он чувствует себя виноватым, хотя совершенно ни в чем не виноват? — Тут, как вы видите, за соседями не очень-то последишь.

Полицейский медленно кивнул, точно Тео наконец ответил на давно занимавший его вопрос.

— Понятно.

— Слушайте, я понимаю, что вы просто выполняете свою работу, но все равно как-то не по себе. Здесь кого-то ограбили поблизости, что ли?

Коулер пристально посмотрел на него. Изучающий неторопливый взгляд и тонкие губы делали детектива похожим на стрелка с Дикого Запада. Рубашка и дешевые брюки стали вдруг выглядеть на нем как-то не к месту.

— Насколько близко вы знаете Денниса и Стефани Марш?

— Совсем не знаю. Кто это?

— Люди, купившие у вас дом.

— Господи Боже, ну конечно. Я просто не сообразил сразу. Но я все равно их не знаю. — Тео попытался вспомнить, видел ли он их хоть раз. Разве что когда они приходили смотреть дом — все документы подписывались в конторах, и там он ни разу с покупателями не встречался. — Она... высокая такая, да? — Он смутно помнил длинноногую брюнетку в деловом костюме с удивительно короткой юбкой. Сексуальная женщина Стефани Марш, если это она, конечно, а вот муж ее в памяти как-то не отложился.

— Вы никогда их не видели?

— Может, и видел, когда дом приходили смотреть. Всем занимались агенты по недвижимости. Особых сантиментов я к этому дому не питал — мать свои последние дни провела в нем, но я там раньше не жил, потому и не заботился, чтобы он перешел в хорошие руки и все такое. — Он опять говорил много лишнего.

— И после продажи вы там не бывали?

— Нет-нет. Я уже сказал, что не был сильно привязан к этому месту. А что?

Детектив, задумавшись о чем-то своем, ответил не сразу.

— Они погибли.

— Что?

— Убиты. Возможно, грабители потеряли контроль над собой, возможно, по другой причине.

— Господи. — Тео постоял, приходя в себя. — Прямо там? В доме моей матери?

— Да. Вы, пока жили там... ничего подозрительного не замечали? Бродяги? Неизвестные личности неподалеку?

Тео невольно вспомнил стонущий звук, из-за которого выскочил на двор с колотящимся сердцем. Но это ведь кот орал — при чем здесь убийство?

— Нет, ничего такого. Боже, вот, значит, когда это случилось? Позапрошлой ночью?

— Да, и довольно рано, насколько мы можем сказать. Так что если ваша квитанция правильная, можете не волноваться. Не возражаете, если я ее заберу?

Тео махнул рукой, спеша отмежеваться от всего, связанного с той ночью.

— Но почему вы думаете... что я могу иметь с этим что-то общее? Господи.

— Мы ничего не думаем, мистер Вильмос. Мы просто задаем вопросы, выдвигаем версии, стараемся разобраться в произошедшем. — Детектив потоптался на месте, оглядывая комнату, — Ну, не буду вам больше мешать.

— Да я, собственно, ничем таким и не занят... — Тео нахмурился. — А с соседкой вы не говорили? С маминой?

— А что?

— Да просто она, извините за выражение, любопытная старая стерва и за новыми соседями следила, небось, как ястреб. Миссис Крейли. Она вам по минутам доложит, кто входил, кто выходил. У нее, поди, все записано.

— Соседи пока ничего ценного не сообщали, но я поговорю с ней еще раз, основываясь на вашей... характеристике. — улыбке Коулера сквозила угрюмость — такая работа, наверное, выжигает тебя изнутри, хочешь не хочешь.

— Вы можете сказать, как это все... Как их убили?

Детектив снова посмотрел на него.

— Мы стараемся не разглашать детали как можно дольше. Так нам намного легче понять, какая информация полезна, а какая нет. Скажу только, что зрешище было не из приятных.

Машина детектива давно уже уехала под гору, а Тео все расхаживал по комнате, и мысли у него метались, как подхваченные ветром листья. Почему смерть этих двух людей, знакомых ему меньше, чем персонажи дневного телесериала, людей, связанных с его жизнью по чистой случайности, — почему их смерть среди тысяч других, происходящих ежечасно, так подействовала на него? Почему эти двое, как ни ужасна была их гибель, наполнили его чувством такого устрашающего бессилия? Может быть, это как-то связано со смертью матери, с ее последними безотрадными часами в том доме?

Это чувство в любом случае очень не нравилось Тео — притом оно никак не желало уходить.

8

СБЕЖАВШИЙ КОНДЕНСАТОР

Финдус Кизил всегда считал себя приличным малым в отличие от других управляющих (взять хоть Барбариса, до печенок проедает, как уксус); поэтому, когда ему доложили, что один из конденсаторов дневной смены чувствует себя плохо и выходить на работу не хочет, он не стал посыпать Мураву и прочих бригадиров выгнать лодыря из барака пинками, а поставил чашку с бузинным чаем на стол и отправился сам. Он шагал по станции бодро, как будто сам лорд Дурман сидел в главном офисе и смотрел на него. Могло быть и так, хотя владелец уже несколько лет не бывал на своем предприятии. Аулюс Дурман одно из самых важных лиц в Эльфландии, до того ли ему.

— Что у вас тут за проблемы? — спросил Кизил Шалфея, сморщенного старосту блока.

Старик, давно оставивший надежду выбиться в администраторы, однако мечтающий хоть немного продвинуться в видах скорой пенсии, покивал пушистой белой головой.

— Это очень хорошо, что вы лично интересуетесь, мастер Кизил. Стриди его звать, Крапива.

— Стридиев? Ничего себе имечко. Он что, гоблин?

Шалфей захлопал слезящимися глазками.

— Никак нет, сэр. Виноват. Стриди Крапива, из какой-то деревни в Орешнике.

— Что с ним такое?

— Не могу знать, сэр. — Шалфей усиленно давал понять, что ничего такого особенного, по его мнению, с сачком не случилось. — Плохо спал ночью — соседи говорили, он всю дорогу стонал и ворочался. К завтраку тоже не встал. — Старик цыкнул одним из оставшихся зубов. Будучи уриском, он, как многие эльфы из холодных краев, быстро состарился в теплом климате Города и выглядел на пару веков старше, чем был на самом деле. — Такую овсянку пропустил, дурачина.

Понятно, — кивнул Кизил. — Ты можешь занять свое место в линии, э-э... — Он запамятовал, как зовут этого уриска, и поэтому отпустил дежурную фразу, которая обычно всегда срабатывает: — Мы ценим твою помощь.

Шалфей, пялясь, так усердно закивал головой, что Кизил побоялся, как бы она не отвалилась.

— Благодарствую, сэр. Всегда рад служить, сэр.

Койка прогульщика, к неудовольствию Кизила, находилась в дальнем конце барака, вмешавшего двести рабочих. Помещение с двумя тесными рядами коеч походило на рот с перебитым зубом.

— Так-так, юноша. — Кизил, идя через гулкое пространство, взял жизнерадостный тон — это хорошо действует на мальцов. Может, он просто по дому тоскует, этот Крапива. Фамилия деревенская, самая что ни на есть простецкая — таких Крапив на станции с полсотни наберется.

«Малец» с первого взгляда порядком его удивил — такой худющий, что коленки торчат в ширину, и длинный-предлинный. Кроме внешности, удивлял также страх в светлых глазах паренька.

— Я слышал, тебе нездоровится? — Кизил улыбнулся, показывая, что он добрый начальник, не такой, как Барбарис. — Погулял вчера с другими ребятами, а? Ходили к мадам Горечавке и перебрали малость? Я тоже туда захаживал в свое время — я ведь не всегда был таким вот ответственным работником, нет. — Кизил сделал паузу и прищурился, раздраженный отсутствием желаемой реакции со стороны парня. — Ты ведь понимаешь, что весь день в постели валяться нельзя, правильно? У нас работа есть, очень важная работа. Мы нужны Городу, нужны всей Эльфландии.

Парень смотрел на него без агрессии, но так, словно ему трудно сфокусировать взгляд.

– Мне... мне нехорошо. – Он еле мямлил, да и деревенский выговор затруднял понимание. – Я бы... – Бледное потное лицо заблестело еще больше, когда парень смекнул, что чуть было не высказался без разрешения.

– Ты сам удивишься, как тебе полегчает, стоит только встать да за работу взяться. Ты кто, аккумулятор? Это ведь аккумуляторный блок? – Все бараки похожи один на другой, но так оно и должно быть. Незачем разводить соперничество на станции.

– Конденсатор, сэр. – Шепотом, еле слышно. Бледный он какой, но среди провинциалов и такие иногда встречаются. В стране есть и другие леса, кроме того, что окружает Город и где стоят их станция, – тамошние уроженцы и на солнце-то толком не выходят, пока не попадут в столицу.

– Конденсатор! Большой, стало быть, специалист? – Кизил добродушно посмеялся собственной шутке, но парень и не подумал его поддержать. – Ты ведь не хочешь подвести своих товарищей, правда? – нахмурился управляющий. – Если нам будет недоставать конденсатора, другим придется работать больше нормы.

– Мне очень жаль, сэр, – простонал парень, – но я...

– Знаешь, сколько времени я с тобой тут уже потратил, сынок? – Кизил наклонился – пора было проявить некоторую строгость. – А знаешь ли ты, сколько народу готово дважды обернуться по солнцу и трижды против, лишь бы твою работу получить? Тебе ведь служить еще вон сколько. Хочешь перейти на канализационную очистку лорда Дурмана?

Услышав это, парень сел, хотя и с большим трудом, и его разросшиеся крылья развернулись во всей красе – здоровенные, что твои паруса. Кизил отвернулся. Неудивительно, что родителям не терпелось сбить его с рук.

– Но ведь это... работа для никсов, сэр... – запротестовал было юнец, но тут его одолел кашель.

– Ты удивился бы, Лебеда. – Фамилия вроде не совсем та, но парень все равно кашляет – авось не расслышит. – Ты очень удивился бы, если б узнал, какую работенку можно подобрать для того, кто не ценит хорошую должность вроде твоей. – Надо подбавить еще немного суворости. Такой вот малец способен пойти по любой дорожке, и Кизил гордился тем, что не одного из них спас от собственных дурных инстинктов. – Сейчас я вернусь к себе в кабинет и буду ждать сообщения от твоего бригадира – о том, что ты вышел на линию. Передай ему. Если же я не дождусь звонка, то есть места и похуже очистных сооружений. Так-то, Лебеда. Например, ртутные рудники лорда Дурмана. Не слишком подходящие для мальчишек с таким кашлем, как у тебя.

Кизил повернулся и пошел обратно – прямо, с поднятой головой, как всегда. Бригадир, как он и ожидал, отозвонился очень скоро и доложил, что парень занял свое место в линии. Управляющий испытал мимолетное удовольствие, в очередной раз убедившись, что бархатные рукавицы действуют эффективнее ежовых.

Он уже начал набрасывать небольшую заметку о доброжелательной атмосфере в коллективе, предназначенную для служебного бюллетеня энергостанции «Темнолесье», когда тот же бригадир позвонил ему снова. А потом погас свет.

Болотные огни теплились повсюду, но света давали мало и пахли, как гнилушки. Настроения это не улучшало. Кизил не раз запрашивал у высшего руководства более современные и яркие аварийные светильники – и вот результат. Не станция, а болото в летнюю ночь. В мерцающем полумраке Кизил налетел на стремянку, брошенную кем-то посреди прохода, и на место происшествия прибыл еще более злым, если это возможно.

– Почему не включена аварийная система? – рявкнул он, – Почему рабочие стоят без дела?

— Сейчас включимся, сэр. — Мурава дал затрещину резистору, стоящему над телом с круглыми глазами и разинутым ртом. — А ну, пошел в свою группу! Тебе не за то дают еду и жилье, чтобы ты глаза пялил!.

Прочие линейщики уже становились по местам, покачивая головами. Кизил, уверенный, что эти недоумки во всем винят его, сказал себе, что не намерен переживать из-за этого.

— Что у вас тут стряслось?

— Трудно сказать, сэр. — Мурава был плотнее и мускулистее других представителей своего вида, что позволяло заподозрить в нем немалую толику человеческой крови — «муха в улье», как говорят в простонародье. — Мы подключились и пустили установку номер три. Все шло как надо, а потом сопротивление точно взбесилось. Из-за Крапивы, сэр. Сроду такого не видел. Он точно вспыхнул весь — стоит, светится голубым и зеленым, искры от него летят. И упал. Мы его оттащили, я позвонил вам. На этом бы и конец — в этой секции у нас еще четырнадцать конденсаторов, и все работают хорошо, но через несколько минут все прерыватели отказали, и вот, нате вам!

Кизил сдержал резкое слово. Мурава прямо-таки веселится, проклятый — можно подумать, это какая-то детская шалость, повод сбежать с уроков. Если бы! Начнут теперь выговоры раздавать и ему, Финдусу Кизилу, кишки выматывать.

Барбарис. Ну почему это не могло случиться в смену Барбариса, будь он неладен!

Он взглянул на молодого Крапиву. Руки и ноги у парня все еще дергались, но уже медленнее. Глаза распахнуты, соломенные волосы закурчавились от тока, застоявшегося в его теле, как запруженная река. Огромные крылья скожились, как расплавленное стекло.

— Что случилось? — спросил у него Кизил. — Что ты натворил, дурья башка?

Парень молча смотрел на него, подергивая веками и лязгая зубами.

— Говорить он не может, сэр, — заметил Мурава. — Я таких повидал. Хорошо еще, что он не превратился в головешку, в лягушку или во что похуже.

Один из врачей компании, Валериана (раньше он занимался частной практикой, но потом его обстоятельства отчего-то ухудшились), подержал маятник над белым, как бумага, лбом пострадавшего, и объявил:

— Плохо дело. Думаю, надо сообщить его родителям, что-бы готовились к худшему.

У Кизила вырвался стон. Мало того, что проклятый мальчишка замкнул всю линию — еще и умрет, того гляди, а ты потом отписывайся.

— Уберите его отсюда. И разберитесь кто-нибудь, почему авария до сих пор не ликвидирована!

Подачу энергии восстановили только через три часа, от чего пострадали многие, если не все абоненты лорда Дурмана. Свет не горел во всех учреждениях Сумерек и Вечера, транспорт не работал, заводы и фабрики стали. Паучки, ткущие шелк, гибли тысячами из-за отказа обогревательных чар в их искусственных гротах. Счастье еще, что сам лорд вопреки утренним надеждам Кизила не посетил в тот день станцию, а уехал охотиться в Березы. Появилась возможность подтасовать факты до его возвращения, чем усердно занимался весь управляющий персонал. За последнее время случались и другие аварии, к которым деятельность самой станции отношения не имела, и данный конкретный случай можно было представить как одну из них. Все надеялись, что на этот раз никто из управляющих и бригадиров не понесет наказания.

Кизил, однако, счел, что задуманную статью публиковать пока не стоит. Вся неделя обобравалась для него чуть ли не самой трудной с тех пор, как он получил свой значок от референта лорда Дурмана. Не успел он немного воспрянуть духом после аварии, как староста блока Шалфей доложил через бригадира Мураву, что конденсатор Крапива не только пережил эту ночь, но нашел в себе силы для побега. Поначалу Кизил заподозрил, что его исчезновению поспособствовали бригадиры — веселость Муравы заметно выветрилась за несколько часов

сверхурочной работы, – но небольшое расследование убедило его, что Мурава и его коллеги озабочены пропажей Крапивы не меньше остальных.

«Рапорт о побеге мобилизованного» составлять было намного легче, чем «Рапорт о смерти мобилизованного», притом это не сулило расспросов со стороны благотворительных организаций. Не придется возиться с ревизором из Новокурганного дома, не придется определять степень ответственности и начислять компенсацию, прежде чем отправить родителям извещение по форме № 4. Рапорт о побеге направляется лорду-констеблю Акониту, и дальнейшим занимаются его люди.

Либеральные методы управления вещь, конечно, хорошая, думал Кизил, когда все начало возвращаться в нормальную колею, но в следующий раз, когда ему сообщат о прогульщике, он пошлет Мураву задать мерзавцу трепку и сбережет свое время для более интеллектуальных занятий.

9 ГОСТИ

День был прекрасный, и солнце струилось сквозь листву мамонтовых деревьев, но покой, который начал обретать здесь Тео, исчез без следа. Несколько раз он просыпался среди ночной тишины – то после знакомого уже сна, где он был беспомощным пленником в собственном теле, то после кошмара, где его гоняло по илистому морскому дну существо вроде огромного угря, все состоящее из вислогубого рта и мускулистого хвоста. Простыни и трусы с майкой промокли от пота – Тео в первый момент испытал острый стыд, подумав, что обмочился со страху.

Сидя на заросшем дворе с чашкой кофе в древнем шезлонге, который откопал в гараже у матери, он по-прежнему чувствовал себя незащищенным, объектом чьей-то охоты. Убийство, случившееся в доме матери, все испортило. Сегодня он планировал поиграть на гитаре, но сейчас вся охота пропала. Ему срочно требовалось куда-то выбраться. Он давно собирался съездить в библиотеку, посмотреть кое-что – это уж точно лучше, чем сидеть весь день одному и вздрагивать от каждого шороха.

Он взял ключи, бумажник, надел кожаную куртку и удостоверился, что все окна заперты. Уже в дверях ему показалось, будто над кухонной раковиной промелькнул солнечный зайчик, похожий на миниатюрную новую звезду. Он пригляделся, но зайчик уже исчез. Тео вернулся в дом проверить, не загорелась ли проводка – нет, все в порядке.

Солнечный луч, наверное, просто отразился от крана. Прямо как с теми пилотами – им везде НЛО мерещатся.

Тео потряс головой и оседлал мотоцикл. Остывший мотор завелся не сразу.

В нижней части Марипозы, у самого поворота на главную дорогу, ему снова привиделось что-то в кустах – не бархатисто-коричневое, как олений бок, а зеленое вроде камуфляжной формы. Он притормозил, но загадочное явление осталось уже позади. Отглянувшись, он не увидел ничего, кроме листвы с пятнами солнечного света.

Охотник? Но у них, кажется, оранжевые костюмы. И охота здесь вряд ли разрешена. Какой-нибудь псих со сдвигом на военной почве. Может, их таких целый взвод. В горах Санта-Крус кого только нет – ребята заехали сюда еще в семидесятых, чтобы жить на природе и глотать ЛСД, да так назад и не вернулись. Одним просто не нравится городская жизнь, у других имеются пугающие веские причины, чтобы не светиться внизу. Тут уже, наверное, несколько поколений таких чудаков сменилось.

«Что, собственно, стряслось? Ты увидел в лесу что-то зеленое? Крыша у тебя, парень, едет, вот что».

Все дело в одиночестве. Оно порождает не только скуку и сексуальную озабоченность. Когда целыми днями ни с кем не разговариваешь, некому сказать тебе, тронулся ты уже или нет.

Девушка-библиотекарь была по-своему миленькая – с очками на шнурке, такого типа. Улыбаясь его нервозным шуткам, она показала ему микрофиши со старыми выпусками «Кроникл» и научила обращаться с просмотровым аппаратом. Он с трудом удержался, чтобы не пригласить ее куда-нибудь вечером.

А почему бы не попробовать, собственно? В худшем случае она скажет «нет».

Но он почему-то чувствовал, что сегодня воспримет отказ особо болезненно. Лучше наведаться еще раз, пусть поймет, что он парень тихий и серьезный, и тогда уж... Ему стало лучше уже потому, что он заинтересовался кем-то и у него появились мысли на эту тему.

Он хотел поискать что-нибудь про Эйемона, но для начала занялся недавним убийством. Информацию о нем в «Сан-Франциско кроникл» Тео нашел без труда – еще бы, такое громкое и не раскрытое пока преступление в спокойном районе. Материал поместили даже на первую полосу, хотя и сдвинули в самый низ.

Фотографии злосчастных супругов Марш оживили его память. Они оказались моложе, чем ему запомнилось, – лет под тридцать. Она была та самая красотка в короткой юбке. Теперь Тео и мужа вспомнил – тот, осматривая дом, большей частью молчал и все время читал сообщения на своем мобильнике. Говорила в основном риелторша – все распространялась, как подходит этот дом «для начального этапа». И Марши, видимо, согласились с ней, раз в банке у Тео лежат их деньги.

Начальный этап. Конечный этап.

Тео отогнал неприятную мысль, и его тут же поразила другая. А вдруг их родители или еще кто-нибудь вправе аннулировать сделку? К кому дом перейдет теперь? Ведь они же не могут забрать деньги назад, нет? Мысль, возможно, мелочная, но двести тысяч для него далеко не мелочь. Притом эта сумма уже уменьшилась, поскольку он заплатил немного вперед за хижину, не говоря уж о расходах на жизнь.

Сейчас он все равно ничего не придумает. Потом можно будет позвонить в компанию по недвижимости, проконсультироваться.

В газете приводились высказывания соседей, а миссис Крейли даже и процитировали: «Наш район пришел в упадок. Не знаешь, что за люди рядом». Тео отнес это на свой счет, разделив лавры с убийцами. О самом убийстве говорилось очень мало – его характеризовали как «зверское» и «бессмысленное». Миссис Крейли, всегда замечавшая все самое важное, жаловалась также, что преступник забросал всю лужайку и крыльце мусором. Полиция не выдвигала никаких версий, помимо ограбления, но в репортаже не упоминалось, что дом ограбили.

Тео почувствовал себя садистом, смакующим жуткие подробности, и занялся микрофишами.

Он нашел целых две статьи – больше, чем ожидал. Одна из «Экзэмпера» начала семидесятых, другая – некролог.

Одолевая первую в непривычном негативном изображении, Тео с удивлением осознал, как грустно ему из-за того, что Эйемон в самом деле умер. Было бы куда удивительнее, будь он жив. Статья подтверждала догадку Тео – Эйемон действительно родился в конце девятнадцатого века, и теперь ему уже за сотню перевалило бы, но за последние недели Тео очень сблизился с ним. Статейка из серии «встречи с интересными людьми» сопровождалась снимком Эйемона «у себя в кабинете» – тоже негативом, где было трудно что-либо разобрать. Эйемон выглядел стройным, подтянутым, моложе своих тогдашних семидесяти лет, но это впечатление могло быть обманчивым.

При некрологе, очень кратком, фотографии не имелось – Эйемон Дауд был для этого недостаточно важной персоной. Интересно, кто его написал? Может быть, мать решила почтить дядину память, получив деньги? Она там упоминалась.

Эйемон А. Дауд, 76. Путешественник

Эйемон Альберт Дауд, объехавший в молодые годы весь мир, а зрелые посвятивший воспоминаниям о своих путешествиях, скончался 30 апреля в своем доме в Сан-Франциско, в возрасте 76 лет.

Мистер Дауд, сотрудничавший с географическими журналами и с нашей газетой, а также выступавший в библиотеках и школах, впервые вышел в море пятнадцатилетним мальчиком и до последних дней не утратил своей любви к экзотическим местам.

Далее следовала сокращенная версия записок Эйемона. В конце говорилось, что об усопшем скорбят «его племянница Анна Дауд Вильмос из Сан-Франциско и другие родственники в Чикаго».

Тео откинулся назад, глядя на экран невидящими глазами. «Анна Дауд Вильмос из Сан-Франциско». Звучит так, словно мать родом из аристократической семьи, из тех, что живут на Ноб-хилл.

Итак, старый Эйемон действительно умер. О причине смерти ничего не сказано, но раз это произошло дома, то скорее всего это был удар или сердечный приступ.

Чувствуя себя неудовлетворенным – нет бы порадоваться, что он вообще хоть что-то нашел про свое отнюдь не аристократическое семейство, – Тео пересел за компьютер и продолжил поиски в Интернете. Дополнительной информации об Эйемоне он там не нашел, поскольку ее и не было, зато обнаружил кое-какие места, упомянутые в рукописи. Перед ним открылось обширное поле эльфологии – область знатоков, легковерных, а в основном просто чокнутых, которым больше делать нечего.

Встав наконец из-за компьютера, Тео увидел, что девушка на абонементе ушла – то ли обедать, то ли домой. Ее сменил суровый мужчина со слуховым аппаратом, так что свидание приходилось отложить на неопределенное время.

Он поел в кафе, купил в книжном магазине на Эль-Камино «Белую богиню» Грейвса, «Сказки» братьев Гримм и книгу про «Битлз». Потом зашел в большой спортивный супермаркет, где приобрел фонарь Колмена и карманный фонарик на случай аварии с электричеством. Он задержался около дорогой парки – вдруг зимой в горах будет холодно? – но раскошелиться на такую вещь в теплом сентябре не хватало энтузиазма. У него, в конце концов, есть кожаная куртка, пережившая вместе с ним столько приключений. Ну, «приключений», положим, громко сказано – в тридцать лет многое из пережитого представляется таким идиотизмом, что и вспомнить стыдно.

Тео обнаружил, что слишком долго стоит на месте, купил в винном магазине шесть бутылок «Хайнекена» и в косых предзакатных лучах поехал к себе на гору.

Он сидел с тетрадкой на коленях, заткнув три бутылки за пояс, и его одолевало предчувствие неясной угрозы. Что-то словно надвигалось на него – не рок, это слишком громкое слово, но все-таки надвигалось. В хижине было холодно, но ему не хватало энергии встать и включить обогреватель. Он поднял с пола свою куртку и надел ее.

Книга Эйемона начинала выводить его из себя. Все это очень интересно и даже занимательно: какими бы недостатками ни обладал Дауд как писатель, воображения ему не занимать. Но вся его жизнь в волшебном городе сводится к анекдотам, которые, как и его реальные приключения, заканчиваются ничем. Его книга представляет собой некий странный и, похоже, безнадежно некоммерческий гибрид: с одной стороны, это фэнтези без приключений (во всяком случае, без драконов и темниц, имеющих спрос у малолеток), с другой – путеводитель по местам, куда попасть все равно нельзя. До конца рукописи оставалось всего пятьдесят или шестьдесят мелко исписанных страниц, и Тео теперь просматривал их по диагонали. Интересно, что другие люди делают в такой хороший вечер? Сегодня четверг. Многие, наверное, собираются куда-нибудь, в кино или в бар. Зря он не назначил свидания той девушке из библиотеки. Она так и осталась для него безымянной, поэтому он даже воображаемый диалог с ней не мог построить. Какое имя может подойти такой, как она? Элинор? Элизабет?

Она вполне может оказаться Кэтрин, с его-то счастьем. Это укололо Тео, и он вернулся к чтению. У Эйемона твердая рука – совсем не похоже на старицкий почерк. Он, должно быть, писал это задолго до смерти. Сосредоточиться на тексте было трудно – дневной свет угасал, и за окнами смеркалось.

После описания какого-то пустякового случая в игорном клубе, где снова появился молодой лорд Караденус как-его-там, уже фигурировавший в истории с борделем, рукопись внезапно оборвалась. Через всю страницу тянулась жирная чернильная черта, а за ней шло много пустых листов.

Лишь ближе к концу бросалась в глаза, как черное пятно на снегу, последняя запись, сделанная тем же, но куда менее твердым почерком. Строчки неровные, буквы крупные и торопливые.

Вот и все. Мой рассказ останется неоконченным, ибо такая концовка выше моих сил. Я надеялся, хотя не должен был надеяться, и поэтому все завершилось позором и полным мраком. Я изгнан, и путь назад для меня заказан.

Я думал, что смогу изложить это на бумаге, но нет – слишком все тяжело. Я потерял то, о чем другие люди не могли и мечтать, из-за собственной гордыни, из-за дерзостной отваги, которой даже боги должны осторегаться.

Это походило то ли на исповедь, то ли на сделанное второпях завещание.

Озадаченный и разочарованный Тео перелистал тетрадь назад, но так и не понял, почему Эйемон бросил свои записи. Надо бы вернуться к мести, где он начал просматривать текст кое-как, и перечитать все внимательно, но теперь, когда Тео знал, что конца у этой истории нет, это было уже не так интересно. Он пытался сосредоточиться на вымышленных именах и названиях, но четвертое пиво давало о себе знать, и глаза смыкались. Небо стало свинцово-синим, деревья превратились в тени.

«Надо бы все-таки встать и включить свет», – было его последней сознательной мыслью.

Видимо, он таки сделал это, прежде чем задремать: за окном было черным-черно, однако он различал кухонную стойку, кран и белую панель микроволновки – все это озарял желтый дрожащий свет. Можно подумать, что он напился всерьез, а не ограничился парой-другой пива.

«Надо будет сменить эту лампочку».

Свет, впрочем, шел не от лампочки, а с полки над раковиной и делался все ярче и ярче.

«Пожар?»

Даже эта мысль не смогла поднять его из кресла – Тео точно опутали невидимой, но весомой сетью. Пульсирующий огонек на нижней полке погас, но за секунду до того, как комната погрузилась во тьму, Тео увидел такое, что наконец встал. Нашаривая выключатель, он решил, что все еще досматривает сон и что четыре пива – это все-таки многовато.

«Не надо пить, когда у тебя депрессия, вот что».

Но свет зажегся, а маленькая женщина так и осталась сидеть на полке – полфута ростом и с крыльями.

– Ух ты, гниль луковая, – сказала она, обхватив себя руками, и спорхнула на стойку, трепеща прозрачными крыльшками. Босая, с голыми ручками и ножками, она была одета в красное платье, блестящее, как тельце бабочки. – Больно-то как, оказывается.

– О Господи, – простонал Тео. – Что еще мне покажут?

Крошечная женщина хмуро уставилась на него – ужасающее реальная, не блик какой-нибудь и не тень. Короткие морковного цвета волосы – красное платье с ними плохо сочетается, отметил Тео частью сознания, о которой до сих пор не подозревал – и широковатое в скулах лицико. Такие обычно конопаты, но если у нее и есть веснушки, то слишком мелкие, чтобы их

разглядеть. Вид хмурый, хотя радоваться ей тоже особенно не с чего – Тео самому не очень-то весело.

– Это ведь сон, да? – произнес он с надеждой.

Она потерла коленки и выпрямилась. Он никак не мог привыкнуть к ее росточку. Все равно что смотреть на хорошенькую девушку за квартал от себя, только эта от него в полутора ярдах, и видно ее во всех подробностях.

– Ну, если это сон, то я тоже сплю и в следующий раз собираюсь заказать сон получше. Может, перестанешь глаза-то таращить и предложишь мне наперсток чаю хотя бы? Я вся разбита с дороги.

– Вы... вы фея.

– Умница. А ты смертный, вот и разобрались, стало быть. Так вот, я устала, и настроение у меня поганее некуда – как насчет чайку-то?

«Если это сон, то к чему он? Фантазировать о женщинах – одно дело, но женщины полуфутового роста? Что это говорит нам о вашей самооценке, Вильмос?»

– Слушай, – сказала она, и он увидел, что эта крошка в самом деле измучена, воображаемая она или нет. – Я не гордая, сама бы могла приготовить, только у меня сил нет поворачивать ручки на этой твоей плите.

– Извините. – Он подошел, зажег конфорку, поставил на огонь чайник. Малютка упорно не исчезала и даже протянула ручонки к горелке, чтобы погреть их. – Так вы... в самом деле фея. Не плод моего воображения.

– В самом деле. Не плод.

– Но почему вы говорите... как ирландка?

Она закатила глаза и подула на заслонившую их прядку волос.

– Ох, и туп же ты! Это не мы говорим, как ирландцы, – это ирландцы говорят, как мы, более или менее. Дошло?

Ситуация понемногу переставала быть вопиюще нереальной, но оставалась столь же необъяснимой. Чайник закипел, и фея снова поднялась на полфута в воздух, уворачиваясь от струи пара. Тео, двигаясь как заведенный, достал из буфета два чайных пакетика и две чашки.

– Дерева зеленые, парниша, я столько не выпью. Налей мне немножко из своей.

– А, да. – Он убрал лишнюю чашку и бросил пакетик в другую. Наперстка у него не было, поэтому он достал с полки пробку от «Хайнекена». – Это подойдет?

Она подлетела к нему, трепеща крыльышками, как колибри, и понюхала пробку.

– Подойдет, только вымой ее. Я против пива ничего не имею, только не вместе с чаем, спасибо.

Тео сел со своей кружкой. Его наполняла гудящая тишина полного остолбенения. Фея, став на коленки, дула на свой чай.

– Я, похоже, не очень-то гостеприимный хозяин...

– Ничего, – сказала она между двумя глотками. – Ваши часто ведут себя таким образом, особенно в потемках.

– А вы, значит... Как вас зовут?

– А тебя?

– Вы не знаете?

– Конечно, знаю, обормотина. Назови сперва свое имя, тогда и я смогу называться.

– А-а. Тео Вильмос.

– Ну вот и славненько. А я Кочерыжка.

– Как-как?

– Не начинай.

– Но я просто...

– Не начинай, сказано, а то ведь я весь чай на тебя вылью.

Тео подобрался, но ему тут же стало смешно. И зря, наверное: вдруг эта крохотуля способна превратить его в жабу или в горошину под тюфяком? Или возьмет и заставит молоко скинуть.

Хотя молоко в холодильнике и так, видимо, давно скислло.

– Я не хотел вас обидеть, – сказал он. – Я просто... не знаю никого с таким именем.

Она посмотрела на него сурово, но затем сменила гнев на милость.

– Я не виновата. Просто я самая младшая.

– А это здесь при чем?

– Нас, Яблок, много. У меня двадцать семь братьев и сестер. Кожица, Мякоть, Черенок, Пирожок, Струдель, даже Сок у нас есть – словом, все хорошие имена уже разобрали, а тут я родилась. Мама с папой прозвали меня «Ошибочкой», но это они любят. Только вот имени мне не хватило.

– А-а. – Не слишком оригинально, но хоть какая-то реакция. – Но что привело вас сюда? Не то чтобы я был против, – спохватился он, – но у нас тут фею нечасто встретишь.

– Неудивительно, с такими-то ценами. – Она устало улыбнулась – впервые с момента своего появления. – Это шутка такая, старая. – Она смотрела на него пристально, склонив голову набок. – Ты правда не знаешь?

– Это как-то связано с книгой моего деда?

– Не слыхала. Тот, кто меня сюда наладил, особо не распространялся. Он, видно, не один заинтересован. Кое-кто, одним словом, положил на тебя глаз.

– Кое-кто? И кто же это?

– Почем я знаю! Мой старичок забеспокоился, вот и послал меня за тобой. Его и спрашивай.

– Старичок?

Она поставила свою импровизированную чашку и снова наклонила голову, как будто прислушиваясь к чему-то.

– Вы сказали «старичок». Какой старичок?

– Пижма. Он вроде как доктор, хотя и знатного рода.

– Но кто он? И где находится?

Кочерышка досадливо мотнула головой, и Тео вдруг сообразил, что привлекло ее внимание: скверный запах, словно от тухлятины.

– Господи, это еще откуда? Скунс, что ли?

– Это снаружи идет.

Тео смотрел на нее, не понимая, но его нервная система среагировала быстрее, и сердце забилось с утроенной скоростью.

– Снаружи? – Вонь стала такой сильной, что у него заслезились глаза.

Кочерышка взлетела и повисла в воздухе. Ее крылья жужжали, как пропеллер игрушечного самолетика. Тоненько прокричав что-то на незнакомом Тео языке, она повернулась к нему, явно испуганная, несмотря на старания сохранить на крошечном личике твердость и непроницаемость.

Мне понадобится немного времени, чтобы снова открыть проход. Кто же знал, что нам придется уходить так скоро?

Уходить? – Вопрос повис в воздухе вместе с Кочерышкой.

Что-то стукнуло в дверь хижины – раз, другой, третий. Тео до того обалдел, что потянулся к дверной ручке.

– О Дерева мои! – Фея пулей метнулась к нему, сжав кулаки. – Ты что, совсем тупой? Не открывай!

– Но там кто-то есть... – На дверь налегли так, что она затрещала, и вонь стала еще сильнее. Тео включил снаружи свет и приложил глаз к замочной скважине.

Ему полегчало, когда он разглядел зеленую камуфляжную форму. В дверь, по всей видимости, ломился человек. Тео видел спутанные курчавые волосы, темную лысину, блестящий лоб. Черный какой-то, бродяга...

– Все в порядке, – сказал Тео. – Это просто...

Неизвестный запрокинул голову. Сломанная челюсть болталась у него на груди. Слепые глаза выпирали из орбит, как вареные яйца. Тео отшатнулся от двери. Сердце колотилось где-то во рту, не давая дышать.

Кочерыжка подлетела, выглянула в скважину и опять взмыла вверх.

– Плохо, – пронзительно крикнула она. – Очень плохо!

– Ч-что п-плохо?

– Тебе не надо знать. Где эта проклятущая дверь?

Тео не понял, о чем речь. Дверь – вот она, и за ней таится нечто страшное. Но это скорее всего очередной кошмар, каким бы реальным он ни казался. Это единственное объяснение. Он застрял в страшном сне. Может быть, даже впал в кому и умирает, лежа на полу хижины, а мозг крутит ему ужастики, как проектор, работающий в пустом кинозале. Не может такое существовать в реальном мире.

Но если Кочерыжка была частью его сна, то признавать этого не желала. Она металась по комнате быстрой тенью, как муха в бутылке.

– Оно выберет самый легкий способ, чтобы войти. Если ему придется выламывать дверь, мы можем выиграть время. Есть тут другой вход или нет?

Опять она за свое. Тео опустился на корточки, сжимая руками готовую треснуть голову. Вонь душила, как будто тот уже ввалился в комнату.

– Ванная, – сказал он, тяжело поднимаясь. – О Господи... там, кажется, окно открыто. Только жалюзи.

Тео, дотащившись до ванной, распахнул дверь, и серно-аммиачная струя обожгла ему ноздри.

Тот, в камуфляжной форме, выламывал жалюзи – вернее, уже вламывался внутрь на гла-зах застывшего, оцепеневшего Тео. Его полусгнившая рука продавливала сквозь планки, как гамбургер сквозь решетку. Проникновению мешала кость. Разлохмаченные отростки пальцев протянулись чуть дальше, и жалюзи сорвалось с рамы.

Тео с воплем отступил обратно в комнату. Грузная фигура пролезла в высокое окошко, шмякнулась на пол и встала. Тео схватил гитару за гриф, стараясь устоять на ногах, а смердяющее существо вышло на свет.

Это был не просто гниющий труп – все обстояло намного хуже.

Вся фигура была слеплена из смердящих ошметков. Из рваных штанов и куртки торчали кости, клочья мяса и даже обрывки газет. Из раздутой левой ступни сочилась кровь, правую заменили две другие, намного меньше – на одной из них еще сохранилась женская туфелька. Рука, поврежденная борьбой с жалюзи, уже срасталась. Другая заканчивалась не кистью, а высохшим кошачьим трупом. Существо протянуло ее к Тео, и челюсти клацнули.

Тео заорал и что есть силы врезал по врагу «Гибсоном». Существо лишилось части носа и рта и пошатнулось, но не упало. В его дырявой глотке клокотал воздух. Оно пыталось закрыть челюсти, но ему это не удавалось из-за отсутствия нужных мускулов. Камуфляжная куртка лопнула, и Тео увидел на груди гноящееся отверстие, наспех залепленное мертвым человеческим лицом. Дурнота подступала к Тео, заливая глаза чернотой.

Тут в пространство между ним и чудовищем влетела маленькая фея. В комнате разгорался мерцающий свет. Тео различал даже лицо Кочерыжки, твердое, как броши-камея.

– Уходи! – крикнула она, налетая на мертвца, как рассерженный воробей. Тот попялся, шипя, и взмахнул рукой. Кошачьи челюсти лязгнули совсем близко от Кочерыжки. – Дверь открыта! Уходи!

Свет горел прямо перед кухонной раковиной – световой шов, напоминающий «молнию» в ткани реальности. Тео, тупо глядя на него, отшвырнул сломанную гитару.

– Скорее! – крикнула Кочерышка, но Тео еще медлил. Куда она ведет, эта дверь? Хуже скорее всего уже не будет, но все-таки...

Внезапно его осенило. Он схватил книгу Эйемона и крикнул фее:

– Пошли!

– Да шевелись ты, она вот-вот закроется! – прокричала Кочерышка, еле переводя дух. – Иди! Я его задержу! – Она описала круг над головой мертвеца, и Тео при свете таинственной двери разглядел у нее в руках оружие – свой собственный штопор. Она снова и снова вонзала его в полуразложившуюся образину. Мертвец отмахивался – им, вероятно, руководил укоренившийся рефлекс, поскольку спасать было особенно нечего, – но особой тревоги не проявлял.

Тео казалось, что его сердце сейчас вылетит прямо через макушку, как ракета «Полярис». Он ринулся к светящемуся шву и развел руками его края. Пальцы слегка пощекотало, но ожога он не ощутил. Напоследок он оглянулся. Мертвец, пытаясь схватить Кочерышку, промахнулся, но зацепил ее крыльышко. Она, кружась, отлетела прочь и повалилась на пол, оглушенная. Мертвец, торжествующе хлюпая, двинулся к ней. Тео бросился на колени, подхватил фею, на миг опередив кошачьи челюсти, и на четвереньках устремился к заветной двери.

Он преодолел ее без всякого изящества и провалился в ничто, в бесцветную пустоту, бушующую, как океанские волны, и сверкающую, как звезды.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

ПОСЛЕДНЯЯ ДВЕРЬ В СТРАНУ ЭЛЬФОВ

10 ВЛАДЕНИЯ ШПОРНИКА

Он не просто перемещался – он вытягивался, словно корни удерживали его в оставленной им реальности, а все остальное влеклось через несчетные мили шума и света. Он казался себе все более тонким и нематериальным, пока не начал ощущать себя как почти бесконечную, почти невидимую линию сознания, каждый пунктирный штришок которой соприкасался только с такими же штришками по обе стороны от него, и все они расходились все дальше и дальше. Он был как резинка в руках Бога, а Бог разводил свои могучие руки все шире... но наконец резинка щелкнула.

Когда он пришел в себя, половину его поля зрения заполняло то, что он сперва принял за смазанное абстрактное полотно, составленное из зеленых линий. Трава. Он лежал на боку в высокой траве, и что-то копошилось с ним рядом.

Глаза сфокусировались на Кочерыжке, стоящей на коленях в паре дюймов от его носа. Она перегнулась вперед, и ее вырвало. Это, однако, не вызвало у Тео такого же рефлекса, как могло бы случиться при виде другого человека. Он сел, и вот тогда рефлекс сработал.

Пока он отплевывался, Кочерыжка простонала:

– О-ой. Возвращаться еще хуже, чем перебираться на твою сторону.

– Рад это слышать. – Тео вытер рот рукой. Голова бренчала, как коло на тимпане, и он, не задумываясь, отдал бы душу за флакон с полосканием. – Не хотелось бы испытать такое еще раз. – Он огляделся по сторонам. – О Боже.

Не то чтобы пейзаж особенно поразил его: все здесь выглядело, в общем, как надо, на свой романтический, прерафаэлитский лад – густой лес, травянистые, полные тени лощины, косые полуденные лучи с пляшущими в них пылинками и мошками, пронзающие листву, как линии пломбировки. Тошнота проходила, но краски вокруг все еще казались слишком яркими, а грани слишком резкими. Глаза начинали слезиться, стоило задержать взгляд на чем-то дальше необходимого. Точно принял дозу психоцибина – от этого тоже предметы начинают светиться, как неоновые.

– Где это мы?

Кочерыжка сплюнула в последний раз, произведя чуть заметную искорку.

– Дома. То есть у меня дома. У вас это называется... не помню, как в книжках, а в Эльфландии если чего не знаешь, то и перевести нельзя. А, да, – просветлела вдруг она. – Эльфландия. Так и называется.

– Выходит, я был прав. Не я то есть, а дядя Эйемон. – Тео вытянул ноги, слушая почти подсознательно пение птиц. Головная боль и тошнота прошли почти окончательно, и он начал забывать, что только что пережил самые худшие и диковинные полчаса в своей жизни. – Тут красиво.

– Потому это место и сохранили. Не думай, что у нас везде так, парниша.

Он кивнул, хотя понятия не имел, о чем она говорит. Мыслительный процесс давался с большим трудом – здешний пейзаж слишком сильно действовал на его смертные чувства. Как странно все же...

– Что это за страшилище к нам заявилось? – В окружающем, особенно в густой тени за деревьями, вдруг забрезжила угроза. – Оно и сюда может прийти? Прямо сейчас?

– Прийти может. – Кочерыжка потянула носом. – Насчет сейчас не знаю, но сомневаюсь, что оно отыщет тебя так скоро. Стало быть, рассиживаться особо не стоит.

– Но что это было? – Тут до него дошло. – Отыщет меня?! То есть как – меня?

– Ты встань сначала, и будем трогаться. – Она порхнула вперед ярдов на двадцать, тут же вернулась и повисла перед ним с сумрачной полуулыбкой. – Ну, чего рот развязил – у тебя без этого ноги не идут, что ли?

Тео захлопнул рот и пошел за ней следом через психоделический лес.

– Я не заедаюсь, – сказала она, когда они вышли на открытую поляну, – просто сама ничего толком не знаю. Я ведь только посланница. Скажу тебе так: Пижма послал за тобой меня, а кто-то другой мог послать это кое-как слепленное чудо. Чтобы это сообразить, много ума не надо. Ты сказал, что таких, как я, в действительности никогда не видал. А таких, как оно?

– Боже правый, нет!

– Ну вот. Оно откуда-то из промежуточных мест. Раз я сумела тебя найти, то и оно сумело.

Тео потряс головой. Приключения ему уже надоели. Лечь бы и поспать, а не переставлять ноги одну за другой, следуя за вредной маленькой летуньей через то, что из чарующей страны постепенно преображалось в кошмар – словно тебя заставили выживать в диснеевском мультике. Весь этот яркий лес с пляшущими пылинками, сверкающими медью шмелями, змеящимися корнями, многочисленными мухоморами и чересчур зеленой травой выглядел, как галлюцинация, как затянувшийся сеанс ЛСД. У Тео от него голова болела.

– Но почему я-то? Я ведь никто! Самая заурядная личность!

– Кто бы спорил. Прибереги свои вопросы для старикиана – он тебе все растолкует лучше моего.

– Расскажи мне о нем. Ты говоришь, его зовут Пижма?

– Граф Пижма, да. Из клана Маргаритки, но не такой остолоп, как многие помещики. – Кочерыжка неодобрительно поджала губы. – Только я ничем ему не обязана и взялась за это дело потому лишь, что он мне заплатил. А что дело будто бы чрезвычайной важности, так это его забота.

– Чрезвычайной важности? – Тео снова замотал головой. – Это я-то?

– Для кого-то ты важен, это ясно, иначе кто бы стал посыпать тот мешок с костями высосать твои мозги через ноздри, правильно?

– Кстати, почему этот Пижма послал тебя? Почему сам не пришел?

– Наверное, он свой лимит уже использовал.

– Какой еще лимит?

Кочерыжка зависла в воздухе, приложив палец к губам. Тео сначала подумал, что она просто хочет прервать поток его вопросов, но потом понял, что она к чему-то прислушивается. Он весь покрылся мурашками, и сердце сделалось чересчур большим и активным для его грудной клетки.

– Это... оно? – прошептал он. Кочерыжка покачала головой, но видно было, что она обеспокоена. Тео замер, стараясь сам расслышать то, что улавливали ее чуткие ушки.

– За мной, – приказала она шепотом через некоторое время. – Быстро, но как можно тише. Не вози ножищами! – Она стрельнула на край поляны, и Тео полускоком

пустился за ней по усыпанной цветами траве. – Прячься. – Она показала на укрытый в кустах овражек. Он улегся на палой листве, которая отсвечивала серебром и золотом, а пахла, как дорогие саше из сухих цветов, осторожно приподнял голову и оглядел поляну. Никого. – Вот не думала, что мои чары так быстро кончатся, – пробормотала Кочерышка.

– Какие... – начал Тео, но она порхнула к нему и удивительно сильно пнула его в челюсть.

– Заткнись!!

Потянулись долгие секунды. Затем из леса сверкнул солнечный блик, дотянулся до середины поляны, замер и так внезапно обрел форму, что Тео чуть не ахнул.

Это был олень, огромный белый самец с рогами, как два выточенных из кости голых дерева. Его влажные темные глаза смотрели прямо на Тео и, казалось, видели его без труда, как ни сдерживал он дыхание и ни напрягал мускулы.

Какой красавец... Тео не мог думать ни о чем другом, пока олень стоял, горя фосфорическим светом на солнце. Потом олень сморгнул и перенесся в лес на той стороне поляны так скоро и плавно, что Тео не сразу это уловил.

Он шевельнул губами, пытаясь хоть как-то выразить восторг, вызванный этим мимолетным видением, но Кочерышка, жужжа крыльями, снова ткнула его ножкой – на сей раз не так свирепо.

– Ш-ш-ш, – прошептала она ему в самое ухо – ему показалось даже, что он чувствует ее дыхание. Вслед за этим она, к его удивлению, запела – пискляво, но мелодично. Слов он не разбирал, но повторяющийся мотив действовал на него так сильно, что он не сразу расслышал другой звук – постоянно нарастающий, но даже на пределе не превышающий громкостью стук дождя по твердой земле.

На поляну выехали всадники.

Тео снова оцепенел, но не просто от восхищения, как это произошло с ним при виде оленя. Их было десятка два, всадников и всадниц, в костюмах, собранных как будто из самых разных времен и мест, и старинных, и современных; самые цвета их одежды постоянно менялись, как перламутр или солнце на проточной воде. Лица, красивые и гордые, казались странно лишенными возраста – любому из охотников могло быть от двадцати до сорока человеческих лет. Тео было так же трудно смотреть на них, как на здешний пейзаж сразу после прибытия. Его сознание отчаянно шарило в поисках мерок, категорий, способов как-то очеловечить эти создания, но ничего не могло найти; наездники отказывались подчиняться его привычным суждениям столь же бесповоротно, как олень, обративший его в изваяние одной лишь своей быстролетной прелестью.

Даже кони у них были странными, хотя Тео не мог бы сказать, в чем эта странность заключается. Кони вроде бы как кони – четыре ноги, гривы, глаза и зубы. Но все это не делало их знакомыми Тео лошадьми, так же как тщательно завитые волосы, драгоценности и тихий разговор не делали людьми дивных всадников.

Охотники задержались на поляне всего на несколько мгновений, у того места, где остановился олень. При этом они смотрели на землю, словно читая там невидимые письмена. Один из них, высокий, с длинными золотыми волосами, в костюме довольно современного вида (если бы костюмы для верховой езды шились из блестящих чешуек), владелец ружья с серебристым дулом и белым прикладом, привстал на стременах и повернул коня в ту сторону, где скрылся олень. Он пришпорил скакуна, и остальные унеслись вслед за ним со скоростью щелкнувшего хлыста, но так тихо, что Тео сразу перестал слышать их, не успели они исчезнуть за деревьями.

– Лорд Шпорник, – по прошествии полминуты сказала Кочерышка. – Тот, одетый, как яшерица. Я его видела в зеркальнике. Надо сказать, в жизни он лучше, если кому нравится такой тип.

Тео не знал, что это за тип – впрочем, он сейчас и собственное имя затруднился бы вспомнить.

– Они... эльфы?

Кочерышка фыркнула и опустилась на землю в фуле от Тео.

– У нас тут все эльфы – кроме тебя, понятно. Эти – Цветочные, местная знать, скажем так. И очень много о себе понимают.

– Они... и правда прекрасны.

Кочерышка посмотрела на него с чем-то вроде обиды.

– Ну да, конечно... ты ведь раньше таких не видал. Шпорник, да еще так близко, – нахмурилась она. – Нам повезло, что нас не заметили. Ох, Дерева вековые! Ну кто тебе велелозвращаться за мной?

Тео в своем ошеломлении не сразу смекнул, о чём это она.

– Ты про хижину? Хочешь сказать, я должен был бросить тебя с этим мертвяком?

– Я бы себе сама дверь открыла. Ту я проделала для тебя, чтобы малость задержать нашего уродину. Но ты утащил меня с собой и запорол всю посадку, вот мы и выпали не в том месте, прямо посреди Дельфиниума. Дерьмо и трижды дерьмо. Даже от опушки этого леса нам до земель Маргаритки полдня тащиться, с твоей-то поворотливостью, а днем нам из леса выходить опасно.

– Опасно?

– Само собой – тут ведь земля Шпорника, тушица. Ему принадлежит почти все, что на ней, и многое над ней – птицы, скажем. Если мы выйдем на открытое место, он может про это узнать через час, а то и меньше.

– Знаешь что, хватит обзывать меня тушицей. Ты, конечно, спасла мне жизнь, но это не дает тебе права пинать меня в зад до ее конца.

– Он еще и огрызается.

– Слушай, пару часов назад я жил в своем мире, и самым волнующим, что я мог придумать, было смотаться на мотоцикле в какой-нибудь буррито¹⁴. И вот я оказываюсь в сказочном лесу, по которому меня ведет Девочка-с-пальчик, и характер у этой девочки паскудный, между нами говоря. Любой другой на моем месте был бы не лучше, так что засохни!

Он подождал немного, но Кочерышка вроде не собиралась его бросать и даже как будто не очень обиделась, поэтому он рискнул задать вопрос:

– Почему, собственно, этот парень не должен знать, что мы находимся на его земле? Что такого страшного, если он узнает?

– Потому что Шпорник из Сорняков, ясно? Будь он Вьюном или даже ни тем, ни другим, вроде Пижмы – другое дело, но все Сорняки, сдается мне, не прочь перерезать тебе глотку.

Тео совсем обалдел.

– Шпорник? Сорняки? А разве это не растения?

Кочерышка экспрессивным звуком выразила свое отчаяние.

– Ладно, ты и правда не виноват – откуда тебе знать. Ты шагай, а я тебе расскажу кое-что про наши дела. Смотри только! Ты, может, думаешь, что я тебя чересчур задергала – так оно, может, и есть, а может, это самое тебе и требуется, – так вот: если я велю тебе встать на месте и заткнуться, то встань и заткнись. Этот мир для тебя опасен, парниша, и не только потому, что ты можешь запнуться о корень и разбить себе нос. Усек?

Тео кивнул.

– Тогда пошли, – распорядилась она, взмыв в теплый воздух.

Трудно было бы так сразу разобраться в эльфланской истории, даже слушая лекцию в тихой аудитории или читая учебник. Воспринимать краткий курс от Кочерышки, ковыляя за ней по диковинному лесу, было все равно что изучать политэкономию со слов таксиста-эмигранта, который везет тебя по незнакомому городу. Стиль лектора тоже не способствовал пони-

¹⁴ Здесь: кабачок (исп.).

манию: как только перед Тео начинал брезжить свет, Кочерышка внезапно улетала вперед на разведку или, жужжа около его лица, делала замечания относительно его внимательности или скорости, с которой он шел.

В итоге ему удалось усвоить примерно вот что:

Эльфы бывают всех форм и размеров, но дворянство, или, так сказать, высший класс имеет приближенно человеческий облик, как те охотники, которых он видел недавно. Они, как и люди, занимающие сходное положение в обществе, владеют обычно и домами в Городе, и загородными поместьями. (Большой город у них, видимо, только один – не иначе та самая таинственная метрополия, которую описал Эйемон в своей книге.) Все знатные дома носят названия цветов, и вся власть в Эльфландии, похоже, принадлежит им.

– Энергостанции-то ихние, – так, весьма загадочно, объяснила это явление Кочерышка.

Цветочные кланы существовали в калейдоскопе сложных альянсов и конфликтов, но самым важным для понимания Тео была как будто борьба между Вьюнами и Сорняками, поскольку предметом их спора являлись смертные. Кочерышка не совсем твердо знала историю этого конфликта, но Вьюны, насколько ухватил Тео, были за существование с человеческим родом, а Сорняки – против.

– Как это – против? – спросил он.

– Ну, наверное, они хотят истребить ваших.

– Истребить? – Тео сделалось зябко. – Господи Иисусе. Сколько же смертных у вас здесь живет?

Кочерышка наморщила лоб и задумалась.

– Теперь, по-моему, нисколько – один ты.

Тео гулко сглотнул.

– Почему же для них так важно истребить смертных, раз их, то есть нас, здесь нет?

– Да потому что дело не только в здешних смертных, турица.

До Тео это дошло не сразу, но когда дошло, он остановился.

– Погоди-ка. Да притормози же! Ты хочешь сказать, что банда каких-то эльфов хочет перебить всех на свете людей? Настоящих людей из моего мира?

– Что значит «настоящих»? – рассердилась Кочерышка. – А я, по-твоему, не настоящая? Думаешь, если меня ранить, у меня кровь не пойдет? А если ты меня разозлишь, я не лягну тебя в задницу?

– Я не хотел тебя обидеть. Я просто пытаюсь найти в этом какой-то смысл. Как, собственно, они думают уничтожить смертных?

Она, еще не остыв, пожала плечами.

– Говорю тебе, это политика такая. Если хочешь знать больше, спроси своего Пижму. Я мелкая сошка, рабочий класс.

– Господи. – Тео снова зашагал. Волшебный лес нравился ему все меньше и меньше. – И много их, этих Сорняков?

– Не очень. Около четверти Цветочных, считая верхушку.

– Целая четверть? Господи Иисусе!

– Сделай милость, перестань это повторять. – Кочерышка прожужжала вокруг его головы три раза. – Мне-то ничего, но многие у нас этого не любят, не говоря уж о том, что такие слова тебя мигом выдадут. «Магомет» или «Будда» твердить тоже не стоит, если уж на то пошло.

– Выходит, если я буду помалкивать, другие эльфы не сообразят, что я не местный?

– Ты удивишься, сколько тут дураков, – ухмыльнулась она. – А насчет Сорняков ты запомни, что Вьюнов не меньше, а эти к вам нормально относятся. Весь вопрос в том, сколько промежуточных примет ту или эту сторону. Ты не волнуйся, парниша, у нас эта волынка уже долго тянеться. Постой-ка, – она зависла в воздухе, – я что-то слышу. И запах чувствую...

– Ты думаешь, что...

– Просто стой и ничего не делай, ладно?

– Но...

– Деревами клянусь, я скоро сама начну читать листовки Сорняков, пообщавшись с тобой, а у меня даже права голоса нет! Стой тут, молчи и жди меня. – Она облетела его и умчалась, мелькая красным платьем между деревьями.

Тео опустился на траву и закрыл глаза руками, чтобы дать им отдохнуть. Все это не укладывалось у него в голове. Всего несколько часов назад он жил нормальной жизнью в нормальной хижине в нормальных горах Северной Калифорнии. Не то чтобы роскошно, скорее ниже среднего уровня, зато без слепленных из трупов чудовищ и маленьких стервочек-фей.

Как только дядя Эйемон умудрялся иметь с ними дело и не спятить при этом? Хотя он, по правде сказать, сам на это напрашивался. Всю жизнь об этом мечтал.

Вспомнив об Эйемоне, Тео достал тетрадку из кармана кожаной куртки, обвязанной рукавами вокруг пояса. Тетрадь на ходу так долго била ему по ногам, что он уже собрался ее выкинуть – ходок из него неважный, он первый готов это признать, – но только она теперь и связывала его с прежним, знакомым миром.

Впрочем, он прочел ее почти до конца. Ему вспомнилось кое-что о цветочных фамилиях, но про Вьюнов и Сорняков он почему-то ничего не запомнил.

Дожидаясь Кочерыжку, он заново перелистал страницы. Может, он пропустил что-то, способное спасти его от злого волка или других чудищ? Очень трудно поверить, что он действительно здесь, и все описанное Эйемоном – правда.

Прилетела Кочерыжка и сказала:

– Дело плохо. Мы подошли вплотную к одной из ферм Шпорника. Можно обойти, но на это уйдет несколько дней.

– Дней?

– Ну да, чтобы к Пижме попасть. Шпорника поблизости точно нет, раз он гоняется за своим дурацким оленем, но если кто из его арендаторов тебя засечет, его милость мигом окажется тут.

– Так что же нам делать? – пожал плечами Тео. – Ты хоть летать умеешь, а я?

Она посмотрела на него так, словно собиралась отпустить очередную грубость, но вдруг просветлела.

– Надо тебя замаскировать, парниша. Таким манером мы спасем твою смертную шкуру.

Он шевельнул рукой, и с кожаного рукава посыпались прутья.

– Кого я, собственно, изображаю? Огородное пугало?

– Перестань трясти ветки – они должны оставаться на месте, и листья в волосах тоже. Ты не пугало, а лесной дух, леший. Великоват немного, но если коленки согнут...

– Я еще и идти должен во всей этой амуниции? Да меня тепловой удар хватит.

– Если попадешься Шпорнику, хуже будет. Тебя посадят в железную формочку и испекут, как картошку. Стой и не дрыгайся – я тебе еще и лицо грязью намажу.

– М-м-м! Фто ты делаеф?

– Надо, чтобы ты был похож на лесного жителя, который и на свет-то почти не выходит. – Кочерыжка отлетела примерно на фут, оценивая свою работу. – Еще немного листьев добавить, и сойдет. Подними воротник и давай за мной. Да не так, медленно. Как будто у тебя ноги не разгибаются.

– Всего не упомнишь.

– Я пытаюсь спасти твою жизнь, парниша, а содействия от тебя не вижу. Взять бы одну из этих палок да воткнуть тебе куда следует – тогда ты мигом сбawiшь ход.

– Знаешь что? В пересчете на дюймы ты самая неприятная личность, с которой мне приходилось иметь дело.

Тео поплелся за своей провожатой через редеющий лес. Подсыхающая грязь на лице досаждала ему, но не настолько сильно, как ветки и сухие листья, напиханные в куртку и штаны. Он старался ковылять потише, размахивая руками, как учила его Кочерышка – вылитый шимпанзе со сломанной шеей, – но изображать правдиво то, чего никогда не видел, было трудновато.

– А их много тут, этих леших? – За деревьями замаячила ровная, золотисто-зеленая местность. – Тех, кого я сейчас представляю?

– Думаю, ни одного. Притом леший выходит из лесу от силы раз в году.

– Что? – Тео остановился, раздраженно скребя ногтями щеку. – Как же ты тогда намерена одурачить кого-то?

Кочерышка ткнулась чуть ли не в самое его ухо, и он поморщился от перепада давления.

– Я не говорила, что у нас наверняка это получится. Мы можем только надеяться. Во-первых, в здешних местах только один леший, слишком большой и глупый, чтобы ты мог его сыграть, а во-вторых, сегодня единственный день в году, когда лесные жители вылезают на солнышко, ухают, свистят и вообще всячески дурака валяют. Не спрашивай меня почему – я с ними по вечерам не выпиваю. Но когда на них накатывает весенняя лихорадка, близко никто старается не подходить, так что и тебя скорее всего оставят в покое. А если кто и сунется от нечего делать, то мой тебе совет: вопи и ухай что есть мочи, да пострашнее. Понял? Все лучше, чем если тебя примутся жарить.

Получив надлежащий втык, Тео заковылял дальше.

Великий древесный океан, который они переплывали, свелся к отдельным, раскиданным по склону рощицам. Перебираясь от одной к другой, Тео спускался на пугающе широкую равнину. По обеим ее сторонам тянулись зеленые холмы, роскошные, как на картине Максфилда Пэрриша, но до них было далеко, не меньше нескольких часов ходу. У подножия их холма начинались возделанные земли. Почву, темную, как молотый кофе, заслоняло волнующееся море похожих на папоротники посадок. Между стеблями, то нагибаясь, то выпрямляясь, двигались чьи-то фигуры.

– Это что же такое?

– Пшеница. Присядь, больно уж у тебя вид человеческий.

Тео послушался. Спину невыносимо ломило.

– А похоже на золото. Целое поле золота!

– Уж не думаешь ли ты, что эльфы пекут хлеб из того же, что и вы? Знай топай.

Кочерышка отклонилась далеко в сторону, чтобы двигаться по краю поля, и села Тео на плечо.

– Если меня увидят, то могут удивиться, что делает летуница в компании лешего. – Примостившись среди веточек и листьев, она продолжала давать инструкции: – Корень и сук, давай бормочи что-нибудь! И руками побольше размахивай!

Тео не желал закончить свои дни в железной формочке, как, впрочем, и в каком-либо другом из местных приспособлений, поэтому старательно проделывал требуемые звуки и тело-движения. Крестьяне поглядывали на него поверх посадок, но, к его облегчению, близко подходить не стремились.

Он брел, с благодарностью отмечая, что солнце понемногу склоняется к горизонту. Он никогда не думал, что в стране эльфов можно получить солнечные ожоги. Ветки и листья обеспечивали некоторую защиту, но шея от них зверски чесалась, а кожаная куртка превратилась в настоящее орудие пытки. Немного облегчал его муки густой, пьянящий аромат здешней пшеницы, напоминающий запах свежесваренного пива – эльфийское зерно, видимо, содержало в себе алкоголь и без ферментации.

Между двумя рядами стеблей из золотой пшеничной стены высунулись сразу три головы. Тео в растерянности остановился. Кочерышка, несмотря на малый рост, выглядела вполне по-

человечески, и эльфы-охотники на расстоянии тоже могли сойти за людей. Эти трое отличались от людей здорово. Глаза огромные, лица сморщенны, как у тысячелетней мумии, вместо носов две круглые дырки.

Кочерышка, кольнув его в мочку чем-то острым, прошипела:

– Шуми, обормотина!

Тео замахал руками и замычал. Крестьяне смотрели на него без всякого выражения. Он вломился в пшеницу по направлению к ним, и головы исчезли.

– Это кто? – спросил он, слыша, как они удаляются.

– Добби. Умом они не блещут и больше сюда не вернутся.

– Ну и уроды, – передернулся он.

– Не хотела бы я быть на твоем месте, – хихикнула Кочерышка, – когда ты встретишься с килмаули или, скажем, с фаханом. А то и с самой старухой Пег Паулер!

– Не хочу я с ними встречаться, – сказал Тео устало. – Домой хочу.

– Ну-ну, – насупилась она.

* * *

Они еще долго шли через пшеничные поля лорда Шпорника. Там работали ходкины, хогбуны и прочие эльфы, которые, по словам Кочерышки, занимались в основном сельскохозяйственным трудом, но все они держались на безопасном расстоянии от Тео-Лешего. Солнце сидело уже на верхушках западных холмов. Оглянувшись, Тео увидел, что лес тянется назад до самых гор, чьи вершины виднелись на юге, как рваные облака.

– Какой он огромный, этот лес!

– Серебряный-то? Один из самых больших. Только Арден и Старый Броселианд больше его – меня так учили.

– И он весь принадлежит этому Шпорнику?

– Ну нет, не такая уж Шпорник важная персона. Дельфиниум, которым владеет его семья, только краешек леса – там нас и угораздило приземлиться. Серебряный в основном принадлежит Шести Семьям, как, в общем, и все у нас. – Сказав это, Кочерышка вдруг шмыгнула прочь и скрылась из глаз. Тео, видя, что конец поля близок, потащился дальше.

– Нам везет, – сказала Кочерышка, вернувшись через минуту. – Граница совсем близко, на том берегу реки. Пара прыжков, и готово. Там тоже лес растет, и можно не бояться, что нас увидят.

– Значит, я смогу вытряхнуть из волос эти чертовы листья? А с чем граница-то?

– С Солнечной Коммуной – это земли Маргариток, где Пижма живет. А насчет листьев – погоди, пока через реку не переправимся.

– Коммуна?

– Маргаритки любят старые имена. Может, мы это потом обсудим, а?

Тео дотащился до конца поля, как обессиленный марафонец до финиша, и обнаружил, что свои «пару прыжков» Кочерышка вычисляла в масштабе кенгуру-мутанта. Река, широкая, темная и быстрая, сверкала и пенилась, но протекала отнюдь не так уж близко. Тео со стоном упал на траву.

– Мне до нее не дойти. – Пот, грязь и колючие листья смешались на затылке в сплошную массу. – Я умираю от жажды.

– Река, Тео, – почти без злости напомнила Кочерышка.

Уже поднявшись и хромая под гору, он сообразил, что она впервые назвала его по имени.

До реки оставалось около сотни ярдов – он уже чувствовал брызги на губах и дышал озоном, – когда Кочерышка, подлетев к его уху, сообщила нечто крайне нежелательное.

– Ох, гной-перегной, и влипли же мы.

– Что такое?

– Не оборачивайся! Всадники на той стороне поля. Пограничная стража Шпорника скопее всего. Похоже, они с кем-то там разговаривают.

– Не иначе как с добби. Мне эти безносые сразу не понравились.

– Давай скорее. Они еще далеко, и вроде бы... Ух.

– Что еще за «ух»?

– Они едут через поле. Не оборачивайся! И быстрей волоки свою задницу к реке, хорошо?

Тео, не тратя больше времени на разговоры, перешел на неровный бег. Лешим он больше не прикидывался – попробуй бормотать и размахивать руками, когда бежишь, – но чувствовал, что костюм и крайняя усталость делают его не совсем похожим на человека. Ветки проваливались ему за шиворот, норовя осуществить угрозу Кочерышки и воткнуться куда не следует.

Солнце опустилось за низкие западные холмы. Это, суля желанную прохладу, вызывало также мысли о том, каково будет уходить от погони по незнакомой местности в потемках. Тео домчался до реки и стал, глядя на быстрое течение. В пене ему мерещилось что-то вроде лиц и пальцев.

– Я не очень-то... хорошо плаваю, – выдохнул он.

– Тебе русалки ничего не должны? – Кочерышка, по всей видимости, не шутила.

– Какие еще русалки?

– Прыгай-ка лучше в воду и надейся, что доплынешь. Пока я буду тебе объяснять, наши верховые как раз сюда доскачут.

Тео оглянулся. С полдюжины высоких фигур ехали по полю, топча пшеницу – не вскачь, но и не шагом.

– О черт, – сказал он и сиганул в реку.

Она была невероятно мокрая, как будто обыкновенную воду подвергли какой-то молекулярной обработке. Тео прямо-таки чувствовал, как она вторгается в его поры. Он всплыл, молотя руками и отплевываясь. Холод током пробежал по хребту и сжал тисками череп. Тео зарывался в воду немеющими, неуклюжими руками и даже немного продвигался вперед, но течение зажало его ледяным кулаком и стало вертеть, как игрушечного, – он уже не понимал, где верх, а где низ. Он хотел позвать Кочерышку, но холод одолевал, а солнце и небо виделись как будто с другого конца телескопа – яркая монетка, крутящаяся над ним, уменьшалась, по правде сказать, очень быстро.

Он тонул, и остатки воздуха жгли ему легкие.

Когда чернота начала уже гасить мысли, ему почудились бледные фигуры, плывущие к нему через мутную воду. Нефритово-зеленые лица окружили его, неподвижные и бездушные, как маски. Глаза на них казались бездонными дырами, заброшенными колодцами, но ему было уже все равно, потому что он тонул, тонул, тонул...

11

ПРОИСШЕСТВИЕ В «ПАРНИКЕ»

Мэри Ландыш, русалка по рождению, переносила влажность лучше, чем сухопутные эльфы, но этот душный вечер нагнал депрессию даже на нее, а посетители «Парника», как она чувствовала, были и вовсе не в настроении. Многолетний опыт хозяйки таверны подсказывал ей, что в такую ночь только и жди неприятностей. Она уже жалела, что не нашла замены полутроллю Коротышке, бармену и негласному вышибале, который сегодня сказался больным.

Клиентура была самая обычная: несколько выпивох из тех, которые всегда заходят в кабак по дороге домой (но домой так и не приходят); несколько служащих из района Сумерек, которые действительно отправятся домой, пропустив пару стаканчиков (автобус, идущий на Восточный Берег, останавливается как раз напротив); за одним из столиков компания молодых Цветков, для которых это лишь первый этап долгого ночных загула. Эти сильно шумели, но они провели в заведении уже час и ничего серьезного пока не натворили. Одним словом, вечер как вечер, но Мэри все равно было не по себе.

Поэтому, оставив ненадолго за стойкой старого Можжевельника, она, кроме сдачи с полученного золотого унага, достала из сейфа также и некий сверток. Удовствовавшись, что в камере «кукушки» имеется железное, в бронзовой оболочке яичко и что предохранитель не снят, она снова завернула пистолет и сунула его в карман своего просторного платья. Мэри вручила клиенту сдачу, отправила старого зелено-шкура обратно на кухню и положила оружие на полку под кассой – поглубже, чтобы Можжевельник или кто другой случайно на него не наткнулся. Не успела она это сделать, входная дверь хлопнула так, что Мэри подскочила, затрепыхав крыльышками.

Но время оправдаться дурному предчувствию, видимо, еще не пришло. Маленькая бурая фигурка, освещенная сзади только что зажженными фонарями, внимания посетителей надолго не задержала. Это был всего лишь гоблин, не очень-то здоровый и довольно несчастный на вид. Мэри вышла из-за стойки, собираясь наладить его отсюда, чтобы не докучал никому, но он уже шагал к ней сам, по-журавлиному переставляя тощие ноги.

– Дерева трясучие, это еще откуда взялось? – засмеялся кто-то из Цветков. Чиновники тоже посмеивались, но остальные пришельца полностью игнорировали – что, надо полагать, было для него делом привычным.

– Не вы ли будете хозяйка... этого питейного заведения? – Голос, жалобный, как у всех гоблинов, звучал, однако, с некоторым достоинством. Может быть, гоблин был под хмельком – это племя славилось своей любовью к крепким напиткам. Мэри нечасто приходилось обслуживать гоблинов, и на ее памяти никто из них не пил ничего крепче пива, но дыма без огня не бывает. Может, они ходят в свои таверны, где и напиваются.

– Да, хозяйка здесь я.

– Значит, я удачно попал, хм-м. – Гоблин дернул своим длинным носом и доверительно наклонился к Мэри, будто желая поделиться каким-то секретом. – Я в данный момент на мели, прекрасная госпожа. Ни гроша в кармане.

Мэри подавила улыбку. Слишком душно для того, чтобы принимать ухаживания такого рода.

– Если надеешься на даровую выпивку, поищи другое место.

– Нет-нет! Вы ошибаетесь. Я ничего не прошу даром, особенно выпивку. – Он потер нос, свернув его набок. Он был моложе, чем сначала подумала Мэри, даже не в средних годах, и очень опрятен для гоблина, но неизбежный мускусный запашок от него все-таки шел. – Я хотел только спросить, не могу ли я что-нибудь для вас сделать, чтобы заработать немногого еды? Денег, как я уже сказал, у меня сейчас нет.

Мэри с прищуром оглядела его лохмотья и босые ноги. Первое ее побуждение – отослать его прочь – оставалось в силе. Этому способствовали гоблинский запах и неотвязное чувство, подсказывающее, что в такой вечер ничего вне привычного распорядка предпринимать не надо. С другой стороны, бедняга очень вежлив для гоблина (да и для кого бы то ни было). Видно, что дела у него в самом деле хуже некуда.

Что стало бы с ней самой, если бы ее дорогой Симеллус не принял ее к себе в ту далекую ночь? Что бы она теперь делала? Обирала пьяных на берегу? Хорошо еще, если так.

Она определенно в долгу – если не перед этим жалким созданьем, то перед памятью Симеллуса нюх-Мальвы, который приютил ее, беглянку, а со временем сделал хозяйкой и женой во всем, кроме имени.

– Хорошо, – сказала она. – Можешь поднести тут. Потом уберешь со столов, помоешь посуду и через час заработаешь себе ужин.

– Вы очень любезны, госпожа. – Он поклонился, хрустнув коленками. – Да будет благословен ваш кров и очаг.

– Спасибо. – На этот раз Мэри все-таки улыбнулась. – Как тебя звать?

– Мое имя... – Он призадумался, словно его попросили раскрыть тайну Вековых Дерев. – Наше клановое имя – Пуговица, на улицах этого блестящего города меня именуют Чумазым, а как я сам себя называю, большой секрет. – Он печально взглянул на Мэри своими яркими желтыми глазами. – Я умалчиваю об этом для вашего же блага, поверьте.

Для гоблинских загадок было чересчур жарко, и Мэри молча показала ему, где стоит метла.

Гоблин оказался очень неплохим работником. Молодые Цветки, сидящие у бильярдного стола, начинали на него поглядывать – заводилой у них, похоже, был юноша в черных с золотом цветах Дурманов, который уже довел одну из подавальщиц до слез, – но гоблин шуршал своей метлой как ни в чем не бывало. Чуть позже в таверну зашли знатные господа постарше, двое мужчин и дама, уже немного навеселе. Цветочная молодежь притихла после их появления, и Мэри вздохнула свободнее.

Пуговица закончил подметать, и она удержала его за тощий мохнатый локоть.

– Ты молодец. Может, сядешь и поешь прямо сейчас? Можжевельник подготовил вкусную крольчатину – я тебе рекомендую взять ее, а не крабов. В придачу я налью тебе эля.

Желтые глаза сверкнули, длинный нос дрогнул – теперь улыбку, похоже, сдерживал Пуговица.

– Благодарю, прекрасная госпожа. Если вас не затруднит положить еду в кулечек, я возьму ее с собой, когда закончу работу. Что до эля, то вынужден с благодарностью отказаться, ибо я не пью. Впрочем... мой друг, возможно, и не откажется. Нельзя ли и эль упаковать в кулечек?

– Вряд ли, но я придумаю что-нибудь. Ты все-таки сядь и поужинай, а с собой возьмешь, что останется.

Гоблин осторожно высвободил руку. Будучи значительно меньше Мэри, он удивил ее своей недюжинной, пружинистой силой.

– Нет, благодарствую. Никогда не ем на публике, такая уж у меня странность. – Он почтил Мэри забавным полупоклоном. – Я уберу посуду, с вашего позволения.

Мэри, пожав плечами, отпустила его. Через кухонное окошко она велела Можжевельнику положить жаркое в не пропускающий влагу пакет и дала ему бутылку «Орхидейного светлого», тоже на вынос. Вытирая стойку, она то и дело качала головой. До сих пор ей еще не доводилось беседовать с гоблинами по-настоящему. Интересно, они все такие чудаки?

Можжевельник с поникшими от жары крыльями принес упакованный ужин, но уходить не спешил. «Чего ему тут надо?» – с некоторым раздражением подумала Мэри, начищая краны.

Может, ему не нравится, что гоблинам раздают пиво? Но это не объясняло внезапную тишину в зале. У Мэри душа ушла в пятки от этой тишины.

– Как бы чего не вышло, Мэри, – тихо промолвил Можжевельник.

У стола молодых лордов шла какая-то возня. Пуговица пытался удержать уставленный стаканами поднос, отприск Дурманов загораживал ему дорогу вытянутой ногой, прочая молодежь хихикала, предвкушая потеху.

– Посуда – собственность заведения, – нервно, но с достоинством говорил Пуговица. – Нехорошо будет, если я ее уроню.

– Для кого нехорошо – для тебя или для меня? – веселился юнец. Теперь Мэри ясно видела, что он из Дурманов – эти белые брови ни с чем не спутаешь. – Поставь их, если это так уж тебя волнует, – добавил он, бросив взгляд на хозяйку. – Я просто хочу, чтобы ты ответил на мой вопрос.

– Хорошо, отвечаю, – сказал Пуговица, не глядя ему в глаза. – Я действительно гоблин.

– Это мы знаем! – заявил Дурман.

– Нюхом чуем! – заржал кто-то из его приятелей.

– Настоящий ли ты гоблин, вот что мы желаем знать.

Пуговица снова попытался уйти, но Дурман ухватил его за руку своими длинными пальцами.

– Извините, я не понимаю...

– Довольно. – Мэри вышла из-за стойки. – Отпустите его.

Юноша лениво вскинул глаза, и Мэри вздрогнула, увидев, что они у него разные – один черный, другой зеленый. Он не просто родня Дурманам, это сам Ориан, сын и наследник одного из самых влиятельных лиц в Городе. Довольный тем, что все и каждый знают его в лицо, он усмехнулся.

– Я ничего плохого не делаю, уважаемая. – Уважения в его тоне не чувствовалось. – Вы ведь не собираетесь звать констеблей из-за обыкновенного разговора?

Больше всего на свете Мэри ненавидела хулиганов. Она достаточно их навидалась за свое детство в прибрежных трущобах Восточного Берега, но те брали одной только грубой силой. Эти тоныше и куда хуже – весь Город и так у них в руках, а им все мало, дай только покуражиться над слабым.

– Возвращайтесь к себе за стойку, – посоветовал Ориан. – Крошка гоблин расскажет нам сказку, только и всего. Ничего с ним из-за этого не случится. Настоящие гоблины всегда рассказывают сказки, ведь правда? – Он компанейски стиснул руку Пуговицы.

Гоблин перевел желтые глаза на Мэри. В них читалось чувство глубже его слов и куда сложнее, чем обыкновенный страх.

– Не волнуйтесь за меня, госпожа.

Мэри в нерешительности застыла на месте. Выгнать всю эту компанию было бы лучше всего, но без Коротышки с этим никто не справится. Допустим, у нее даже получится, а дальше что? Этот сопляк запросто отберет у нее лицензию, если захочет. Тогда ее мысли о том, что бы она делала без «Парника», перестанут быть праздными.

Она ненавидела себя за трусость, но у нее хотя бы хватало смелости признаться себе, что она боится.

– Отпустите его руку, – сказала она наконец. – Если он сам ничего не имеет против разговора с вами, то пусть говорит. – Она дождалась, чтобы юноша разжал пальцы, и удалилась за стойку с видом политика, разрешившего трудную ситуацию. Заняв место за кассой, она подумала, не достать ли пистолет, но это только ухудшило бы положение – ведь не собирались же она всерьез застрелить Ориана или кого-то из его друзей. Это стоило бы ей не только лицензии, но и самого дорогого в жизни – свободы. По меньшей мере. Однако она держалась поближе к

своему тайнику, уверенная теперь, что интуиция не обманула ее. Если бы этим душным вечером подул ветер, он принес бы беду.

Многие посетители, решив, что недоразумение улажено, вернулись к своим разговорам, но напряжение не проходило. Двое Цветков встали и принялись катать шары на бильярде за спиной у гоблина – вроде бы просто так, но на деле препрятывая жертве своего вожака путь к отступлению.

– Итак, ты хочешь рассказать нам сказку, да? – сказал Ориан. – Настоящую гоблинскую историю? Правдивую? – Его шатнуло вперед; Мэри впервые заметила, как сильно он пьян, и ее обдало ужасом. Не надо ей было уходить. Она поисками взглядела Можжевельника, чтобы послать его за констеблями, но он куда-то исчез.

– Расскажи мне про отцов, – требовал Ориан.

– Зачем вам нужна гоблинская сказка, молодой господин? – Пуговица боялся меньше, чем ожидала Мэри – или просто хорошо скрывал свой страх. – Всем известно, какие истории рассказывают гоблины – они не для таких, как ваша милость. Все они о чем-нибудь да умалчивают.

– Хватит вздор молоть. Расскажи мне правдивую историю. Про отцов, которые зажились на свете.

Тенистые Дерева, подумала Мэри. Он то ли пьян до безумия, то ли в самом деле рехнулся. Просит, чтобы гоблин предсказал ему судьбу – ему или его отцу, что еще хуже. Народная мудрость, бездоказательная, но всеми признанная, утверждает, что гоблины способны порой предсказывать будущее. Но правда это или нет, совать нос в будущее члена Высокого Совета никому не дозволено, а Дурман старший в Совете, один из первых.

Некоторые из спутников молодого Дурмана тоже занервничали, но Ориана это, судя по всему, мало трогало. Сколько же он выпил? Возможно, перед этим он еще духовой травы накурился или нанюхался порошку.

– Говори, гоблин. Плевать я хотел на твои умолчания. Рассказывай.

– Будь по-вашему, – склонил голову Пуговица. Он набрал воздуха, не спеша начинать.

Все, кто сидел поблизости, перестали притворяться, будто не слушают.

– Давным-давно, – начал гоблин, – когда все еще было на месте, жил-был один глубокий старец. Был он ск�пец и не любил никого и ничего, кроме золота. В молодости он ненадолго взял себе супругу, и от этого брака родился ребенок, мальчик. Мать ребенка, расставшись с мужем, умерла в нищете, ибо тот никакой помощи ей не оказывал. С годами ему становилось все труднее обрабатывать свою землю и вести дом, но деньги он тратить не хотел и потому решил вернуть себе сына. Им руководила не любовь, а желание получить слугу, которому не надо платить. Многие в деревне видели это и говорили потихоньку, что чем скорее стариk отправится на удобрение Деревам, тем лучше будет для всех, кто с ним связан.

Ориану сказка, как видно, пришла по душе: он широко улыбался, откинувшись на спинку стула. За столом он остался один – все его друзья отошли к бильярду и тихо, встревоженно переговаривались между собой.

– Это точно, лучше, – прокомментировал он с ухмылкой.

– У сына к тому времени рос уже свой сын. Они вместе переехали к старику, и сын перепоручал мальчику самую тяжелую работу, так что тот не знал отдыха от восхода до заката.

Однажды внук нашел около дома нору, в которой жил гоблин. Еще не ожесточившись сердцем, как его отец и дед, мальчик делился с гоблином своей скучной пищей, оставляя у его норы корочку хлеба или коренья. Однажды и гоблин оставил ему кое-что взамен – игрушку, золотую птичку.

Мальчик показал птичку отцу и деду, и тех обуяла жадность. Дед заявил, что птичка должна принадлежать ему, поскольку гоблин живет на его земле. Отец оспаривал это, поскольку гоблина, в его понимании, перехитрил его сын, обменяв хлебные корки на золото.

Они спорили, спорили, и наконец сын в приступе ярости убил собственного престарелого отца. Мальчику он сказал, что дед уехал и поэтому они должны трудиться еще больше, а после отослал его спать.

Сам же отец, решив выманить у гоблина побольше золота, прокрался при лунном свете к норе с мешком льняного семени, рассыпал семена вокруг, протянул дорожку к дому, а остаток высыпал на пол. Он знал, что гоблину, согласно Закону Вещей, придется пересчитать эти семена – а поскольку это станет возможно, лишь когда солнце встанет, тот волей-неволей войдет в дом и должен будет выполнить все требования хозяина.

Отец спрятался и вот увидел, как гоблин прошел мимо, уткнувшись носом в землю и считая семена. Отец дождался рассвета, вернулся к дому и вошел.

Сын его и гоблин, сидя вместе на коврике у очага, пили мягкий чай.

После этого мальчик продал дом, накупил на вырученные деньги товаров, сделался богатым купцом, и обе золотые птички остались у него.

На этом Пуговица оборвал свою напевную речь и моргнул пару раз, словно пробуждаясь от сна.

– Тут и сказка конец.

За другими столиками начали перешептываться, послышался женский смех. Мэри встрепенулась – она тоже, несмотря на свое нервное состояние, успела погрузиться в какой-то странный полусон.

– Что за чушь? – Ориан вылез из-за стола и навис над гоблином. – Что это за история? В ней же никакого смысла нет!

Гоблин неожиданно расплылся в широкой острозубой усмешке.

– По мне, так очень даже есть, молодой господин.

– Почему они сидели и пили чай? И почему гоблин должен был пересчитать семена?

– Ночью мальчик встал, увидел рассыпанные на полу семена, испугался, что отец поругает его за беспорядок, и подмел их.

Молодой Дурман насупился, сделавшись гораздо менее красивым и взрослым.

– А с чего мальчик продал дом? Куда девался его отец, и откуда взялась вторая птичка? – Он сгреб гоблина за плечо, и тот, качнувшись, ответил:

– Таковы все гоблинские сказки. Разве вы не догадываетесь сами, что случилось с отцом мальчика, который хотел одурачить гоблина и потерпел неудачу? Не догадываетесь, откуда взялась вторая птичка?

Женщина засмеялась снова, и к ней присоединились другие, в том числе и Цветы средних лет. Ориан, бросив на них гневный взгляд, тряхнул гоблином.

– Думаешь, что выставил меня дураком?

Пуговица промолчал, но Мэри чувствовала, как потрескивает заряженный насилием воздух. Она достала «кукушку», развернула ее, сунула в карман и крикнула Ориану:

– Довольно!

– Ага! – торжествующе вскричал лорд. Друзья подались к нему – возможно, чтобы остановить, – и в этот самый момент под ноги гоблину скатился какой-то довольно тяжелый предмет. Ориан подобрал его и зажал в кулаке, который сразу загорелся дымным желто-зеленым светом. – Это что у тебя, а?

– Ничего. – Гоблин тщетно пытался разжать пальцы юноши, чтобы вернуть пропажу. – Всего лишь болотный огонек, чтобы освещать дорогу домой.

– Оставьте его, – сказала Мэри, но так тихо, что сама себя не слышала.

– Да ну? По-моему, это очень напоминает оружие. – Дурман повернулся к своим друзьям и другим посетителям. – Что скажете? Разве указ Совета не запрещает гоблинам и прочим лишенным гражданских прав носить оружие? Сходи-ка за констеблями, – велел он одному из своих спутников, удерживая вырывающегося Пуговицу на вытянутой руке. – Думаю, они

этим заинтересуются... – Внезапно он вскрикнул и затряс рукой, пытаясь освободиться от того самого пленника, которого так крепко держал. – Проклятый живогрыз! Он кусается! Убью! – В другой его руке сверкнул тонкий, но длинный кинжал.

Мэри выхватила пистолет, намереваясь только попугать буяна, в крайнем случае пальнуть в потолок, но тут в таверну ввалился необычайно длинный и тощий оборванец с глазами и ртом, широко раскрытыми от ужаса или боли. Мэри в растерянности опустила оружие. Оборванец, шатаясь и постанывая, брел прямо к Ориану и гоблину. Руками он сжимал виски, как будто кто-то наслал на него жестокую головную боль. Лорд отпустил гоблина, оглядывая присельца. Усмешка на его лице говорила о том, что этого нового противника он всерьез не принимает.

– Никак гоблинский заступник? – осведомился он, подняв повыше свой нож.

– Стой! – крикнул неизвестный. – Оставь его! Уйдите из моей головы, вы все! – Его голос превратился в визг. Что-то грохнуло в зале, и ослепительно-белая вспышка сменилась полной тьмой.

На одно безумное мгновение Мэри подумала, что это она нечаянно нажала на спуск, но даже «кукушка» не производит такого грохота. Эхо, болезненно отдающееся в ушах, наконец утихло, но Мэри по-прежнему ничего не видела.

Стоя на коленях, она шарила руками по полу, неизвестно что отыскивая. Слышались крики – множество криков.

– Кто выключил свет, каналы? – Чья-то рука ухватила ее за ногу. – Кто здесь?

– Это я, Можжевельник. Значит, это просто свет погас? Я уж думала, что ослепла.

– Опять авария, чтоб ей.

– Хвала Роше. Я думала, у меня глаза вытекли.

Свет включился несколько минут спустя. Почти все, кто был в таверне, как ни странно, остались на месте – в том числе и Ориан Дурман. Он лежал на полу навзничь с перерезанным горлом, окруженный широченной лужей крови и пива. Рука, в которой он недавно держал гоблинский фонарик, вместо кисти заканчивалась черным обрубком.

Вид у трупа был крайне удивленный.

– Беда, – сказала Мэри Можжевельнику. – Хуже не бывает.

Гоблин и длинный, само собой, исчезли.

Беда нарастала медленно, но Мэри не сомневалась, что очень быстро она наберет скорость. Как-никак у нее в заведении убили сына советника, хотя никто не понимал толком, как это произошло. Даже полная ее невиновность и тот факт, что глупый молокосос сам напросился, мало что будут значить, когда государственная машина придет в движение. Впрочем, следователь, который ее допрашивал, казался не очень злым, и Мэри позволяла себе надеяться. Когда она рассказала ему все, что помнила о гоблине, он скептически скривил рот.

– Но у вас есть его имя, если он только не солгал, – заметила Мэри. – А гоблины, говорят, никогда не лгут.

– Лгут все, что бы там ни рассказывали о гоблинах. Суть не в этом.

В городе, объяснил следователь, находится сейчас двадцать или тридцать тысяч гоблинов из клана Пуговицы, и не меньше половины из них в какой-то период своей жизни прозываются Чумазыми. Это все равно что разыскивать кого-то по имени «эй ты».

Констебли, сняв показания со всей obsługi и посетителей, ушли, а Мэри с Можжевельником остались разгребать грязь. Лишь через несколько часов после того, как убрали тело молодого Дурмана, она сообразила, что гоблин, несмотря на поспешность своего бегства, успел не только прикончить Ориана, но и прихватить заработанные им жаркое и эль.

12

ШКАТУЛКА С ГЕРБОМ ШТОКРОЗЫ

Сознание возвращалось медленно, и Тео вспоминался странный сон, в котором он был мешком картошки. Мокрой картошки, и обращались с ним довольно бесцеремонно.

Не открывая глаз, он попытался определить, где находится. Не у себя в хижине, это точно, поскольку кровать большая и мягкая. Но и с Кэт он больше не живет, стало быть, это не ее перины... если только их разрыв не был сном, наподобие того, картофельного.

Погодите-ка... Мешок с мокрой картошкой тащил на себе двуногий слон, а рядом все время жужжала пчела, разговаривая с ним своим тоненьким голоском. Значит...

Ничего это не значит. Просто ему снился полный бред.

«Нет, погоди. Летает, жужжит. Фея. Эльфландия. Кочерышка!»

Тео раскрыл глаза во всю ширь, вспомнив свое ни в какие ворота не лезущее приключение. Он был укрыт огромным белым стеганым одеялом, а дальше торчала деревянная спинка большой кровати. Все бы хорошо, но за спинкой виднелась серая фигура размером с промышленный холодильник.

Тео, ахнув, укрылся одеялом с головой.

– Эй, Тед, скажи боссу, что он очнулся, – громыхнул голос, точно чугунную крышку люка протащили по булыжнику.

Тео порадовался, что ничего не видит: ему совсем не хотелось смотреть на это серое чудище, от которого он спрятался под одеялом.

– Вылезай, пупсик. – Наполняющий комнату голос отдавался в почках. – Я вегетарианка.

– Тебя вообще нет. Таких не бывает, – не совсем убежденно ответил Тео.

– Ишь, забавник, – хохотнуло чудище. – Вылезь давай. Босс сейчас позовет тебя к себе – может, тебе какую-нибудь жидкость надо отлить, или что там ваш брат еще делает, когда просыпается.

«Если я на что-то смотрю, это еще не значит, что я в это верю», – решил Тео и отодвинул краешек одеяла. Сделав это, он еле сдержался, чтобы не завизжать от страха: существо у его кровати придавало заезженному выражению «страшней войны» новое, свежее значение.

Вот, значит, во что превратится теперь его жизнь? Одна жуткая, невероятная вещь за другой? Сколько же это будет продолжаться?

Сморщенное, с обвислой кожей страшилище действительно было серым, но серым не однотонно, а с множеством разнообразных оттенков, как старые бетонные стены, подверженные долгому влиянию непогоды. На таких обычно нарастают целые слои граффити, одни поверх других. При взгляде на лицо серая шкура, однако, начинала казаться прямо-таки симпатичной. Крохотные красные глазки прятались под надбровными дугами, за каждой из которых мог бы спокойно стоять бармен. Между ними помещался бесформенный бугор – только место, занимаемое им на лице, и две ноздри позволяли догадаться, что это нос. Рот был приоткрыт в ухмылке столь устрашающей, что Тео невольно опять потянул на глаза одеяло. Серая лысая громадина сидела на полу, поджав ноги, но голова ее тем не менее находилась на высоте примерно пяти футов. А весит она, должно быть, как средних размеров автомобиль, мелькнуло в уме у Тео.

– Привет, – громыхнуло чудище и наклонилось к нему, хлопая веками, напоминающими изделия народной керамики. Его дыхание вполне могло бы исходить с тыльного конца трицептопса. – Меня Долли зовут. А ты для пупска очень даже ничего.

Во второй раз он очнулся от ветра, которым овеяли его чьи-то крыльшки. Некто, стоя у него на подбородке, говорил сердито:

– Не смешно. Мне хочется залезть тебе в нос и не пожалеть три месяца на розыск твоих мозгов, чтобы вышибить их назад через ноздри.

– Уж и пошутить нельзя, – пробурчало чудище. – Все они неженки.

– Ему многое пришлось испытать. – Обмахивание прекратилось. – Ну давай же, парниша, приди в себя.

Тео открыл глаза.

– И не заглядывай мне под юбку, скотина. – Фея спорхнула с его подбородка и отлетела на ярд назад, вынудив Тео со стоном приподняться и сесть. Серое чудище по-прежнему сидело на полу с несколько пристыженным видом. Неудивительно, что Тео во сне принял его за двуногого слона.

– Погоди-ка. Как я сюда попал? Это ты... меня принесла? – Он сделал паузу. – И тебя правда зовут Долли?

– Чистая правда. – Она рыгнула со звуком, который опять отдался у Тео в почках. – И несла тебя тоже я, в очередь с моим братом Тедди.

– Тедди?!

– Так огры себя называют, – пояснила Кочерышка. – В честь своих любимых детских игрушек. Но сентиментальничать по этому поводу не стоит: медвежонком Тедди у ее братца был настоящий живой медведь, которого он так любил, что затискал до смерти. И лучше тебе, парниша, не знать, что заменило куколку нашей Долли.

– Правильно. Лучше не знать. – Тео огляделся, чтобы поменьше смотреть на серую великаншу Долли, которая снова заухмылялась. Все здесь было незнакомым и странноватым, кроме кожаной куртки, утешительно висящей на одном из столбиков кровати. Просторная комната походила на те, которые можно получить в пансионате типа «постель и завтрак». Тео и Кэт как-то останавливались в таком, когда ездили в Монтерей, и Тео удивлялся, сколько денег можно слупить с приезжих, пуская их ночевать в свою свободную комнату, если в вазе на камине у тебя сухой ковыль, а на стенке висят рыболовные снасти. Здесь на стенах висели драпировки из мягкой мерцающей ткани, а на столике у кровати стояло некое приспособление из стекла и дерева – часы-радиоприемник, по догадке Тео, хотя загадочных символов на треугольном циферблате было больше, чем цифр на стандартных часах. Однако здесь в отличие от комнаты в монтерейском пансионате и прочих комнат, которые не являются камерами, не было окон. Никаких отверстий для вентиляции тоже не было, не считая вделанного в одну из стен аппарата с шелковым экраном, похожего на кондиционер. Кондиционеры в Эльфландии? В голове не укладывается.

– Где я, собственно? – спросил Тео. – И что со мной такое стряслось?

– Ты прыгнул в реку, ни у кого не спросясь.

– Как это не спросясь? Ты сама мне велела! За нами гнались какие-то люди! – Нет, не люди, вспомнил он, а злобные эльфы. Это тоже часть проблемы.

– Спрашиваться надо было не у меня. Нельзя прыгать в чужую реку, не спросив разрешения. Невежество – это не оправдание. Взгляни на свою руку – нет, на другую.

Только теперь он увидел, что вокруг его левого запястья обвязан мокрый зеленый стебель. Тео попытался сряхнуть его, но стебель даже не шелохнулся. Ни разорвать, ни развязать его Тео тоже не смог – не трава, а суперпрочное волокно космической эры.

– Ты его не снимешь. Скажи спасибо, что отделался так легко. Это называется русалочья метка, и означает она, что за тобой большой долг. Мне пришлось здорово поторговаться, иначе тебя просто утопили бы, если не хуже.

– Хуже?

– Ладно, хватит вопросов. После объясню. Радуйся, что Дельфиниум и Маргаритка когда-то объединились и выгнали из реки всех зеленозубых, не то бы... ну, да на этом лучше

не останавливаться. Зеленозубая, в отличие от обычновенных русалок, не душит, а грызет. Поднимайся.

Тео перевел взгляд с неестественно прочных водорослей на парящую летунью. Ясно, что в этой проклятой стране ему никаких толковых ответов не получить. Придется усваивать все на лету.

– Я так и не понял, где мы.

– Это единственное место, где ты можешь находиться, оставаясь живым, – фыркнула Кочерышка. – Дом Пижмы в фамильной усадьбе Маргариток – в Солнечной Коммуне, про которую я тебе говорила.

– Он малость того, наш босс, – вставила Долли. – Любит проигранные дела и всякие диковинки. Смертных, к примеру.

– Ну, любит – это немного сильно сказано, – возразила Кочерышка. – Но этот ему для чего-то нужен, так что мы пойдем.

– Можешь его забирать, – пожала плечами Долли. – Я уже посмотрела, нет ли при нем чего недозволенного, прежде чем в постель его уложить. – Она одарила Тео еще одной улыбкой, и он впервые обратил внимание на то, что лежит не в джинсах и рубашке, а в чем-то среднем между пижамой и костюмом каратиста из скользкого серого шелка. – Он такой гладенький весь, – добавила Долли. – Мне понравилось – что-то новенькое по крайней мере.

Тео еще долго ехал, идя за Кочерышкой по широкому, застеленному ковром коридору. Поверх шелковой ниндзя-пижамы он надел кожаную куртку – вид нелепый, но приятно иметь на себе хоть что-то родное. Все здесь, в общем, было не таким странным, как он ожидал: мягкие сапожки на меху, заботливо поставленные у кровати, оказались очень удобными, оштукатуренные стены коридора ничем не поражали глаз – светильники на них, правда, несколько вычурны, но сам свет...

– Электрические лампочки? – спросил Тео. – У вас в Эльфландии есть электричество?

– Я ничего в этом не смыслю, хотя мне много раз объясняли. Это наука, вот что. Магия.

Мозги у Тео до сих пор еще плохо шурупили, тем не менее он заинтересовался, почему в книге у Эйемона освещение газовое или даже керосиновое, как в викторианском Лондоне, в то время как сам он имеет дело с вполне современной бытовой техникой. Эйемон Дауд, похоже, промахнулся лет на сто, а то и больше.

Он устал от всех этих несообразностей, и ему хотелось домой. Сейчас он повидается с этим Пижмой, который так любит смертных, ответит на его вопросы. Может, ему нужна книга Эйемона? Испугавшись, что потерял ее, Тео ощупал карман куртки, но Долли, хотя и обыскала его без всяких церемоний, тетрадку оставила на месте.

Итак, он встретится с Пижмой, отдаст ей книгу, если она ему нужна – оставаться здесь только ради того, чтобы ее сохранить, определенно не стоит, а потом попросит Пижму отправить его домой. Теперь, после всего пережитого, он, Тео, станет совсем другим человеком. Наладит свою жизнь, даже, может быть, роман напишет и прославится. Использует идеи Эйемона и то, что сам видел... вряд ли это так уж трудно – писать в жанре фэнтези.

Творческие замыслы Тео прервала еще одна способная довести до инфаркта фигура, вышедшая из мрака в конце коридора. Пол слегка прогибался под ее весом.

– Привет, Комарик, – пророкотало чудище.

– Не подлизывайся, куча навозная, – почти любовно прощебетала Кочерышка. – Мы к твоему боссу пришли.

Тедди, еще менее привлекательный, чем его сестра (если такое возможно), кивнул огромной башкой.

– Он вас ждет, заходите. А ты, пупсик, смотри без глупостей. Я тебя выловил из реки, могу и обратно закинуть – прямо отсюда.

Тео торопливо прошел за Кочерышкой в скромно обставленную приемную – такой дизайн вполне устроил бы монаха-трапписта с артистическими наклонностями. Оглянувшись через плечо и убедившись, что его не слышат, Тео спросил:

– Огры все такие, как эта парочка?

– Не совсем. – Кочерышка уселась ему на плечо. – Особо крупных мало кто соглашается в доме держать – уж очень страшны. – Она ушипнула Тео за ухо. – А Долли-то, мне сдается, влюбилась в тебя.

– Заткнись, а?

В комнату вошел мужчина лет тридцати с лишним, в длинном белом халате и с длинными белыми волосами, связанными в хвост. Смерив Тео холодным взглядом с ног до головы, он отвернулся и бросил через плечо:

– Входите.

– Это еще кто? – шепнул Тео Кочерышке.

– Граф Пижма, ясное дело. И советую тебе повиноваться ему без рассуждений.

– Но ведь... – Кого он, собственно, ожидал увидеть? Добродушного старичка? Только потому, что Кочерышка аттестовала Пижму как доктора?

Из аккуратной приемной они вступили в куда более хаотическое помещение. Тео вспомнились ранние дни компьютерной эпохи, о которых он знал только по фотографиям и журнальным статьям – когда персональные компьютеры первого поколения устанавливались в самодельные деревянные футляры, поскольку массового производства пластмассовых корпусов еще не наладили. Потом он присмотрелся получше и понял, что эта техника намного сложнее. Машины неизвестного назначения стояли повсюду, хотя предпочтение действительно отдавалось деревянным футлярам, не говоря уж о панелях со стеклянными трубочками вместо привычных кнопок и переключателей.

Пижма надел очки, чтобы разглядеть Тео получше. Очки увеличивали фиолетовые глаза эльфа, но не делали его более похожим на добродушного старого изобретателя – скорее уж на европейского концептуального художника, который старается соответствовать техно-минималистскому декору. Под лабораторным халатом – последний теперь казался Тео несколько претенциозным для спецодежды – виднелось что-то не менее белое. На свой ястребиный лад Пижма был весьма импозантен и даже красив.

«Он похож на ангела, который отказывает тебе в доступе на небеса, поскольку ты не забронировал место заранее», – решил Тео и протянул Пижме руку, чувствуя себя не совсем ловко.

– Здравствуйте. Я Тео Вильмос...

– Да. – Пижма кивнул, и Тео, подержав руку на весу, убрал ее. Кочерышка тем временем слетела с его плеча и уселась на одну из полированных деревянных поверхностей, болтая ногами. – Ты опоздала на неделю, летуница. В чем дело?

На неделю? Тео взглянул на свое обвязанное водорослями запястье. Неужели он столько времени провалялся без сознания? Быть того не может. Или Кочерышка просто слишком долго до него добиралась?

Летуница представила чисто технический отчет об их встрече со сборным мертвецом и прибытии на землю Шпорника, используя термины наподобие «утечка», «траектория» и «входное смещение». На волшебное путешествие в страну эльфов это никак не походило. Тео не мог не заметить, что его крошка проводница держится сейчас совсем иначе. Вся из себя деловая, даже перебарщивает немного со специальными терминами – ни дать ни взять бригадир дорожников, объясняющий начальству, почему его бригада повредила силовой кабель.

– Хорошо, – прервал ее Пижма, щелкнув длинными пальцами, и снова посмотрел на Тео – не сердито, но и без особого человеческого тепла, скорее как на собаку гостя, чем на самого

гостя. Он затратил столько трудов, чтобы доставить Тео сюда, а сам еще и словом с ним не перемолвился.

«Он не человек, вот в чем дело – какое уж тут человеческое тепло? И даже не очень похож на человека. Если этот лиловоглазый из тех, что сочувствуют смертным, то каковы же тогда их противники?» – с внезапным холдком подумал Тео.

Не бывать, видно, смертному в Эльфландии мистерам Популярность.

– Почему вы послали за мной? – спросил Тео.

Пижма вскинул тонкую, белую, словно кокайном проведенную бровь.

– Потому что я единственный, кто сумел вас найти.

– Это не совсем отвечает на мой вопрос, – подумав, заметил Тео.

– Подождите, пока я не закончу с летуницей. Ты имеешь сообщить еще что-нибудь?
Нечто важное?

– Боюсь, что много всего. – Кочерыжка покинула свой настест и зависла в воздухе с весьма раздраженным видом. – Во-первых, этот мертвяк не оставит его в покое. Если он нашел его там, то и здесь найдет.

Пижма взглянул на нее поверх очков.

– По-твоему, я сам не способен разрешить эту задачу?

– Нет. То есть да. Разумеется, способны. Еще вот что: когда мы уходили с земель Шпорника, этот парень ухнулся в реку. Поэтому я полетела прямиком сюда и послала Долли с Тедди принести его домой.

– В реку? Ты имеешь в виду Серую Быстрицу? Странно, что русалка позволила...

– Не позволила – то есть позволила, но не сразу. – Она приподняла левую руку Тео, чтобы Пижма мог видеть запястье. – Мне пришлось дать согласие пометить его.

– Это дело смертного, не мое, – пожал плечами эльфийский лорд.

– Это может помешать ему путешествовать.

– Возможно, ему не придется. – Новое пожатие плечами. – Заканчивай свой доклад.

– А когда мы наткнулись на охоту Шпорника, мне пришлось использовать собственные чары, потому что ваши я истратила раньше, сражаясь с тем чучелом. Ничего серьезного, небольшой отвод глаз, который я приобрела по дисконтной карте своей подруги, но это была моя последняя защита. Теперь у меня нет совсем никакой, сэр, – надеюсь, вы меня понимаете.

– Я, разумеется, компенсирую... – начал Пижма.

– Минутку, – перебила Кочерыжка и засияла краской – Тео заметил это даже на расстоянии нескольких футов. – Извините, что прерываю, сэр. Прошу прощения. Но вы только что сказали, что ему, возможно, путешествовать не придется. Могу я спросить, что это значит?

Этот вопрос Пижму явно не устраивал, но и обострять ситуацию он, видимо, не желал.

– Видишь ли, у нас кое-что изменилось.

– Что именно? – Кочерыжка переместилась чуть ближе к Тео, словно желая его защитить.

– Как я уже говорил – а возможно, и не говорил, – мне самому этот смертный не нужен. Его транспортировкой я занимался по желанию других особ. – Пижма грациозно опустился в низкое кресло. Тео только теперь заметил, что крыльев у знатного эльфа нет, как не было их ни у кого из охотников. Кажется, Эйемон писал что-то об эльфах высшего класса и крыльях. – Им интересуются некие лица в Городе, – продолжал Пижма, – группа, куда входят как Симбионты, так и Эластичные...

– То есть Вьюны и промежуточные, – пояснила Кочерыжка на ухо Тео, – противники Сорняков.

Пижма, обладавший, по-видимому, острым слухом, нахмурился.

– Должен сказать, что мне не нравятся эти грубые наименования. Наихудшая форма гоблинского просторечия. Мы, Эластичные, никакие не «промежуточные», не прослойка между двумя более динамичными партиями. Скорее уж эти две партии грешат экстремизмом,

мы же представляем умеренное большинство, от которого зависит судьба всего нашего общества. – Сейчас он, как ни странно, казался Тео куда более человечным, и даже его бледные щеки слегка порозовели. – Как бы там ни было, кое-кто из моих соратников-эластичных счел нужным доставить сюда этого смертного...

– Я Тео Вильмос, а не «этот смертный».

– Доставить сюда мастера Вильмоса, – небрежно отмахнулся Пижма. – И хотя я занят множеством других, очень важных проектов, они убедили меня помочь. Я обязался доставить его... то есть вас... сюда, а один из молодых представителей дома Штокрозы, семьи видных Симбионтов и примерных граждан, несмотря на некоторую политическую наивность, – должен был приехать и проводить вас к вышеупомянутым заинтересованным лицам.

– И что же? – спросила Кочерышка. – Они отменили встречу?

Пижма, помолчав, подошел к стеллажу с приборами, чьи мерцающие экраны не вызывали у Тео никаких аналогий со знакомой ему электроникой. Казалось, что они сделаны не из твердого материала, а из какой-то струящейся жидкости. Пижма провел пальцами над одним из экранов, отчего тот засветился, и закрыл его шторкой. Тео, хотя и не проникся к Пижме особой симпатией, не мог не любоваться им. Все жесты эльфа, даже случайные, казались, как и жесты охотников в лесу, тщательно отрепетированными, будто в балете. Можно подумать, эти эльфы проходят курс прикладной грации, как только рождаются на свет.

Вслед за этим Пижма выдвинул ящик, достал оттуда серебряную шкатулку величиной с книгу в твердом переплете и поставил ее на стол. Кочерышка подлетела посмотреть, и Тео, немного поколебавшись, подошел тоже.

– Я получил это вчера, – сказал Пижма. – Шкатулку мне принес стукотун, рабочий с нашего рудника, а ему ее передал некий незнакомый эльф, которого у нас в коммуне никто раньше не видел.

Шкатулку украшал узор из птиц и древесных веток, эмблема на крышке изображала цветок.

– Это ведь герб Штокрозы, да? – сказала Кочерышка.

– Да, – кивнул Пижма. – Но не думаю, что мне прислали ее родные юноши, который собирался приехать за мастером Вильмосом. Взгляните. – Эльф откинул крышку, отчего в комнате запахло чем-то пряным и немного едким. Внутри на белых лепестках лежало что-то величиной с детский кулачок, завернутое в красную бумагу. – Это сердце, – сказал Пижма, – высушенное и начиненное рутой. – Он издал короткий сухой смешок. Лица его Тео не видел, потому что граф отвернулся. – Полагаю, что нам не стоит больше ждать вашего провожатого. Это все, что от него осталось.

– Как он это сказал, Боже правый! Точно ему все равно. – Тео сидел на кровати – ноги у него до сих пор еще дрожали.

Кочерышка устроилась на предполагаемом кондиционере.

– Они не такие, как мы, Цветы эти. Эх, сказанула! Ты и подавно не такой.

Небрежность, с которой Пижма отпустил его, Тео воспринял едва ли не менее болезненно, чем известие о безвременной смерти посланника тех, кто питал к нему хоть какой-то интерес во всем этом безумном мире.

– Вот гадство. Как же мне быть-то теперь?

– Не знаю. Он сказал, что вечером побеседует с тобой еще раз. Ты не дави на него, Тео, мой тебе совет. Они все с придурию, Цветы, и торопить их не надо.

– Мне-то что. Я сюда не напрашивался, а теперь и вовсе не знаю, что делать. – Тео встал и начал ходить по комнате. – Как насчет того, чтобы отправить меня домой? Ты это можешь?

– Не могу, – потрясла головой Кочерышка.

– Не можешь или не хочешь? – Тео повысил голос, испытывая стыд от того, что кричит на женщину размером с солонку. – Есть тут кому-нибудь дело до того, что меня попросту вырвали из нормальной жизни, не спрашивая согласия? Попросту похитили, Боже ты мой!

Долли просунула голову в дверь.

– Эй, пупсик, у меня от тебя уши болят. Сядь и веди себя тихо.

Тео сел, сцепив зубы. Он, конечно, зол, но не настолько глуп, чтобы ссориться с парой тысяч фунтов живого веса – кроме того, по словам Кочерышки, эта громадина бегает в гору быстрее, чем большинство смертных под гору.

Летуница опустилась на одеяло рядом с ним.

– Мне жаль, что все так обернулось, но не будем передергивать. Я тебя не похищала, а только открыла дверь без подготовки, потому что большой и страшный бяка собирался высосать мозг у тебя из костей, даже не обглядев их при этом. И напустила его на тебя тоже не я – он сам явился. И силком я тебя, парниша, в ту дверь не выпихивала.

Тео посмотрел на нее и закрыл лицо руками.

– Да, конечно. Ты права. Извини. Ты... не сердись только. Поговори со мной. Может, вместе мы что-нибудь и придумаем. Почему ты не можешь отправить меня обратно домой? Ведь этот... зомби рано или поздно найдет меня здесь.

– Здесь тебе все-таки спокойнее, по правде-то говоря. Пижма хорошо защищен. И потом, отправить тебя назад не так-то просто – на это требуется много энергии, особенно если ты не хочешь, чтобы кто-то заметил. Если даже оставить в стороне эффект Клевера, послать кого-то в другой мир – это все равно что построить большой корабль. Отнимает много времени и труда.

– Но ты ведь это уже сделала один раз.

– Это все он устроил. У меня самой вряд ли получилось бы, даже если бы я не истратила свой лимит – я ведь не ученый, как граф Пижма.

– Если он ученый, то вроде доктора Менгеле¹⁵. Относится к людям, как к подопытным крысам. Раньше ты говорила, что он послал тебя, потому что сам не мог к нам отправиться. Почему не мог?

– Из-за эффекта Клевера. Был такой Цветок, тоже все науками занимался. Эффект действует с тех пор, как у нас не стало короля с королевой. Раньше мы путешествовали туда и обратно, когда хотели, хотя в одни места попасть было легче, чем в другие. Теперь каждый из нас может побывать в вашем мире только один раз, и обратно вернуться тоже. – Кочерышка, сидя на одеяле, убрала с глаз рыжие волосы. – Называется «лимит». С вашей стороны это работает точно так же, если ты, конечно, не дух бестелесный вроде того, что хотел тебя убить – эти могут перемещаться сколько угодно и добывать себе плоть на месте. Короче, тебе, чтобы вернуться домой, нужен кто-то вроде Пижмы и его друзей.

– Выходит, я должен сидеть здесь и надеяться, что у твоего босса хватит волшебной фигни, чтобы уберечь меня от зомби, пока он не решит, что со мной делать?

– В общем-то да, как ни жаль.

Тео в изнеможении привалился к изголовью кровати.

– Как тебя только угораздило попасть на службу к такому, как Пижма?

– Я выросла в этой коммуне.

– Почему «коммуна», собственно говоря? Коммуна – это место, где все равны, так ведь? А здесь, похоже, всем заправляют Цветы, как и везде у вас.

– Это название сохранилось со старых времен. Маргаритки были радикалами когда-то, в Эру Первых Чудес. Они дорожат традициями, потому и сохранили старое название.

– Значит, ты здесь живешь?

¹⁵ Врач, производивший опыты над заключенными в гитлеровских лагерях смерти.

– Не совсем так. Теперь я живу в Городе, но почти все мои родные так и остались здесь. Мы, Яблоки, арендует фруктовый сад, и все, кто живет дома, в нем работают, даже Черенок и Семечко, которые по старшинству идут сразу после меня – они все время сбежать собираются, потому что терпеть не могут эту работу.

– Сад принадлежит вашей семье?

– Земля – нет, я уже сказала, – только деревья. Целых десять акров, больше тысячи, – с гордостью сказала летунища.

– А что это за деревья?

Фея закатила глаза.

– Меня зовут Кочерышка, папу – Ранет, маму – Папировка, братьев – Кожица, Семечко и Черенок, одну из сестер – Шарлотка. Так какие же деревья, по-твоему, мы выращиваем?

– А, да. Понятно.

– Ну, ты ж у нас шустрый, прямо колибри.

– Я ведь просил не дразнить меня, – огрызнулся Тео. – Как может такое маленькое существо быть таким языkatым? Или вы, феи, все такие? Мама окунула тебя в реку Вредности, когда ты была младенцем?

– Очко тебе, парниша, – засмеялась она.

– Ты так и не объяснила, почему работаешь на Пижму.

– Ну да. Усадьбой здесь в коммуне владеет его кузен Зенион Маргаритка, и он же в парламенте заседает – у него мы и арендует свой сад. Но Маргаритки по Цветочным меркам считаются вроде как вольнодумцами – поместьем управляют все сообща и другими интересующими их делами тоже занимаются вместе. Почти все решает сестра Зениона, Диспурния. Пижма и раньше пользовался моими услугами – в основном чтобы травы собирать. Он помешан на науке, но в травах не очень-то смыслит. В Городе я тоже исполняла его поручения, книги разыскивала, например, и разные редкие чары. С работой в Городе трудно, и когда он мне предложил это дело, я согласилась – он хорошо платит.

– Но почему же он не послал кого-нибудь... ну...

– Кого-нибудь побольше? Ладно, не прикидывайся, я знаю, что ты хотел сказать. Вот и видно, что ни шиша ты не понимаешь. Чем меньше входящий, тем меньше разрыв, а значит, и энергии меньше требуется. Спорю, что из-за моего рейса свет все равно везде вырубился.

– Значит, для отправки меня назад понадобится огромное количество энергии, помимо всего прочего? – вздохнул Тео.

– А ты думал. Это материя хитрая, потому и зовется наукой.

– Да, попал я, одним словом. – Тео почувствовал себя бесконечно несчастным. Говорят, что по дому можно скучать только в разлуке с ним – а как насчет целого мира?

Кочерышка долго смотрела на него и наконец сказала:

– Знаешь что? Поговорю-ка я с Пижмой сама. Для Цветка он неплохой парень.

– То есть не бьет своих слуг до смерти? – уныло предположил Тео.

– Ладно, кончай себя жалеть. Сиди тут, я скоро. – Она взлетела с кровати и помедлила, как будто хотела сказать еще что-то, но потом раздумала и стрельнула за дверь.

Тео в полной депрессии встал и начал прохаживаться по комнате, трогая драпировки на стенах. Они ласкали кожу скорее как влага, а не как ткань. Потом он занялся предполагаемыми часами и долго разглядывал незнакомые знаки на их треугольном циферблате. Вылитые часы-радио. Может, музыку послушать, пока Кочерышки нет? Ведь интересно же, какая у них тут музыка.

Он нажал на одну из серебристых выпукостей в деревянном корпусе, но если это была кнопка, то за ее нажатием ничего не последовало. Тео нажал другую и в изумлении уронил прибор на кровать, услышав оттуда шепот, звучащий как вопрос на непонятном ему языке. Устройство подскочило пару раз, натянув провод до отказа, и шепчащий голос умолк.

Выждав пару минут, Тео взял загадочный прибор в руки и нажал третью кнопку. Это тоже как будто не произвело мгновенного действия, но вскоре он ощутил, что дерево у него в руках нагревается. Он вскрикнул и снова швырнул ящик на кровать. Оттуда уже шел дым, и Тео в панике поднял его за провод.

– Вот черт! Что делать-то? – Он говорил сам с собой – плохой знак. Старина Пижма не полюбит его за то, что он спалил фамильную усадьбу.

Окаянная штука продолжала нагреваться – Тео чувствовал это за целый фут. Он задом отодвинул кровать от стены в надежде добраться до розетки, продолжая держать прибор подальше от всего, что могло воспламениться. Пока он шарил за кроватью, корпус на шнуре качнулся и стукнул его по голове. Ощущение было точно как в тот раз, когда он схватился за один из фенов Кэт, не заметив, что тот включен, и Тео взвыл от боли.

В конце концов он взялся за провод около того, что походило на розетку – деревянный квадрат, вделанный прямо в стену, – и дернул, но провод не пожелал отсоединиться. Часы снова качнулись к нему, и прядь у него на виске завилась в тугой локон. Тео уперся бедром в спинку кровати и дернул еще раз, изо всех сил. Провод оторвался с громким «поп» и вспыхнул голубовато-зеленого пламени. Теперь заполыхало огнем отверстие розетки, но вскоре оно затянулось деревом и исчезло.

На конце шнура болтался совершенно бесформенный, словно от слоновьего бивня отпиленный набалдашник.

Адская машина уже успела остыть.

Тео высунул голову в коридор. Кочерыжки не было уже около часа, и он места себе не находил. Лаборатория Пижмы, или как она там называлась, находилась в той стороне, но Тео не хотелось бы усугубить неприязнь эльфа к смертным, ввалившись к нему в неподходящий момент. Лучше пройтись в другую сторону. Он ведь как будто не в плена – хотя кто знает?

Тео постоял в коридоре, который почему-то показался ему длиннее, чем в первый раз. Интересно, велик ли сам дом? И что он собой представляет – главное здание этой самой Солнечной Коммуны или отдельное строение? Хорошо бы посмотреть в окно, а на воздух выйти было бы еще лучше.

В потолочном окне виднелся кусочек неба. Сейчас, по прикидке Тео, был ранний вечер, и цвет небесного овала подтверждал это предположение.

Не помешало бы, пожалуй, бросать позади себя хлебные крошки. Это напомнило Тео, что он пока еще ничего не ел и не пил в стране эльфов, кроме речной воды, да и то случайно. «Вот она цель, – решил он. – Пойду поишу, где тут кухня».

Это, как и следовало ожидать, оказалось куда труднее, чем он думал. Дом, в отделке которого отдавалось предпочтение белой штукатурке, казался очень большим и очень бесполково распланированным. Думая, что вот сейчас, повернув за угол, он попадет в главный коридор, Тео каждый раз оказывался в комнате вроде гостиной, с бассейном и живыми деревьями, расстущими в отверстиях пола, или у входа в кладовую, установленную мешками и жестяными коробками. Здесь явно хранились съестные припасы, но многие контейнеры шевелились на полках сами собой и даже повизгивали – Тео как-то не очень хотелось проверять, что там внутри.

Еще более странными были комнаты, исчезавшие прямо у него на глазах – особенно те, где имелись окна. Кусочек неба маячил перед ним в конце длинной анфилады, но стоило Тео дойти до последней комнаты, он оказывался в другом коридоре без всяких намеков на окна. Однажды он набрел на что-то вроде салона с широкими низкими диванами и занимающим всю стену панорамным окном, где успел разглядеть вершину лесистого холма, освещенную последними лучами заката, и розовеющие облака. Но как только Тео ступил в комнату, окно превратилось в глыбу отполированного черного камня. Приняв это за фокусы поляризации,

Тео опять отступил за порог, но бывшее окно, красиво отражая свет, осталось при этом матово-черным.

Может, они не хотят, чтобы он увидел что-то снаружи? Или чтобы его кто-то увидел?

Он часто слышал чьи-то голоса, но на глаза ему никто не показывался. Однажды ему даже почудился за портьерой звонкий голосок Кочерыхки, но, откинув завесу, он наткнулся на глухую стену. Ему слышались низкие голоса огров и другие, еще более странные, но все они доносились непонятно откуда. Может быть, в деревянных стропилах скрывались вентиляционные шахты, проводящие не только воздух, но и звуки? Если так, то обнаружить их он все равно не мог.

Когда свет начал меркнуть, а потом погас совсем, Тео испытал момент невыразимого ужаса. Он замер на месте, как мышь перед открывшейся кошачьей дверцей. Окружившая его тьма казалась осозаемой, но еще плотнее была полная, абсолютная тишина – ни шепотов, ни гула, только тишина преждевременного погребения. Тео острее некуда осознал свое одиночество в совершенно чужом для него месте.

Может, у них такие отключения в порядке вещей? Или дело обстоит намного хуже? Он не смел двинуться с места. Ему вспомнилась картинка из детской книжки: Тезей в темном лабиринте, не ведающий, что за спиной у него навис Минотавр.

Тео не знал, сколько времени длилось затемнение, но наконец свет зажегся опять, и он обрадовался призрачным голосам, как пришедшим домой соседям за стенкой.

Возвращение света и звуков не решило, однако, других его проблем. Он прошел уже столько комнат, Что мог бы погрузить редакторов «Архитектурного обозрения» в нирвану, а настоящих архитекторов – в ступор; он видел поющие фонтаны, истекающие из живых, но лишенных коры деревьев, видел толстые ковры, неохотно отпускающие его ноги и говорившие что-то ему тихими голосами, но так и не нашел ни кухни, ни своей собственной комнаты и не встретил ни единой живой души.

Растущая паника лишила его всякой стеснительности. Он остановился и закричал:

– Кочерыхка! Кочерыхка! – Если он действительно слышал ее голос сквозь толстую стену, то и она его может услышать. – Где ты? Ау! Кто-нибудь!

– Что вам угодно? – спросил женский голос, холодноватый и собранный, как у стюардессы, зачитывающей правила безопасности скучающим командированным в самолете. Тео посмотрел по сторонам, но не увидел ничего, кроме декоративного деревца в прямоугольной кадке.

– Вы где? – на всякий случай спросил он у дерева.

Здесь, в доме. – Спокойный голос, насколько он мог судить, исходил прямо из воздуха. – Вам требуется помощь?

– Думаю, да. А вы кто?

– Хоббани этого дома. Я знаю, вы гость графа Пижмы. Чем я могу вам помочь?

Так просто? Жаль, что он раньше не додумался.

– Не могли бы вы показать мне дорогу? Обратно в мою комнату, например?

– Разумеется. – В бесцелесном голосе сквозил легкий намек на то, что ему жаль тратить свое время на такие пустяки.

– А как насчет того, чтобы выйти наружу?

– Из дома? – В голосе прорезалось чуть заметное раздражение. – Прошу прощения, но без графа Пижмы это невозможно.

– Ага. – Это уже о чем-то говорит – говорит даже больше, пожалуй, чем ему хотелось бы знать. – А кухня? Вы можете мне сказать, как пройти на кухню?

– Вы хотите пойти туда пешком?

– А как еще – на роликах, что ли? Или на вагонетке? Если это недалеко, могу и пешком.

– Я перенесу ее к вам, если пожелаете.

Час от часу не легче.

– Спасибо, я лучше сам.

– В таком случае дойдите, пожалуйста, до конца коридора и поверните направо, а затем сразу же опять направо.

– Отлично. Благодарю.

– Всегда рада служить вам.

Он не слышал, как она подошла, если она это сделала, но чувствовал, как она удалилась. Странное ощущение – как будто свет погас в доме, на который он смотрел, думая о чем-то другом.

Чертова магия. Весь этот мир на ней держится, а он ни фига в ней не смыслит. Ох и влип же он.

До кухни он добрался только с третьей попытки. «Поверните направо, а потом сразу опять направо», – сказала эта женщина, но он хоть убей не мог найти места для второго поворота. Решив придерживаться инструкции буквально, он вернулся к дереву в кадке, снова дошел до конца коридора и там повернул направо и еще раз направо, приготовясь стукнуться носом о стену – но стена вдруг расступилась перед ним.

Огромная теплая кухня со светлыми стенами и темным плиточным полом сверкала ярко начищенной медной посудой. Над большой блестящей плитой стояло на табуретке маленькое жесткошерстое существо – оно выкрикивало распоряжения куда-то в потолок и работало руками, как дирижер оркестра. За обеденным столом сидели другие персонажи – меньше десятка, но гораздо больше на вид, поскольку двое из них были ограми.

– Эй, пупсик! – крикнула Долли, чем привела медные кастрюли на крюках в состояние вибрации.

– Здорово, сосед, – пророкотал Тедди.

Их сотрапезники с интересом разглядывали застрявшего в дверях Тео – ростом с маленьких детей, круглолицые и весьма похожие на людей. Из-за их одинаковой серой униформы вся сцена напоминала обеденный перерыв в какой-нибудь инопланетной столовке. У коротышек были кустистые брови, а у мужчин – уж в этом Тео вряд ли ошибался – большие лохматые бороды.

– Можно мне войти? – спросил он.

– Само собой, – весело ответила Долли. – Мы тут как раз про тебя говорили.

– Это ты говорила, а я ел. – Тедди издал звук наподобие мусоровоза, поднимающего полный бак.

– Свет погас только там, где я был? Или у вас тоже? – Тео неожиданно для себя обрадовался этой парочке уродов.

– Последнее время это постоянно случается, – сказал Тедди. – На станции одни сачки работают. На студень бы их пустить.

– Есть хочешь? – спросила Долли у Тео.

– Если только не студень, – ответил он.

– Давай присоединяйся. – Она придвинула поближе хлебную корзинку и потеснила локтем брата, очистив для Тео кусочек скамьи между двумя их могучими серыми телами. Маленькие человечки смотрели во все глаза, как Тео втискивается туда.

«Все равно что поставить велосипед между двумя самосвалами. Если кто из них дернется, от меня только мокрое место останется».

– Сказать по правде, я здорово проголодался.

– А тебе разрешено принимать пищу? – спросила Долли. Человечки перешептывались.

– Не понял.

– Разве со смертных не слетают головы, когда они отведают нашей еды?

– Что-что?

– Ладно тебе, Долл, – вмешался Тедди. – Ничего с них головы не слетают. Просто они делаются все красные, и дух из них вон. Не только от еды. Они еще могут не тот камешек положить в рот или перескочить не через ту ветку. Мало ли от чего смертный может тут помереть.

Тео, протянувший руку за ломтем хлеба, отдернул ее.

– Это вы шутите так, да?

Один из человечков напротив влез на скамью, сравнявшись с Тео.

– Они тебя разыгрывают, недомерок. – Голос у него звучал так, словно он только что выиграл чемпионат по дыханию гелием. – Смертные не умирают от нашей еды, они просто не могут больше вернуться к себе в Морталию.

– В Морталию? – повторил другой.

– Ну да, в страну смертных.

– Много ты понимаешь, брауни. – Тедди, похоже, рассердился, но человечки, учитывая, что он мог запихнуть полдюжины из них в рот одним махом, не слишком встревожились. – Все вы круглые дураки. Нам про это мама рассказывала. Про смертного мальчика, которого звали Перси Фон. Он намазался салом и пролез в щелку из ихнего мира в наш, а потом съел гранит и помер¹⁶.

– Смертные камни не едят, дубина, – фыркнула Долли. – Правда ведь, Пупсик? Ты ведь камни не ешь?

Тео, несмотря на муки голода, расхотелось даже прикасаться к съестному. Слетевшая с плеч голова – достойное завершение нынешнего дня. Ему не совсем в это верилось, но рисковать тоже не стоило – вдруг он и правда не сможет потом вернуться домой?

– Нет, – сказал он. – Камни мы не едим.

– Шибко умная, да? Ну, значит, это не гранит был, а что-то другое, похожее. Он его съел и хотел вернуться домой, а потом упал и помер.

– Ты сказал, что они сначала красные делаются, – напомнила Долли.

– Он упал, покраснел весь и помер.

Тео сидел и слушал сквозь урчание в желудке, как они спорят у него над головой. Брауни, кажется, находили все это крайне забавным.

¹⁶ Тедди, видимо, слышал вариант мифа о Персефоне, вынужденной проводить часть года в подземном царстве Аида из-за того, что она съела там гранатовых зерен. Запрет на еду и питье в стране эльфов часто встречается также в кельтских и англосаксонских сказках.

13

ПЕРЕМЕНА ПОГОДЫ

— Да можно тебе есть, можно, — говорила Кочерышка, сопровождая его из кухни в лабораторию Пижмы. — Ты что ж, воздухом собрался питаться, тупица?

— Но огры сказали...

— Огры! — Она прошмыгнула через приемную так быстро, что Тео пришлось догонять ее чуть ли не бегом. — Потому-то Пижма и не стал их посыпать за тобой. Даже Долли, а она по их меркам прямо гений, собственную задницу и то не найдет, пользуясь обеими руками и картой. А наш Тедди до одиннадцати не досчитает, не расстегнув штанов. — Она подтолкнула Тео к двери в лабораторию. Хозяин дома ждал их, скрестив руки на груди. — Он ничего не ел с самого прибытия к нам, сэр, — доложила Кочерышка, — потому что огры наговорили ему чепухи. Сказали, что он домой не сможет вернуться.

— Что? — вздрогнул Пижма, явно задумавшийся о чем-то другом. — А, он голоден? Принеси еды для мастера Вильмоса, — произнес он в воздух.

— Слушаюсь, — ответил знакомый голос.

— Прошу прощения, — сказал Пижма Тео. — Когда вы прибыли, я был... занят другим. Мне следовало спросить, не голодны ли вы. Я повел себя негостеприимно. Извините меня.

Тео только глаза на него вытаращил. Всего несколько часов назад этот эльф смотрел на него, как на мокрицу, а теперь обращается, как с полноценным гостем. Какая муха его укусила?

— Да я... — Тео понадобились пара секунд, чтобы прийти в себя. — Просто Долли с братом сказали, что если я поем здесь, то не смогу вернуться домой. В сказках, кажется, тоже говорится об этом.

— Да, это всего лишь старые сказки, — кивнул Пижма. — Я не хочу сказать, заметьте, что сказки не имеют под собой реальной основы. Думаю, в старину, когда мало что препятствовало путешествиям между нашим и вашим миром, смертному было легче остаться здесь надолго, чем теперь — и когда он все-таки возвращался назад, смещение могло иметь для него ужасные последствия.

— Смещение?

— Разница между двумя мирами. Отсчет времени, возможно, самый очевидный симптом, но далеко не единственный. Однако принятие пищи никак не влияет на возможность возвращения — ни тогда, ни теперь. Это всего лишь хитрость, изобретенная смертными мудрецами, чтобы отбить у своих сородичей охоту задерживаться у нас. Если те ничего здесь не ели и оставались ровно столько, сколько могли выдержать на пустой желудок, разрыв получался не слишком большим.

— Разрыв?

Женщина-брауни вкатила в комнату сервировочный столик. Тео не слышал, как она вошла — с тем же успехом она могла материализоваться из воздуха. Пухлая и розовощекая, она не отличалась пропорциями от обычновенной женщины, которую каким-то образом уменьшили до трех с половиной футов.

— Где мне накрыть, сэр? — спросила она, и Пижма указал ей на низкий столик.

Поставив на него фрукты и хлеб, женщина сделала реверанс и выкатила тележку за дверь. Эльф жестом пригласил Тео сесть в мягкое кожаное кресло — свое собственное, судя по его изяществу и удобству. Тео с легкой настороженностью сел.

— Мед эглантерии, — принюхавшись к тарелке, облизнулась Кочерышка. — Красота.

— Угощайся, — сказал ей Тео и опять обратился к Пижме: — Так это ничего, если я поем? — Ему не хотелось показаться тупым, но очень уж подозрительным представлялось превращение давешнего холодного угрюмца в радушного хозяина. — Это не помешает мне вернуться домой?

– Ни эта пища, ни какая-либо другая на ваше возвращение не повлияет. Клянусь Вековыми Деревами.

Тео посмотрел на Кочерыжку, но она, ничуть за него не беспокоясь, обеими руками сокребала с его хлеба мед и масло, отправляя все это в рот. Значит, еда не отравлена – хоть за это можно не опасаться.

– Как он тебя называл – летуницей? – спросил Тео. – Именно так определяется существо с крыльшками, матросским лексиконом и поросичьими манерами?

Кочерыжка ухмыльнулась с набитым ртом.

– Заткнись и лопай, большой дурень.

Тео отломил себе хлеба и взял плод, похожий на розоватую вишню. Хлеб был как хлеб, только гораздо вкуснее, а вот таких фруктов он еще не пробовал: чудесная сладость имела оттенок душистой экзотической остроты. Тео с новой силой ощущал голод и набрал полную горсть этих вишен.

– Я, как уже говорил, сожалею о своей первоначальной... резкости, – сказал Пижма. – Меня занимали другие проблемы. Но теперь я все обдумал и решил, что встреча с вами не утратила важности для моих принципалов и что вас нельзя оставлять одного в чужом для вас мире.

Это не до конца объясняло ситуацию. Пижма очень убедителен в качестве приятного собеседника, но забыть его прежнее поведение не так-то легко. Что могло вызвать в нем подобную перемену? Или это общее свойство всех Цветов – умение скрывать нежелательные эмоции и разыгрывать нужные, как это делают социопаты реального мира? Малоутешительная мысль.

«Либо я параноик, либо у них мозги набекрень. Выбирай что хочешь».

– А не могли бы вы просто отправить меня обратно? – спросил Тео. – Вы не обижайтесь, но ведь я сюда попал не по своей воле. И встречаться с кем-то мне совсем ни к чему...

– Очень даже к чему, – широко улыбнулся Пижма. Тео показалось даже, что сейчас этот аскет с белыми волосами подойдет и хлопнет его по спине. – Вы, я вижу, уже забыли про существо, напавшее на вас в вашем доме.

– Такое не очень-то забудешь.

– Подобное создание трудно сбить со следа надолго, и вы не уйдете от него, даже если будете каждый день перемещаться между двумя мирами. Стоит вам только вернуться к нормальной жизни, и оно сразу найдет вас. Только в следующий раз у вас не будет ни такой помощницы, как госпожа Кочерыжка, ни двери, в которую можно убежать.

Тео вспомнил раздутое лицо чудовища, и под мышками у него стало липко.

– Вы хотите сказать, что рано или поздно оно меня все равно достанет? Где бы я ни был?

– Будем надеяться, что нет. Но для того чтобы точно определить происхождение этого существа, а затем устраниить его или утихомирить, нужен более острый ум, чем у меня, и лучше оснащенная лаборатория. Вот еще одна причина, по которой вам полезно будет встретиться с моими друзьями в Городе. Они ближе к власти, и связей у них больше, чем у меня. Я, как видите, избрал для себя жизнь скромного деревенского философа и ученого.

– Вы сказали «еще одна причина» – какова же главная? – «Может, Пижма и его сторонники сами же и напустили на меня это пугало, – подумал Тео, – чтобы добиться своего». – И почему именно я? Вы сказали, что кто-то из ваших политиков хочет поговорить со мной – почему?

– Я не уполномочен раскрывать кое-какие секреты на случай, если вы... Вам, видите ли, предстоит проделать долгий путь, и если... – Пижма выдвинул из-под ближайшего лабораторного стола табурет и сел, согнув в коленях длинные ноги. Домашней обувью ему служили очень дорогие на вид замшевые туфли, носков он не носил. – Позвольте мне объяснить. – Он надел очки, провел рукой перед одним из экранов, и тот из серебристого сделался синевато-зеленым. Легкое облачко поднялось от него и тут же испарилось.

– Обе наши расы, мастер Вильмос, очень долго жили в тени друг друга. И это, надо сказать, не всегда протекало гармонично. Когда мы начали замечать, что вы пошли в гору, некоторые из наших сочли, что нам следует...

– Что следует? – перебил его Тео. – Переморить нас, как клопов, так, что ли?

– Не будем отвлекаться на пустяки, – махнул рукой Пижма.

– Ничего себе пустяки!

– Несмотря на возникшие в то время сомнения, обеим расам еще долго удавалось уживаться в одном мире... не в том, который известен вам, мастер Вильмос, а в том, который известен нам обоим. Мир у нас не совсем общий – наши области пересекаются или, вернее, сосуществуют, но не всегда в физическом плане.

– Физический план? Пересекающиеся миры? – Тео раздражало, что Пижма уклоняется от главного предмета, то есть от намерения части эльфов перебить весь человеческий род. С ним обращались, как с ребенком, и это вызывало в нем желание делать все наперекор, как настоящий ребенок. – Это уже что-то астрологическое. Терпеть не могу астрологию. У меня была девушка, так она всегда обзывала меня ретроградом или чем-то вроде того. По-настоящему имелось в виду, что я засранец.

Улыбка Пижмы обрела частицу прежнего холода.

– Хорошо. Не будем углубляться в детали. Вы, без сомнения, устали, поэтому ограничимся следующим: за то время, пока мы с вами пользовались как физическими, так и метафизическими благами нашего общего мира, наши потребности изменились. Проще всего выразить это так: вы сейчас берете от земли намного больше, чем мы, – я говорю не только о нашей планете как таковой, о ее почве и воздухе, но и о чем-то менее материальном. Мы с вами – как два города, стоящие на одном озере, но ваш город потребляет намного больше чистой воды и возвращает ее в озеро загрязненной.

– Это вы насчет загрязнения среды? – Тео поморщился, попав зубом на косточку. В других фруктах никаких косточек не было. Он деликатно выплюнул ее в руку и положил на край тарелки. Кочерышка, наевшаяся меду и вишен, тяжело взлетела и опустилась ему на плечо.

– Все далеко не столь просто и не столь... материально, но определенная аналогия имеет место. Вы, смертные, злоупотребляете нашей общей средой и засоряете ее. – Пижма посмотрел на Тео поверх очков. – Все это тесно связано со сменой верований.

– Как так?

– Со сменой верований или, вернее, с уменьшением веры в то, что у вас зовется магией, а у нас наукой. И в нашем, и в вашем мире было несколько переломных моментов – некоторые из них вам, безусловно, известны. После них ваше развитие стремительно ускорялось, а наше положение не менее стремительно менялось к худшему. Причиной зачастую служили какие-то важные открытия или изобретения, но иногда это происходило попросту из-за скудости человеческого воображения и атрофии детской веры в чудеса. Каждый раз, когда это случалось, ваше могущество росло, а наше таяло. Наша жизнь становилась трудной и пустой одновременно. Ваше последнее столетие оказалось наихудшим для нас. Когда мы поняли, что происходит, в нашем обществе тоже начались перемены. Так, мы принялись использовать наши ресурсы более эффективно, поневоле подражая вашему так называемому прогрессу. Дебаты по поводу того, как относиться к этим переменам, сделались основным направлением нашей политики – по крайней мере у тех, кто был достаточно прозорлив и видел проблему во всей ее остроте.

– Или у тех, кому больше делать было нечего – им-то не приходилось зарабатывать себе на жизнь, как другим, – громко прошептала Кочерышка на ухо Тео. Можно было подумать, что она под мухой, хотя при Тео она даже воды не пила.

– Вследствие этих дебатов и образовались наши политические партии, – продолжал Пижма. – На одной стороне Симбионты, полагающие, что дальнейший прогресс человечества

неизбежен, а посему мы должны по-прежнему существовать в тени вашей расы и довольствоваться вашими объедками, подобно некоторым видам птиц или рыб, вычищающим шкуры и зубы более крупных и опасных животных. Сами Симбионты говорят об этом несколько иными словами, но на деле это мало чем отличается от паразитизма.

– Это он про Вьюнов – я тебе рассказывала, – прокомментировала Кочерышка.

– На противоположной стороне стоят экстремисты, считающие, что с такими, как вы, – с расой, не сознающей даже, что она находится на грани уничтожения, – какое бы то ни было существование невозможно. Это Глушители. – Пижма хмуро взглянул на Кочерышку. – В просторечии Сорняки.

– Угу, – хихикнула она. – Сорняки.

– Единственное решение Глушители видят в том, чтобы полностью отъединиться от вас. Есть среди них ученые и философы, к которым я питаю уважение, – они ратуют за полную изоляцию с тем, чтобы оба вида не оказывали друг на друга никакого влияния, но их меньшинство. Остальные выступают за уничтожение вашей цивилизации или подчинение ее нашей. Нормальная легитимная деятельность Цветочного Парламента их, судя по всему, больше не устраивает. Есть опасение, что они могут пойти на прямую конфронтацию со своими противниками.

Тео очень старался разобраться во всем этом. Лекция Пижмы, в общем, мало чем отличалась от рассказа Кочерышки, просто в ней было больше ученых слов.

– А вы к какой группировке принадлежите?

– Я уже, кажется, упоминал об этом. Мы, Эластичные, умеренная центристская партия. Мы за то, чтобы найти способ совместного существования, не капитулируя при этом окончательно. С этой целью мы предпринимаем кое-какие действия и в вашем мире – там, где это возможно. У нас там имеются друзья с поразительно обширными связями.

– Тронутые смертные толстосумы, – шепнула Кочерышка, и на нее напал такой смех, что она свалилась с плеча Тео и отчаянно захлопала крыльями, чтобы не шлепнуться на пол. – Люди, верящие... в эльфов! – Она проделала в воздухе петлю. – Вот обормоты-то где!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочтите эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.